

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1887.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Изложеніе ученія Церкви наолической православной, съ уназаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ (продолженіе). В. Гетте	491—510
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	511—555
Настоящее и будущее папства въ двойномъ освѣщеніи. Діакона П. Румянцева	556—576
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Различныя направленія нѣмецкой философіи послѣ Гегеля въ отношеніи ея къ религіи (продолженіе). И. Петрова	293—307
Формальныя начала и субъективныя условія нравственности. Б. Истомина	308—345
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. Б.	346—350
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1887 году.—Епархіальныя извѣщенія.—Некрологъ.—Рѣчь при погребеніи Протоіерея о. Андрея Калустина.—Извѣстія и замѣтки.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НАМІКІНІЯ

1887.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Вирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

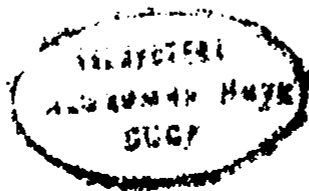
Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 15 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ИЗЛОЖЕНІЕ УЧЕНІЯ

Церкви католической православной, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Нравоученіе Церкви православной.

I.

Общія начала.

Нравоученіе есть правило для дѣйствій человѣческихъ. Въ числѣ этихъ дѣйствій есть такія, о которыхъ человѣкъ не имѣетъ сознанія, вслѣдствіе ли еще неполнаго развитія своего существа, или вслѣдствіе ослабленія временнаго или постояннаго (continue) своихъ способностей. Эти дѣйствія суть чисто инстинктивныя или, по крайней мѣрѣ, онѣ не сопровождаются необходимыми условіями для того, чтобы возлагать какую-бы то ни было отвѣтственность на того, кто дѣйствуетъ.

Условія необходимыя для того, чтобы какое-либо дѣйствіе было вмѣняемымъ человѣку, суть ясное разумѣніе и свободное движеніе воли.

Посредствомъ разума (l'intelligence) познаются законы естественныя или законы *совѣсти*, и законы *положительныя*; посредствомъ свободнаго движенія воли люди приводятъ свое дѣйствіе въ сообразность съ этими законами.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 17.

Дѣйствіе сообразное съ закономъ есть дѣйствіе доброе; а дѣйствіе, противорѣчащее закону, есть дѣйствіе худое или грѣхъ. Навыкъ (*l'habitude*) къ совершенію худыхъ дѣйствій образуетъ порокъ; а навыкъ (*l'habitude*) совершать дѣянія добрыя образуетъ добродѣтель.

Худое дѣйствіе или грѣхъ бываетъ болѣе или менѣе *тяжкимъ*, соотвѣтственно съ важностію закона, который нарушенъ, и соотвѣтственно степени разумѣнія или свободы того, кто дѣйствуетъ. Человѣкъ, который нарушаетъ законъ весьма важный (*grave*) съ яснымъ сознаниемъ и полною свободою, болѣе виновенъ чѣмъ тотъ, который пользуется разумѣніемъ и свободою въ болѣе слабой степени, или который нарушаетъ законъ менѣе важный по своему значенію.

Законы естественные состоятъ въ чувствованіяхъ и въ тѣхъ первѣйшихъ свѣточахъ вѣдѣнія (*les lumières premières*), которые Богъ положилъ въ насъ, и которые составляютъ нашу нравственную природу, какъ чувства и ихъ органы составляютъ нашу природу физическую. Законы естественные образуютъ совѣсть, которая есть внутреннее свидѣтельство, износимое каждымъ изъ насъ относительно нравственнаго значенія того или другаго акта. Совѣсть въ основѣ своей имѣетъ раздѣльное (*distincte*) понятіе о добрѣ и злѣ. Причина-же этого раздѣльнаго пониманія есть Господь Богъ, Который есть *благо* по существу. Въ понятія о Богѣ, добро и зло суть лишь слова лишенные смысла; дѣйствія становятся безразличными (*sont indifferents*), разсматриваемыя сами въ себѣ; онѣ суть не болѣе какъ необходимыя послѣдствія организациі, развившейся въ томъ или другомъ направленіи, до той или другой степени, по случайному стеченію обстоятельствъ (*d'après un hasard*), относительно которыхъ люди не могутъ дать себѣ отчета. Когда-же добро и зло становится не болѣе какъ только словами, и человѣкъ поставляется подъ власть роковой (*fatale*) организациі, тогда нравственность есть нѣчто химерическое ¹⁾.

Чтобы дойти до такой крайности въ этомъ отношеніи, нужно отвергнуть самыя элементы природы человѣка, устанавливающей его бытіе. Нравственные законы, въ человѣчествѣ, не менѣе очевидны, какъ и законы физическіе; отрицая первые какъ и послѣдніе, въ

¹⁾ Атенсты измыслили, въ послѣднее время, *нравственность независимую*. Эти два слова выражаютъ одну изъ величайшихъ нелѣпностей, къ какой только способенъ человѣкъ.

тоже время отрицаютъ всего человѣка. Присутствіе однихъ и тѣхъ же нравственныхъ понятій, во всѣ времена, у всѣхъ индивидуумовъ, доказываетъ, что эти понятія находятся въ природѣ человѣка въ видѣ *законовъ*, подобно тому какъ существованіе инстинктовъ и послѣдовательное развитіе (*des développements successifs*), которому подчинена его физическая природа, доказываетъ, что тѣло подчинено законамъ. Такъ какъ въ этихъ законахъ все направлено къ одной цѣли, то это служитъ доказательствомъ существованія разумнаго дѣйствія, т. е. дѣйствія Творца, воля Котораго постановила законы общіе въ отношеніи къ человѣку, въ нравственной-ли то области, или физической.

Итакъ Богъ есть виновникъ законовъ совѣсти человѣческой, и совѣсть есть только отголосокъ Его воли. Но послѣ того какъ человѣкъ ниспалъ отъ своего первоначальнаго состоянія, съ которымъ онъ былъ сотворенъ, его разумѣніе помрачилось и его воля стала слабою, такъ что онъ не пользуется болѣе полною свободою въ отношеніи къ дѣланію добра.

Дабы возстановить эту свободу, Богъ просвѣтилъ нашъ разумъ и направилъ къ добру нашу волю.

Дабы просвѣтить разумъ, Онъ даровалъ человечеству *положительное* вѣдѣніе (*des notions positives*) истинъ, до которыхъ оно само собою не могло дойти: это есть догматическая часть откровенія. Дабы направить волю къ добру, Онъ даровалъ *законы положительные*.

Наконецъ Онъ даровалъ человѣку внутреннюю помощь, чрезъ дѣйствіе Святаго Духа, ради заслугъ Іисуса Христа. Посредствомъ этой помощи, которая называется *благодатію*, Онъ возстановилъ человѣка въ его свободномъ стремленіи къ истинѣ и добру.

Итакъ на человѣка можно взирать съ двойственной точки зрѣнія въ отношеніи нравственному: въ самомъ себѣ, т. е. внѣ дѣйствія благодати, и подъ воздѣйствіемъ благодати. Въ первомъ состояніи онъ обладаетъ отъ природы (*naturellement*) элементами добра, которые составляютъ сущность нравственнаго состава человѣческой природы; онъ обладаетъ разумомъ, который владѣетъ разумѣніемъ первоначальныхъ истинъ, и совѣстью, которая есть внутреннее чувствованіе добра. Но онъ недостаточно свѣтоносенъ для того, чтобы видѣть всѣ истины, кои для него необходимы, и его чувствованіе добра недостаточно сильно для того, чтобы заставить его дѣйствовать всегда нравственно (*d'une manière morale*); онъ не пользуется въ этомъ отношеніи полною свободою.

Человѣкъ, разсматриваемый какъ христіанинъ, т. е. рассматри-

ваемый *подъ въздѣйствіемъ благодати*, владѣеть полною свободою видѣть истину и совершать добро. Такъ какъ свобода эта приходитъ отъ Бога, то должно допустить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, поставленный въ условія христіанской жизни (*dans les conditions chrétiennes*), совершаетъ доброе, онъ обязанъ благодати, и что всѣ заслуги, которыя онъ можетъ имѣть, усвояются ему благодатию Божіей (*lui viennent par la grâce de Dieu*).

Отсель проистекаютъ слѣдующія главные начала (*grands principes*) нравоученія христіанскаго: 1) человѣкъ имѣетъ безусловную нужду въ благодати Божіей, которая такимъ образомъ *необходима*; 2) благодать Божія *дѣйствена*, т. е. она опредѣляетъ человѣческое дѣйствіе; 3) человѣкъ не принуждается благодатию видѣть истину или дѣлать добро, ибо сія благодать есть только возсозидающая помощь (*réparateur*), которая *возстановляетъ свободу человека*, а не стѣсняетъ ее; 4) благодать даруется Богомъ *туне*, т. е. безъ предварительныхъ заслугъ съ нашей стороны, поелику всѣ наши дѣйствія, сами по себѣ, внѣ благодатнаго вліянія, должны быть запечатлѣны характеромъ *недостаточности* (*un caractère defectueux*), вслѣдствіе потемненія интеллектуальнаго и нравственнаго.

Разности между церквами христіанскими относительно главныхъ началъ нравоученія.

Христіанскія основанія нравоученія были колеблемы двумя большими, противоположными ересями: пелагіанизмомъ и фатализмомъ или предестинаціонизмомъ. Первая ересь, осужденная Церковію первыхъ вѣковъ, была возобновлена іезуитами, которые кончили тѣмъ, что навязали ее всей римской церкви, не открыто и не подъ ея подлиннымъ именемъ, но при помощи тысячи богословскихъ ухищреній (*astuces théologiques*). Первымъ виновникомъ этихъ ухищреній былъ іезуитъ Молина. Онъ не дѣлалъ прямого нападенія на традиціонное ученіе о благодати, онъ показывалъ даже видъ, что принимаетъ его. Однако папство, которое было еще православнымъ, въ этомъ отношеніи, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, сдѣлало провѣрку новымъ доктринамъ посредствомъ ряда конференцій, извѣстныхъ подъ именемъ „*Congrégationes de Auxiliis*“. Пелагіанизмъ іезуитовъ былъ здѣсь осужденъ, но такъ однако, что іезуитамъ были оставлены нѣкоторые выходы, дабы проводить свою вредную доктрину.

Искренніе католики изобличали ихъ лукавство и стали преподавать здоровое ученіе. Іезуиты обвинили ихъ въ мнимои ереси, и достигли того, что они были осуждены папствомъ какъ *ясенисты*. Тѣ-же самые іезуиты съ намѣреніемъ запутали понятія самыя ясныя о власти въ Церкви и о благодати; они успѣли наконецъ достигнуть того, что ихъ пелагіанская доктрина была одобрена папствомъ. Булла „Unigenitus“, изданная Климентомъ XI, есть явное провозглашеніе пелагіанизма и она принята теперь всѣми епископами и теологами римскими, какъ *правило вѣры*.

Церковь римская исповѣдуетъ также заблужденія самыя тяжкія относительно нравственности, которую она разрушаетъ посредствомъ тонкостей *казуистовъ*. Имя казуистовъ усвоено теологамъ, которые взяли на себя дать рѣшенія на различныя *случаи недоумѣній совѣсти* (*cas de conscience*). Іезуиты пріобрѣли всего болѣе значенія въ этой области теологіи, и они всецѣло отдались изобрѣтенію средствъ для нарушенія предписаній самыхъ ясныхъ, когда это могло быть полезно для цѣли, которую ставитъ себѣ ихъ общество. Отсюда-то возникла вся ихъ система различеній болѣе или менѣе тонкихъ мысленныхъ подразумѣваній (*restrictions mentales*), тысячи уловокъ съ цѣлію омрачить совѣсть людей и оправдать или извинить въ извѣстномъ случаѣ самыя тяжкіе проступки. Нѣтъ ни одного пункта нравоученія, который былъ-бы оставленъ неповрежденнымъ. Доктрина *казуистовъ* была сначала осуждена папствомъ и епископами въ теченіи семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ. Но, приблизительно около столѣтія назадъ, іезуиты успѣли сдѣлать бессильными (*inutiles*) эти осужденія. Ихъ безнравственное ученіе распространилось; они изложили его кратко въ теологіи италіанскаго епископа, Альфонса Лигуоріо; они косвенно заставили одобрить свое ученіе канонизаціей этого епископа, и съ этого времени оно сдѣлалось ученіемъ *классическимъ*, какъ это слѣдуетъ изъ сочиненій Лигуоріо, столь громко одобренныхъ, изъ сочиненій кардинала Гуссе, іезуита Гюри, и проч. Нѣкоторые голоса, которые раздаются теперь въ церкви римской, въ защиту нравственности христіанской, являются одинокими и признаются подозрительными. Казуистика іезуитовъ стала выше древнихъ началъ, подобно тому какъ ихъ пелагіанизмъ разрушилъ здоровыя понятія о благодати.

Не безъ основанія ставятъ въ упрекъ Лютеру, что онъ поколебалъ основы нравственности христіанской ученіемъ, которое, въ сущности, выражается словомъ: *фатализмъ*. Если человѣкъ, какъ училъ Лютеръ, предопредѣленъ, въ силу непреложнаго опредѣленія

Божія, или къ добру или къ злу, то онъ уже не принимаетъ никакого участія въ своихъ дѣйствіяхъ; его свободная воля разрушена. Лютеръ не уклонился отъ этого вывода и замѣнилъ слово *свободная* воля словомъ *рабская* воля. Если же человекъ не поступаетъ свободно и дѣйствіе благодати, вмѣсто того чтобы возстановить его свободу, умаляетъ ее и уничтожаетъ, то человекъ есть не болѣе какъ только *страдательное* орудіе подъ дѣйствіемъ Божиимъ; онъ нисколько не сноси́вствуетъ добру, которое совершается въ немъ. Точно также зло, которое онъ совершаетъ, не вмѣняемо ему, потому что у него недостаетъ яснаго разумѣнія и воли, необходимыхъ для сообщенія нравственнаго характера всякому человѣческому дѣйствію.

Многіе теологи протестантскіе послѣдовали Лютеру въ этой доктринѣ. Слѣдствіемъ этого ученія было то, что дѣла для спасенія оказались ненужными. Впрочемъ должно признать, что большая часть протестантовъ избѣгаютъ этой доктрины и ея ужасныхъ послѣдствій. Благодаря свободѣ, которою пользуется каждый протестантъ въ толкованіи Писанія, насильственный (*forcé*) смыслъ, который Лютеръ придалъ нѣкоторымъ текстамъ, былъ отвергнутъ наибольшимъ числомъ протестантовъ, которые поняли, что этотъ смыслъ, слишкомъ безусловный и исключительный, находится въ противорѣчій съ общимъ смысломъ Слова Божія. Должно признать однако, что въ ученіи протестантовъ царствуетъ странная спутанность понятій вслѣдствіе различныхъ системъ, принятыхъ относительно ученія о благодати, свободной волѣ и необходимости дѣла. Множество постороннихъ вопросовъ были подняты по отношенію къ этимъ важнымъ предметамъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ одному только Богу и которые, слѣдовательно, навсегда останутся таинственными. Не имѣя руководителя въ положительномъ и общепринятомъ ученіи христіанскаго преданія, теологи протестантскіе измыслили множество противорѣчивыхъ системъ, которыя должны были по необходимости оказать пагубное дѣйствіе на различныя протестантскія общества, съ церковію англиканскою включительно, и должны были произвести великое смущеніе въ совѣсти людей.

Церковь православная столь-же далека отъ фатализма, какъ и пелагіанизма; она принимаетъ начала нравственности въ ихъ наиболѣе ясномъ смыслѣ (*claus leur sens le plus clair*), и она не прибѣгаетъ къ плутнямъ казуистическимъ. Отселѣ, ея ученіе столь-же сообразно съ чувствованіями совѣсти правой и честной, какъ и съ положительными наставленіями Откровенія.

II.

Законъ Божій положительный.

Мы не имѣемъ намѣренія излагать законы естественные прежде всего потому, что каждый находитъ ихъ въ своей совѣсти, свидѣтельство коей можетъ быть введено въ заблужденіе (faussé), но никогда не можетъ быть уничтожено (détruit), даже самыми тяжкими преступленіями; затѣмъ потому, что Богъ, чрезъ законы положительные, даровалъ только восполненіе законовъ всеобщихъ, которыми Онъ положилъ основаніе нравственной природѣ человѣка.

Законы божественные положительные вкратцѣ заключаются въ заповѣдяхъ, которыя даны израильтянамъ чрезъ Моисея, и которыя въ слѣдующемъ видѣ предлагаются Церковію православною, согласно съ библейскимъ текстомъ:

1. Я Господь, Богъ твой; да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ.

2. Не дѣлай себѣ кумира, и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли; не поклоняйся имъ и не служи имъ.

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.

4. Помни день субботагнй, чтобы святить его. Шестъ дней работай, и дѣлай въ нихъ всякія дѣла твои; а день седьмой суббота Господу, Богу твоему.

5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебѣ было хорошо и чтобы продлились дни твои на землѣ.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодѣйствуй.

8. Не крадь.

9. Не произноси ложнаго свидѣтельства на ближняго твоего.

10. Не желай жены ближняго твоего; не желай дома ближняго твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ничего, что у ближняго твоего.

Иисусъ Христосъ не отмѣнилъ заповѣди, данныя чрезъ Моисея, а напротивъ, изъяснилъ, что они остаются обязательными (Мѡ. V, 18). Они должны посему быть основнымъ правиломъ всякаго христіанина при исполненіи обязанностей въ отношеніи къ Богу и ближнему ¹⁾, ибо, согласно съ ученіемъ Іисуса Христа, они сводятъ

¹⁾ Изъясняя, что законъ Моисеевъ не отмѣненъ, Іисусъ Христосъ освятилъ авторитетъ Вѣтхаго Завета въ его цѣлостности, котораго краткое содержаніе

ся къ двумъ основнымъ заповѣдямъ любви къ Богу и ближнему (Мѡ. XXII, 36—40).

Первая заповѣдь.

„Я Господь, Богъ твой; да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ Моимъ“.

Въ этой заповѣди Богъ повелѣваетъ человѣку познавать Его и воздавать Ему поклоненіе, должное въ отношеніи къ Нему.

Правильное познаніе Бога, Его природы, Его свойствъ, есть первая, возложенная на человѣка обязанность. Дабы исполнить ее, онъ долженъ не только пользоваться свѣтомъ своего разумнія и тѣми свидѣтельствами, которыя воздаютъ своему Творцу всѣ твари вселенной, но также долженъ изучать наставленія божественныя, содержащіяся въ священныя книги Ветхаго и Новаго Завета. Дабы не впасть въ заблужденіе при изученіи сихъ божественныхъ книгъ, онъ долженъ принять въ качествѣ руководителя всеобщее ученіе, предлагаемое Церковію, изъ вѣка въ вѣкъ, безъ поврежденія, и читать, слѣдовательно, сколь возможно, творенія писателей, на которыхъ Церковь постоянно взирала, какъ на отцевъ и учителей. Такимъ образомъ человѣкъ не будетъ подвергаться опасности имѣть о Богѣ познаніе лживое, которое могло-бы имѣть послѣдствія самыя бѣдственныя для его разума и его совѣсти.

Истинное (exacte) познаніе о Богѣ будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ идею истиннаго богопочтеніе (culte), которое обязательно въ отношеніи къ Нему и которое предписано въ первой заповѣди сими словами: „да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ Моимъ.“

Все богопочтеніе сокращенно заключается въ любви къ Богу, по слову Иисуса Христа: „возлюби Господа, Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь“ (Мѡ. XXII, 37, 38).

представляетъ законъ Моисеевъ. Вотъ почему Церковь православная признаетъ Словомъ Божиимъ столько-же Ветхій Заветъ, какъ и Новый. Книги Ветхаго Завета, на которыя она взираетъ какъ на каноническія, суть слѣдующія, которыя составляютъ также канонъ Еврейскій: Бытія, Исходъ, Левитъ, Числь, Второзаконіе, книга Иисуса Навина, книга Судей и Руѡв, Четыре книги царствъ, двѣ книги Паралипоменонъ, первая и вторая книга Эздры, Эсфирь, Іовъ, Псалтирь, книга притчей Соломоновыхъ, Экклезіастъ, Пѣснь пѣсней, Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніиль, Двѣнадцать пророковъ.

По смыслу этихъ словъ Божественнаго Учителя, Богъ долженъ быть конечною цѣлю *нашего ума*, т. е. нашихъ помышлений; *нашего сердца*, т. е. нашихъ чувствованій; *нашей души*, т. е. всей нашей дѣятельности. Вотъ почему св: Апостоль Павелъ указалъ намъ, въ отношеніи къ Богу, три добродѣтели, для исполненія: это—вѣра, надежда, любовь. Вѣра посвящаетъ Богу *нашъ умъ*; надежда приноситъ Ему въ жертву наши желанія и чувствованія; любовь Ему посвящаетъ всѣ наши дѣйствія (1 Коринѣ. XIII, 13). Таковая дѣятельность есть существенное свойство любви, по словамъ св. апостола Іоанна (Іоан. XIV, 15)

О вѣрѣ.

Вѣра есть добродѣтель, которою мы принимаемъ всѣ истины открытыя намъ Богомъ и хранимыя Церковію во всѣ времена, утверждаясь на истинности Божіей и на непогрѣшимости, которою облечена Церковь для храненія истинъ, коихъ залогъ ей ввѣренъ.

Такимъ образомъ вѣра имѣетъ *предметомъ* своимъ только истины откровенныя. Все то, что не принадлежитъ къ залогу откровенія, отходитъ въ область человѣческихъ мнѣній, которыя можно принимать или отвергать съ полною свободою, смотря по тому, сообразны-ли онѣ или не сообразны съ истинами откровенными.

Побудительная причина (motif) вѣры есть истинность Бога, Который ни Самъ не можетъ быть причастенъ заблужденію, ни насъ вводитъ въ заблужденіе.

Существенное условіе истинной вѣры состоитъ въ послушаніи Церкви, которая можетъ одна сообщить намъ истинное откровеніе Божіе, по причинѣ непогрѣшимости, кою она облечена для *сохраненія его въ цѣлости*. Если-бы мы не стали признавать голоса Церкви своимъ руководителемъ, то мы никогда не были-бы увѣрены, что вѣдаемъ въ подлинномъ видѣ истины, открытыя намъ Богомъ; мы стали-бы подвергать ихъ испытанію нашего собственнаго разума, и мы довѣрились-бы тогда не Богу, но своему собственному разуму; наша вѣра не была-бы уже вѣрою истинною, но простымъ убѣжденіемъ, болѣе или менѣе полнымъ, опирающимся на простыхъ основахъ вѣроятности, доставляемой умозаключеніемъ (par le raisonnement).

Истинный христіанинъ вѣруетъ истинамъ откровеннымъ, *потому что* Богъ есть истиненъ; онъ вѣруетъ, что такая-то истина есть откровенная, *потому что* Церковь свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Вѣра есть добродѣтель *внутренняя*; но должно проявлять ее во внѣ, т. е. и исповѣдывать ее, по слову св. Павла: „сердцемъ вѣруютъ къ праведности, а устами исповѣдуютъ ко спасенію“ (Рим. X, 10). Такимъ образомъ вѣра внутренняя, т. е. внутреннее убѣжденіе глубокое, необходима; ибо, безъ этого условія, вѣра не можетъ быть *истинною*; но необходимо также исповѣдывать свою вѣру и внѣшнимъ образомъ, дабы проявить во внѣ то, что существуетъ въ самой глубинѣ нашей совѣсти, подъ опасеніемъ лишиться спасенія. „Кто постыдится Меня и Моихъ словъ, того Сынъ Человѣческій постыдится, когда придетъ во славу Своей“ (Мук. IX, 26).

О н а д е ж д ѣ.

Надежда есть добродѣтель, посредствомъ которой мы посвящаемъ Богу всѣ наши воздыханія и всѣ наши желанія въ отношеніи-ли къ этой жизни, или къ жизни будущей.

Добродѣтель сія основывается на томъ познаніи, которое даруетъ намъ вѣра: что Богъ есть верховное благо, и что мы призваны наслаждаться въ Немъ нескончаемымъ блаженствомъ, по оставленіи этого видимаго міра.

Надежда такимъ образомъ имѣетъ *предметомъ* своимъ Самого Бога; побудительною причиною она имѣетъ обѣтованіе, которое Богъ далъ намъ, даровавши въ семъ мірѣ *благодать* для совершенія добра, а въ будущемъ мірѣ, уготовавши намъ *славу*; основаніемъ своимъ она имѣетъ Самого Иисуса Христа, Который своими заслугами приобрѣлъ для насъ благодать и славу, и Который есть, такимъ образомъ, — по ученію св. Павла, — единое основаніе нашего упованія (1 Тимоѳ. 1, 1).

О л ю б в и.

Любовь есть добродѣтель, которая заставляетъ насъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ сообразно съ волею Божіею. Она есть такимъ образомъ посвященіе Богу всей нашей дѣятельности; вотъ почему св. Павелъ представляетъ ее самою великою изъ добродѣтелей, и ставитъ ее выше вѣры и надежды. (1 Коринѳ. XIII, 13). Двѣ послѣднія добродѣтели были-бы въ дѣйствительности чисто созерцательными (*speculatives*), если-бы любовь не сообщала имъ практическаго характера, что собственно и составляетъ самую сущность всякой добродѣтели.

Богъ есть предметъ любви, но Иисусъ Христосъ научилъ насъ, что мы не могли-бы любить Бога, не обнаруживая въ тоже самое время любви къ нашимъ ближнимъ. Вотъ почему, указавши, что первыя четыре заповѣди заключаютъ въ себѣ заповѣдь о любви къ Богу, Онъ говоритъ, что другія шесть выражаютъ обязанность любить ближняго; далѣе Онъ провозглашаетъ, что эта вторая заповѣдь подобна первой (Мѡ. XXII, 39).

Для того, чтобы быть истинною, любовь должна быть *полною*, то есть, должна возбуждать насъ къ исполненію всѣхъ заповѣдей безъ исключенія, потому что всѣ божественные законы, проистекая изъ одного и того-же источника, имѣютъ въ отношеніи къ намъ одинаковую обязательность.

По самой природѣ своей, любовь есть добродѣтель *дѣятельная*, т. е. она состоитъ въ осуществленіи добраго (*dans la pratique du bien*).

Такъ именно говоритъ Иисусъ Христосъ: „кто имѣетъ заповѣди Мои, и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня... Кто любитъ Меня, тотъ соблюдаетъ слово Мое“ (Іоан. XIV, 21, 23). Св. Іоаннъ говоритъ въ томъ-же самомъ смыслѣ: „это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его“ (Іоанн. V, 3). „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ,—можетъ-ли эта вѣра спасти его?.. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 11, 14, 26).

Добрыя дѣла и служатъ выраженіемъ любви, соединенной съ вѣрою; и именно чрезъ вѣру, соединенную съ любовію, мы получаемъ оправданіе во Христѣ Иисусѣ.

Іудеи надѣялись оправдаться соблюденіемъ постановленій законныхъ и чисто вѣшнихъ. Христіанинъ-же можетъ стать оправданнымъ не иначе, какъ только подъ условіемъ сердечнаго усвоенія (*par l'adhésion intime*) истинъ христіанскихъ, т. е. чрезъ единеніе съ Иисусомъ Христомъ въ вѣрѣ, но вѣра сія мертва, если она не оживотворяется любовію, этою высочайшею добродѣтелію, которую Богъ ниспосылаетъ въ наши души ради заслугъ Иисуса Христа и которою Онъ насъ оживотворяетъ, освящаетъ и руководитъ къ вѣчному блаженству.

Богочтеніе (*le culte*).

Обязанности, кои мы должны исполнять въ отношеніи къ Богу, кратко содержатся въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Но если-бы сіи добродѣтели оставались въ состояніи свойствъ внутреннихъ, то онѣ не

были-бы уже человѣческими добродѣтелями, потому что человѣкъ, въ силу своей двойственной природы, духовной и тѣлесной, необходимо долженъ обнаруживать во внѣ свои мысли и свои чувства. Такимъ образомъ человѣкъ обязанъ проявлять во *внѣшнихъ* дѣйствіяхъ свою вѣру, надежду и любовь, и именно въ этихъ дѣйствіяхъ содержится богопочитаніе.

Богопочитаніе бываетъ или частнымъ или общественнымъ; оно бываетъ частнымъ, когда каждый въ отдѣльности обнаруживаетъ предъ Богомъ дѣйствія вѣры, надежды или любви; общественнымъ, когда совершаютъ предъ Богомъ сіи дѣйствія совместно съ другими вѣрующими.

Богопочтеніе частное состоитъ главнымъ образомъ въ молитвѣ; богопочтеніе общественное—въ обрядахъ сопровождающихъ совершеніе таинствъ и въ частности—въ совершеніи св. литургіи. Мы объ этомъ будемъ говорить въ четвертой части настоящаго труда.

Что касается молитвы, которая составляетъ основу частнаго богослуженія, то Іисусъ Христосъ всѣ молитвы, которыя мы могли-бы обращать къ Богу, кратко выразилъ въ слѣдующихъ словахъ (Мѣ. VI, 9 и слѣд.):

„Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ,
 Да святится имя Твое;
 Да пріидетъ царствіе Твое;
 Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли:
 Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь,
 И остави намъ долги наша, яко-же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ;
 И не введи насъ во искушеніе,
 Но избави насъ отъ лукаваго! Аминь“

Эта молитва, преподанная Господомъ, содержитъ въ себѣ призываніе и семь прошеній.

П р и з ы в а н і е.

Призываніе состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!“ Сладостное имя Отецъ есть то имя, съ которымъ мы должны обращаться къ Богу; только Онъ одинъ имѣетъ полное право на это названіе, ибо Іисусъ Христосъ сказалъ: „одинъ у васъ Отецъ, Который на небѣсахъ“ (Мѣ. XXIII, 9). Если даютъ его человѣку, отъ котораго, по волѣ Божіей, мы рождаемся, то это потому, что человѣкъ этотъ есть образъ отчества божественна-

го, въ порядкѣ жизни естественной; если обращаютъ сіе имя къ пастырямъ Церкви, то это потому, что они суть образъ отчества божественнаго, въ порядкѣ жизни духовной. Тѣ и другіе такимъ образомъ являются лишь символами (*symboles*) отчества, которое пребываетъ всецѣло въ Богѣ единомъ, поелику Онъ есть единственный Создатель всего, что существуетъ.

Спаситель словомъ *нашъ*, которое Онъ влагаетъ въ уста всѣхъ Своихъ учениковъ, напоминаетъ, что искупленное челоѳчество образуетъ лишь единую и истинную семью въ очахъ Божіихъ. „И въ дѣйствительности тѣмъ, которые приняли Его (Слово воплощенное), даровалъ власть быть чадами Божіими“ (Іоан. I, 12). Различіе въ общественномъ положеніи не даетъ никакого права взирать на себя какъ стоящаго выше (*en dehors*) возрожденной семьи челоѳческой. Заявлять притязаніе, по гордости, на права исключительныя, независимо отъ условій соціальной жизни—это значитъ отрицать, что *Богъ* есть *Отецъ* всѣхъ и отвергать одну изъ основныхъ истинъ христіанства. Иисусъ Христосъ прибавляетъ къ словамъ: „Отче нашъ“ слова: „Иже еси на небесѣхъ“, дабы напомнить намъ, что чада Божіи рождены „не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога“ (Іоан. I, 13); что они не должны ограничивать своихъ надеждъ предѣлами этого міра; что они находятся на этой землѣ лишь въ состояніи переходномъ; что ихъ первоначальная родина (*leur origine*) на небесахъ, гдѣ пребываетъ Отецъ ихъ, т. е. въ высочайшей области блаженства и безсмертія.

Первое прошеніе.

„Да святится имя Твое“.

„Свято имя Его“ (Лук. I, 49). Но и мы должны являть имя Его святымъ, или *святить Его*, первѣе всего въ насъ самихъ, живя сообразно съ святостію, показывая въ себѣ достойныхъ чадъ Отца, Который есть *святъ по своему существу*, исполняя законы, кои суть отображеніе Его святости. Мы должны также святить Его въ глазахъ другихъ людей, обнаруживая наше внутреннее настроеніе своими добродѣтелями; чтобы „они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго“ (Мѳ. V, 16).

Такимъ образомъ, первымъ прошеніемъ, мы испрашиваемъ благодати Божіей для исполненія слѣдующей заповѣди Господа, которая совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѳ. V, 48),

и эту третію заповѣдь закона: „не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.“ Подлинно, святить имя Божіе—это значитъ почитать его, благоговѣть предъ нимъ, поклониться ему, не злоупотреблять имъ; славить всегда въ своихъ мысляхъ, чувствахъ, словахъ и дѣлахъ.

Первое прошеніе такимъ образомъ есть дѣйствіе вѣры, надежды и любви.

Второе прошеніе.

„Да придетъ царствіе Твое“.

Богъ единъ есть царь міра; Онъ царствуетъ и будетъ царствовать вовѣки въ силу верховной власти Своей; но люди часто злоупотребляютъ своею свободою въ томъ отношеніи, что противопоставляютъ свои мнѣнія откровенію Божественному и не оказываютъ послушанія законамъ Божественнымъ; они ставятъ себя такимъ образомъ въ состояніе возмущенія противъ Бога. Словами *да придетъ царствіе Твое* мы приносимъ дань благоговѣнія верховной власти Божіей и такимъ образомъ совершаемъ дѣйствіе вѣры; мы исповѣдуемъ, что Онъ имѣетъ право царствовать надъ душами и сердцами, также какъ надъ всей видимой (*physique*) природой; мы высказываемъ желаніе, чтобы всѣ люди признавали Его верховное владычество надъ ними и посвящали Ему всю жизнь свою; и мы проявляемъ такимъ образомъ дѣйствіе *любви*.

По словамъ св. Павла, „царствіе Божіе есть праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“ (Римл. XIV, 17). Прося *да придетъ* это царство, мы желаемъ, чтобы всѣ люди жили въ праведности; чтобы они имѣли между собою *миръ*; чтобы пользовались въ глубинѣ своего сердца тою радостію божественною, тѣмъ счастьемъ, котораго даруетъ добрая совѣсть, при воздѣйствіи Святаго Духа. Таково истинное царствіе Божіе, которое не обнаруживается *во внѣшности* и которое находится *внутри насъ* (Лук. XVII, 20, 21).

Но это царствіе Божіе обнаруживается, въ мірѣ, истинною религіею. Спаситель восхотѣлъ непрерывно напоминать намъ въ молитвѣ, которую Онъ далъ намъ, что мы должны трудиться для расширенія царствія Божія въ мірѣ, для распространенія истины и для привлеченія всѣхъ къ вѣдѣнію св. Церкви, которая есть единственная хранительница истины: ибо Церковь именно есть царствіе Божіе въ семъ мірѣ, т. е. область, въ которой Онъ царствуетъ какъ верховный владыка, въ которой Ему приносится истинное почитаніе

(l'hammage légitime), Ему принадлежащее. Такъ какъ царствіе Божіе должно завершиться только въ мірѣ будущемъ, то слова: *да придетъ царствіе Твое, суть дѣйствіе надежды*, воздыханіе о днѣ, когда освобожденные отъ узъ тѣла смертнаго и тлѣннаго, мы будемъ блаженны со Христомъ Іисусомъ, въ вѣчномъ жилищѣ Божіемъ.

Третье прошеніе.

„Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“.

Законы, обосновывающіе нравственное бытіе человѣка, или совѣсть, какъ и законы *положительные*, суть выраженіе воли Божіей. Сія воля есть правило всегда соблюдаемое на небѣ; тѣ, кои наслаждаются тамъ славою, повинуются лишь благотворному внушенію воли Божіей, не по принужденію, но по свободному дѣйствію своей собственной воли, въ неизмѣнномъ согласіи съ волею Божіею. На землѣ не такъ бываетъ, съ тѣхъ поръ какъ грѣхопаденіе первыхъ людей внесло мракъ въ разумѣніе человѣка и склонность ко злу въ его сердце. Тѣмъ не менѣе каждый человѣкъ долженъ прилагать свои силы, съ помощію Божіею, къ тому, чтобы возстановить въ себѣ самомъ гармонію между закономъ и своими дѣйствіями, не имѣть другаго правила кромѣ воли Божіей; онъ долженъ желать дабы было такъ и у всѣхъ людей, чтобы такимъ образомъ (нравственный) порядокъ царствовалъ въ отдѣльныхъ людяхъ, также какъ и въ обществахъ.

Признавая волю Божію единственнымъ закономъ, люди являютъ дѣйствіе *впры*; обращая взоры къ небу, гдѣ царствуетъ воля божественная, и признавая небо образцомъ для земнаго порядка, являютъ дѣйствіе *надежды*; стремясь волею живою и дѣятельною (*d'un désir réel et actif*), чтобы все человѣчество жило по образцу міра небснаго, являютъ дѣйствіе *любви*.

Четвертое прошеніе.

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“.

Спаситель научаетъ насъ, что мы находимся предъ лицомъ Божіимъ во всецѣлой зависимости, въ разсужденіи какъ предметовъ временныхъ, такъ и въ отношеніи къ предметамъ духовнымъ. Человѣкъ всѣ предметы необходимые для жизни, и самую жизнь имѣетъ только по милости Божіей. Сохраненіе его земнаго бытія есть только продолженіе дѣйствія силы Творца, Который далъ ему

бытіе, и, если онъ живетъ, это потому, что Богъ хочетъ сохранить ему жизнь.

Каждый день мы обязаны испрашивать у Бога „хлѣбъ насущный“, поелику мы можемъ имѣть его лишь отъ Его щедротъ. Мы должны просить лишь „хлѣба насущнаго,“ ибо мы не вѣдаемъ, будемъ-ли мы еще на завтра въ здѣшнемъ мірѣ. „Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, сказалъ Иисусъ Христосъ. Ибо завтрашній *самъ* будетъ заботиться о своемъ. Довольно для *каждаго* дня своей заботы“ (Мѡ. VI, 34).

Если Богъ даруетъ намъ болѣе чѣмъ необходимо, то не для того, чтобы мы злоупотребляли этимъ, но чтобы мы были вѣрными распорядителями всѣмъ этимъ въ отношеніи къ нашимъ братьямъ, и чтобы мы взирали на себя какъ на посредниковъ Провидѣнія относительно ихъ.

„Не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. IV, 4); ибо человекъ составленъ изъ двойной субстанціи, духовной и матеріальной. Слово Божіе есть хлѣбъ души; какъ хлѣбъ матеріальный есть основной элементъ для жизни тѣлесной, такъ слово Божіе есть основное начало для жизни духа, и мы должны просить у Бога „хлѣба насущнаго“ для нашей души столь-же, какъ и хлѣба для нашего тѣла.

Есть еще другой хлѣбъ, именно въ Евхаристіи, который оживотворяетъ въ одно и то-же время нашу душу и наше тѣло, сообщая первой Самого Иисуса Христа, Который есть *жизнь*, и освящая второе, которое служитъ средствомъ при этомъ божественномъ причастіи.

Мы должны просить у Бога, каждый день, содѣлать насъ достойными причастниками этого хлѣба животнаго, во время-ли дѣйствительнаго причащенія, или въ остальное время, и даровать намъ все необходимое для жизни духовной и для жизни тѣлесной.

Такимъ образомъ *вѣра* заставляетъ насъ признавать въ Богѣ виновника нашей жизни; *надежда* заставляетъ насъ воздыхать о жизни высшей, источникъ которой есть Самъ Богъ; *любовь* заставляетъ насъ изыскивать всѣ средства прославлять Бога милостынями духовными и матеріальными, оказываемыми въ отношеніи къ ближнему.

П я т о е п р о ш е н і е .

„И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Мы *должники* по отношенію къ Богу; мы Ему должны самымъ бытіемъ своимъ; итакъ, мысли нашего ума, чувствованія нашего сердца, всё дѣла нашей жизни Ему принадлежатъ. Если мы не отдаемъ Ему какую-либо часть нашего существованія, мы совершаемъ *хищеніе*, и ставимъ себя, по отношенію къ Нему, въ состояніе виновности. Итакъ, кто можетъ обольщать себя надеждою что онъ живетъ постоянно для Бога, что слѣдуетъ во всѣхъ обстоятельствахъ Его законамъ, что не утаиваетъ отъ Него (*de ne lui avoig ravi*) ни одной изъ своихъ мыслей, ни одного изъ своихъ чувствованій, ни одного изъ своихъ дѣйствій? Самые праведные грѣшатъ нерѣдко, и „тотъ, кто говоритъ, что не имѣетъ грѣха, обманываетъ самого себя“.

Каждый день, слѣдовательно, мы должны, *своею вѣрою*, признавать, что Богъ имѣетъ право на все наше существованіе; *надѣяться* отъ Его благости на отпущеніе нашихъ долговъ; обновлять себя, *любовію*, въ рѣшимости стать менѣе заслуживающими порицанія.

Но Иисусъ Христосъ научилъ насъ, что Богъ будетъ милосерднымъ въ отношеніи къ намъ лишь тогда, когда мы будемъ милосердными въ отношеніи къ другимъ. Всѣ люди связаны между собою *правами* и *обязанностями* взаимными. Но случается очень часто, что люди даютъ преимущественное значеніе своимъ правамъ предъ обязанностями, что преувеличиваютъ свои права и умаляютъ свои обязанности; отсельъ возникаетъ борьба, изъ которой рождается раздоръ съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ влечетъ за собою.

Богъ желаетъ, чтобы люди прощали другъ другу взаимно, отпускали другъ другу взаимныя обиды, и Онъ даже указалъ на милосердіе, которое они окажутъ по отношенію къ себѣ подобнымъ какъ на мѣру милосердія, которое Онъ даруетъ имъ Самъ. Вотъ почему Иисусъ Христосъ сказалъ: „если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ; то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѡ. VI, 14, 15).

Прощая своему брату, являютъ въ отношеніи къ нему *любовь*, которая есть исполненіе закона; *уповаютъ* на милосердіе Бога, Который отпуститъ намъ наши собственныя прегрѣшенія; видятъ, *черезъ вѣру*, въ своемъ ближнемъ Самого Иисуса Христа, Который сказалъ, что Онъ будетъ взирать на дѣйствіе любви, предметомъ котораго будетъ ближній, какъ на дѣйствіе совершенное въ отношеніи къ Нему Самому.

Шестое прошеніе.

„И не введи насъ во искушеніе“.

Искушеніе есть стеченіе-обстоятельствъ, кои ставятъ насъ въ опасность согрѣшнить. Искушенія происходятъ отъ склонности къ злу и невѣдѣнію, кои суть послѣдствія грѣха первороднаго. Діаволь, которому Богъ попустилъ искушить человѣка, старается ввести его въ заблужденіе, пользуется его невѣдѣніемъ, дабы ему представить заблужденіе подъ наружнымъ видомъ истины и заставить его согрѣшнить *противъ вѣры*; злокозненно пользуется его склонностію ко злу, дабы ему представить это зло какъ источникъ добра, дабы его заставить преступить законы совѣсти и повелѣнія Божіи, дабы представить ему этотъ міръ какъ единственную цѣль его *надежды*, удовольствія и богатства какъ единственный предметъ достойный *его дѣятельности*. Слѣдуя симъ наущеніямъ діавольскимъ, человѣкъ теряетъ вѣру, надежду и любовь; онъ отлучаетъ себя отъ Бога въ этомъ мірѣ, и Богъ утверждаетъ это отлученіе опредѣленіемъ вѣчнымъ.

Но если Богъ попустилъ діаволу искушать человѣка, Онъ поручилъ также ангеламъ внушать ему свѣтъ вѣдѣнія и благія мысли; Онъ даровалъ ему въ помощь благодать, которая просвѣщаетъ его и возбуждаетъ къ добру, которая ставитъ его въ состояніе, при которомъ онъ можетъ свободно предпочитать истину заблужденію, благо злу. Впрочемъ, такъ какъ невѣдѣніе и склонность къ злу оказываютъ на него вліяніе очень часто рѣшительное, то онъ долженъ испрашивать у Бога, дабы Онъ не попустилъ діаволу окружать его искушеніями очень сильными; или, когда допускаетъ эти искушенія для сообщенія намъ возможности представить Богу болѣе очевидные знаки нашей любви, дабы Онъ укрѣплялъ насъ въ борьбѣ съ ними и даровалъ намъ побѣду.

Седьмое прошеніе.

„И избави насъ отъ лукаваго“.

Этотъ лукавый есть діаволь, падшій ангель, который, вмѣстѣ съ подчиненными ему злыми духами, старается уловить человѣка въ погибель вѣчную (*dans le malheur éternel*), заслуженную ими. Онъ есть олицетворенное зло, какъ Богъ есть олицетворенное благо.

Только діаволь есть *тварное существо* и если Богъ допускаетъ вредоносное вліяніе его для испытанія человѣка, то это вліянію

всегда подчинено всемогуществу Божественному, которое можетъ освободить насъ отъ него.

Церковь восточная всегда сопровождаетъ *молитву Господню* слѣдующимъ *славословіемъ* заимствованнымъ изъ Евангелія: „Яко Твое есть царство, и сила, и слава, во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Это славословіе есть сокращенное изложеніе самой молитвы и есть вмѣстѣ побужденіе, по которому мы молимся Богу. Мы молимся Ему, поелику Онъ есть царь нашъ и мы обязаны Ему *покорностію*; поелику Онъ есть *всемогущій* и можетъ даровать намъ все то, что мы испрашиваемъ у Него, всякую правду и всякое благо; поелику всѣ твари, коимъ Онъ даровалъ бытіе, должны воспѣвать Ему хвалу и славословіе во вѣки.

Слово *Аминь* (да будетъ) имѣетъ мѣсто въ концѣ всѣхъ молитвъ Церкви. Это есть подтвержденіе въ одномъ словѣ того, что было сказано; это есть какъ-бы краткое выраженіе чувствъ вѣры, надежды и любви, которыя должны сопутствовать всѣмъ словамъ, произносимымъ нашимъ языкомъ.

Научая насъ *молитвъ Господней*, Господь не хотѣлъ сказать, что это есть единственная молитва, которую Его ученики должны произносить; Онъ не желалъ, чтобы мы, подобно язычникамъ или злобнымъ іудеямъ, взирали на продолжительныя словесныя молитвы, какъ на истинное служеніе Богу; но Онъ утвердилъ Своимъ примѣромъ молитвы, сопровождаемыя чувствованіями соотвѣтственно съ выражаемыми словами. Вотъ почему Церковь, признавая чувствованіе основою истиннаго Богослуженія, желаетъ, чтобы сіе чувствованіе было выражаемо посредствомъ устныхъ молитвъ, кои суть лишь раскрытіе и изъясненіе *молитвы Господней*. Эти-то молитвы и входятъ въ составъ *общественнаго Богослуженія*, о которомъ мы скажемъ послѣ.

Богослуженіе (*le culte*), понимаемое въ строгомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ благоговѣйнаго *поклоненія* (*adoration*), можетъ относиться только къ Богу. Подлинно, Ему только надлежитъ отъ человѣка полное посвященіе своихъ мыслей, своихъ чувствъ, своей жизни; предъ Нимъ единымъ человѣкъ долженъ свидѣтельствовать свои чувствованія молитвою.

Но Церковь католическая восточная полагаетъ, что не нарушаетъ первой заповѣди, узаконяя второстепенное почитаніе, которое надлежитъ Пресвятой Дѣвѣ, ангеламъ и святымъ, если только это второстепенное почитаніе (*culte*) соблюдается въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя отличаютъ его существенно отъ *поклоненія*

(*adoration*) принадлежащаго единому Богу. Это второстепенное почитаніе состоитъ первѣе всего въ чествованіи и уваженіи воздаваемомъ тѣмъ, которыхъ возвысилъ Самъ Богъ, или превосходствомъ ихъ природы или ради благотворной миссіи, которую Онъ ввѣрилъ имъ въ отношеніи къ намъ, или ради особливыхъ преимуществъ и исключительныхъ добродѣтелей ихъ; оно состоитъ, кромѣ сего, въ *призываніи (invocation)*, которое не должно смѣшивать съ *моливой* собственно такъ называемою, которая есть *свидѣтельство богопоклоненія (adoration)*. Въ *моливѣ* мы совершаемъ Богу приношеніе всего нашего бытія; въ *призываніи же* мы испрашиваемъ только, чтобы Пресвятая Дѣва, ангелы и святые вознесли Богу свои молитвы за насъ. Мы обращаемся къ нимъ какъ къ братьямъ, которые прославлены, или кои большее имѣютъ дерзновеніе предъ Богомъ чѣмъ мы. Мы просимъ у нихъ ихъ молитвъ, какъ просимъ молитвъ у нашихъ братьевъ, которые существуютъ еще въ этомъ мірѣ. Смерть не расторгаетъ узъ общенія, существующихъ между вѣрными; и сами ангелы суть *братія вѣрныхъ*, по ученію Откровенія.

Итакъ, есть существенное различіе между служеніемъ (*culte*) обязательнымъ въ отношеніи къ Богу, и почитаніемъ второстепеннымъ воздаваемымъ ангеламъ и святымъ. Церковь, узаконяя это второстепенное почитаніе, не нарушаетъ первой заповѣди, которая запрещаетъ только *имѣть другаго Бога* кромѣ единаго истиннаго, т. е. запрещаетъ *признавать (adorer)* какого-либо другаго Бога.

В. Тетте.

Священникъ и докторъ богословія
Православной русской Церкви.

(Продолженіе будетъ).

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Печальны и неудобны были бивуаки союзниковъ подъ Дрезденомъ. Отраженіе штурма, слухи о предстоящемъ отступленіи паводили на войска невольное уныніе. Послѣ довольно теплаго, солнечнаго дня наступила сырая, темная ночь. Густыя тучи нависли на окрестныхъ горахъ и быстро заволокли всю долину Эльбы. Въ двѣнадцать часовъ ночи полилъ крупный холодный дождь. Во всѣхъ направленіяхъ полились мутные дождевые потоки. Бивуачные огни погасли. Люди и лошади завязали въ грязи. Мучимые холодомъ и сыростью, солдаты не могли согрѣться у огней, не могли подкрѣпить себя ни пищею, ни водкою. Продовольствіе союзныхъ войскъ далеко не было обезпечено. На всѣхъ бивуакахъ невозможно было достать ничего, кромѣ сухарей и воды. Съ завистью посматривали солдаты на позиціи непрітелей подъ Дрезденомъ. Они справедливо догадывались, что французы не только обезпечены городскими постройками отъ холода и сырости, но и снабжены въ изобиліи и съѣстными припасами и напитками. И дѣйствительно, Наполеонъ при-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 5.

нялъ всѣ мѣры, чтобы ободрить своихъ конскриптовъ, чтобы поддержать ихъ силы, истомленные форсированными маршами. Онъ лично заботился, чтобы всѣ части были снабжены съѣстными припасами; чтобы на всѣ квартиры и бивуаки доставлено было достаточное количество водки, вина и пива. И въ то время, когда солдаты союзной арміи дрожали отъ холода и дрались за куски сухарей, французскіе солдаты утопали въ изобиліи и съ самоувѣренностью смотрѣли на предстоящій бой ¹⁾.

Сумрачно и непривѣтливо было утро 27 августа ²⁾. Дождь не прекращался, густые, непроницаемые туманы окутывали склоны горъ, висѣли надъ долинами и низменностью; холодная сырость пронизывала до мозга костей; ружья, особенно у австрійцевъ, промокли и сдѣлались негодными къ употребленію. Вся надежда союзныхъ вождей возлагалась теперь на артиллерію, но имъ было извѣстно, что и непріятель располагаетъ весьма значительнымъ количествомъ орудій. На сторонѣ союзниковъ было, правда, весьма значительное превосходство силъ: они располагали по меньшей мѣрѣ 180,000 человѣкъ; тогда какъ Наполеонъ успѣлъ сосредоточить въ Дрезденѣ всего лишь 125,000 человѣкъ. Но какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь—союзники не успѣли воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ и распредѣлили свои массы такимъ образомъ, что Наполеонъ получилъ полную возможность разбить ихъ по частямъ.

Союзная линія тянулась по возвышенностямъ, но возвышенности эти пересѣкались глубокими оврагами; и одинъ изъ этихъ овраговъ ³⁾ былъ настолько глубокъ и трудно

¹⁾ Наполеонъ уже потому особенно заботился о своихъ солдатахъ, что большинство ихъ состояло изъ новобранцевъ. „Эти храбрые дѣти, замѣчаетъ генераль Пеле“, не уступали въ храбрости старымъ сослуживцамъ, но они съ трудомъ выносили лишения и труды кампаніи. Одинъ изъ полковъ молодой гвардіи, потерявшій въ первый день сраженія при Дрезденѣ весьма незначительный урокъ, уменьшился на другой день до одной тысячи человѣкъ. Около двухъ тысячъ выбыли изъ строя отъ изнеможенія.

²⁾ 15-го августа ст. ст.

³⁾ Оврагъ этотъ назывался Плауэнскимъ.

проходимъ, что могъ считаться непреодолимою преградой для войскъ, особенно въ дождливую погоду. Австрійскіе стратеги какъ видно опустили изъ виду это тяжеловѣсное обстоятельство. Они были настолько наивны, что расположили за этимъ оврагомъ все лѣвое крыло своей арміи. Крыло это было настолько слабо, оно состояло всего лишь изъ 18,000 человекъ австрійскихъ войскъ, что не въ состояніи было отразить натиска сколько-нибудь значительныхъ непріятельскихъ силъ, и въ тоже время не было ни малѣйшей возможности подкрѣпить его другими войсками. Наполеонъ замѣтилъ эту странную ошибку противника и сумѣлъ воспользоваться ею какъ нельзя лучше. Онъ рѣшился повести свою главную атаку именно на этотъ пунктъ, а въ другихъ мѣстахъ ограничиться однѣми демонстраціями.

Сраженіе началось въ седьмомъ часу утра сильнѣйшею канонадою. Въ продолженіи трехъ часовъ непрерывный громъ нѣсколькихъ сотъ орудій потрясалъ землю. Густая облака пороховаго дыма, сбившись съ туманами, образовали непроницаемую сѣрую завѣсу, пронизываемую то и дѣло красными потоками артиллерійскаго огня. Всякое обозрѣніе окрестностей сдѣлалось невозможнымъ. Даже съ Рекницкихъ высотъ, куда прибыли къ семи часамъ утра союзные монархи и князь Шварценбергъ, съ своимъ штабомъ, невозможно было разобратъ ничего въ разстояніи десяти шаговъ. Все способствовало какъ нельзя болѣе замысламъ Наполеона. Онъ могъ сформировать свои боевыя колонны совершенно незамѣтно отъ союзниковъ, и въ десять часовъ утра французы одновременно начали наступленіе по всей линіи. Въ центрѣ, гдѣ стояли главныя силы русскихъ и пруссаковъ, всѣ нападенія, предпріятыя войсками маршала Сентъ-Сира въ присутствіи самого Наполеона, были отбиты съ большими потерями для французовъ. На правомъ крылѣ союзной арміи наступленіе непріятеля началось гораздо ранѣе, еще съ восьмого часа утра.—Непріятель старался утвердиться здѣсь на Пирнскомъ шоссе и атакowałъ съ этою цѣлью большими массами отрядъ генерала Рота, прикрывавшій всего лишь съ 9 баталіонами и нѣсколькими эскадронами кавалеріи этотъ

столь важный для союзниковъ путь сообщенія. Само собою понятно, что Ротъ не могъ устоять противъ натиска Мортъе, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи двѣ гвардейскія дивизіи и большую часть гвардейской кавалеріи. Ротъ былъ оттѣсненъ до Торны на крайнемъ правомъ крылѣ союзниковъ. Оба монарха и князь Шварценбергъ были свидѣтелями этой неудачи, но ни одинъ изъ нихъ не принялъ во время мѣръ для поддержанія слабаго русскаго отряда. Теперь, когда важная позиція была потеряна и Пирнское шоссе занято густыми массами непріятельской пѣхоты, Моро и Жомины начали настойчиво совѣтовать Александру завладѣть во чтобы-то ни стало потерянною позиціею и атаковать Мортъе русскими и прусскими войсками, стоявшими безъ всякаго дѣла въ центрѣ. Александръ, убѣжденный ихъ доводами, послалъ приказъ Барклаю-де Толли двинуть противъ Мортъе войска Витгенштейна и Клейста, но Барклай, всегда осторожный и хладнокровный, уклонился отъ исполненія приказа, объявляя, что спустившись разъ съ высотъ въ топкую низину, онъ рискуетъ, въ случаѣ неудачи, потерять всю свою артиллерію.

Едва только прискакалъ офицеръ съ этимъ отвѣтомъ Барклая, какъ непріятельское ядро поразило Моро въ двухъ шагахъ отъ Александра ¹⁾. Старый республиканецъ упалъ со словами: „Пріятно умирать за правое дѣло въ глазахъ такого великаго государя“. Александръ, король прусскій и всѣ ихъ окружающіе были страшно потрясены этимъ несчастнымъ случаемъ. Всѣ столпились вокругъ несчастнаго страдальца, непріятельское ядро оторвало у него одну ногу и пройдя черезъ лошадь, раздробило колѣно другой. Александръ

¹⁾ Замѣчательно, что ядро, поразившее Моро, навѣрное поразило-бы самого государя, если-бы этому не помѣшала обычная деликатность Александра. Замѣтивъ, что, непріатели обратили огонь одной изъ своихъ батарей противъ многочисленной свиты государей, Моро предложилъ Александру переѣхать на другую высоту. Такъ какъ для этого надлежало ѣхать по одиночкѣ черезъ низину, по узкой тропинкѣ, то государь, обратясь къ Моро, сказалъ ему: „поѣзжайте впередъ, а мы за вами“. Въ тотъ самый мигъ, когда Моро, опередивъ государя на два шага, продолжалъ разсказъ о своей рекогносцировкѣ, его поразило „роковое ядро“. Богдановичъ, Т. IV, стр. 176.

не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ этого зрѣлица; онъ не хотѣлъ отходить отъ Моро до тѣхъ поръ, пока его не уложили на носилки и вынесли изъ линіи огня ¹⁾. Увлеченный своими чувствами, императоръ совершенно забылъ и о непріятелѣ и объ отвѣтѣ, присланномъ Барклаемъ. Князь Шварценбергъ бездѣйствовалъ и молчалъ въ эти роковыя минуты. Полнѣйшее безначаліе водворилось въ арміи союзниковъ, а между тѣмъ на крайнемъ лѣвомъ крылѣ ихъ произошла рѣшительная катастрофа.

Огромныя массы непріятельской пѣхоты и конницы, всего 40,000 человекъ, обрушились внезапно на слабый австрійскій отрядъ, отдѣленный отъ остальной арміи глубокимъ Плауэнскимъ оврагомъ. Австрійцы были выбиты почти мгновенно изъ всѣхъ своихъ позицій, а непріятельская кавалерія, пользуясь густымъ туманомъ, обошла ихъ лѣвое крыло. Видя себя обойденными, изнуренные утомительными переходами и голодомъ, оборваные, босые, австрійскіе солдаты не въ состояніи были противостать атакамъ кавалеріи. Лишь немногіе батальоны пытались построиться въ карре, но такъ какъ

¹⁾ Моро скончался уже черезъ нѣсколько дней (21-го августа 2-го сент. нов. с.). Шишковъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ: „На третій день послѣ пріѣзда моего въ Лаунъ, пошелъ я прогуливаться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ впереди себя вижу что-то необыкновенное: на встрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Среди сей толпы народа нѣсколько человекъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествіе тихое, подобное погребальному. Я сперва не зналъ, что такое, но скоро отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: Моро! Моро!—Я сначала подумалъ, что несутъ тѣло его; ибо по блѣдности лица не можно было узнать, живъ-ли онъ, или мертвъ; но вскорѣ увидѣлъ, что онъ поднялъ руку и, хватаясь за висячую кисть, какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжкое страданіе, и столь несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлице жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ и вездѣ слышны были ему похвалы. Онъ жилъ послѣ сего только два дня. Тѣло его отвезено въ Петербургъ“. Государь приказалъ похоронить Моро съ такими-же почестями, какъ Кутузова. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ современникъ: „известна кончина генерала Моро. Государь окружилъ его трогательными попеченіями; семейство его осыпано благодареніями и смертные останки республиканскаго генерала отправлены въ Петербургъ для торжественнаго погребенія. Дворъ и городъ присутствовали на этихъ необыкновенныхъ похоронахъ въ католической церкви, украшенной трауромъ и давшей послѣднее убѣжище изгнаннику. Въ торже-

ружья, замокъшія отъ дождя, не давали огня, то непріятельская конница разсѣяла и изрубила ихъ безъ всякаго труда. Паническій страхъ напалъ при этомъ видѣ на остальныхъ австрійскія войска. Все, что могло бѣжать, бѣжало. Двѣ бригады бросились въ Плауэнскій оврагъ и успѣли спастись, но всѣ остальные, около 10,000 человѣкъ, побросали ружья и сдались въ плѣнъ непріятельской кавалеріи.

Какъ ни велико было несчастіе, постигшее часть австрійской арміи, но бѣда вообще не была-бы еще сама по себѣ такъ велика, если-бы въ этой арміи былъ сколько-нибудь иной духъ, если-бы она была одушевлена тѣмъ-же національнымъ энтузіазмомъ, который господствовалъ въ рядахъ русскихъ и пруссаковъ. Но мы уже знаемъ, что въ австрійскихъ войскахъ энтузіазмъ всякаго рода строго воспрещался, и что дисциплина и военный духъ искоренены были въ ней самимъ правительствомъ и начальниками. Не было ничего удивительнаго въ томъ, что оборванные, босые и голодные солдаты сдавались въ плѣнъ цѣлыми десятками и даже сотнями при появленіи двухъ или трехъ непріятельскихъ всадниковъ, что

ствѣ участвовалъ дипломатическій корпусъ, состоявшій изъ старыхъ враговъ революціи и, въ довершеніе необычайности, надгробная проповѣдь произнесена іезуитомъ, а русскіе солдаты снесли гробъ въ церковный подвалъ, гдѣ Моро преданъ землѣ возлѣ послѣдняго польскаго короля, представляющаго собою другой примѣръ измѣнчивости судебъ. Посреди равнодушной толпы, собравшейся на эти странныя похороны, внезапно появились двѣ фигуры, поспѣшно протѣснились къ гробу и съ плачемъ кинулись на него. То были адъютантъ покойника и его маленький негръ. Сердце мое умилилось при этомъ зрѣлищѣ и мнѣ отрадно было увидѣть, что хоть сколько-нибудь слезъ пролилось о несчастномъ Моро, продолжавшемъ терпѣть изгнаніе и по кончинѣ своей. Маленькій негръ былъ чрезвычайно жалокъ. Адъютантъ Ранателъ недолго перешелъ своего генерала“. Изъ записокъ графини Эбелингъ. Русскій архивъ, 1887 г. кн. II, стр. 226.

Такъ почтилъ Александръ бранные останки Моро, но еслибы республиканскій генералъ продолжалъ жить, то по всей вѣроятности, весьма многіе изъ личныхъ распоряженій императора, имѣвшіе такія важныя послѣдствія для всего хода войны, были-бы приписаны ему. Та-же графиня Эбелингъ замѣчаетъ: „Руководя столь разнородными массами, Александръ вслѣдствіи старался не показывать своего вліянія и силы, для чего нужна была его повышенная душа. Но Провидѣніе устранило все то, что могло-бы умалить его славу. Такъ сошелъ со сцены Моро. Если-бы онъ остался въ живыхъ, то конечно слава военныхъ успѣховъ принадлежала-бы вся ему.“

они грабили и безчинствовали вмѣстѣ съ своими женами ¹⁾ въ окрестныхъ деревняхъ, когда сами начальники ихъ первые подавали примѣръ постыдной трусости и забвенія долга. Шишковъ, находившійся въ это время далеко отъ поля битвы, въ саксонскомъ мѣстечкѣ Маріенбергѣ, рассказываетъ по истинѣ изумительныя вещи о поведеніи австрійскихъ полководцевъ. Вслѣдъ за бѣгущими цесарскими солдатами, наводившими на жителей отчаяніе своими неистовствами, въ мѣстечко начали являться одинъ за другимъ австрійскіе вожди. Узнавъ о пріѣздѣ одного изъ нихъ, Шишковъ поспѣшилъ навѣстить его, рассчитывая узнать отъ него хотя что-нибудь о государѣ и положеніи нашей арміи ²⁾. Генераль сидѣлъ за столомъ, при входѣ Шишкова и ужиналъ; голова его была обвязана платками. „Не ранены-ли вы, заботливо обратился государственный секретарь къ генералу“. „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ“, но скакавъ сюда въ коляскѣ, я нѣсколько разъ былъ опрокинутъ и разбилъ себѣ голову“. Еще генераль не окончилъ своей рѣчи, какъ въ комнату вбѣжалъ съ совершенно растеряннымъ лицомъ полковникъ, также благополучно ускользнувшій съ поля битвы подъ Дрезденомъ; генераль, какъ ни въ чемъ не бывало, тотчасъ-же предложилъ ему стаканъ вина. „До вина-ли мнѣ теперь“, отвѣчалъ съ досадою вошедшій, „весь мой полкъ загнанъ въ ровъ и взятъ въ плѣнъ. Одинъ я насилу ускакалъ“.

Понятно, что далеко не всѣ австрійскіе генералы были такіе позорные трусы, какъ анонимныя лица, являющіяся въ рассказѣ Шишкова. Шварценбергъ и офицеры, составлявшіе его штабъ, были, безъ сомнѣнія, люди храбрые, готовые уме-

¹⁾ Солдатскія и офицерскія жены постоянно сопровождали своихъ мужей въ походъ и не трудно понять, какъ отзывалось ихъ присутствіе на порядкахъ и дисциплинѣ австрійской арміи.

²⁾ Шишковъ находился на счетъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи. Во время наступленія въ Саксонію онъ выѣхалъ вслѣдъ за главною квартирою, настигъ ее въ Коммотау, но затѣмъ принужденъ былъ остановиться въ саксонскомъ мѣстечкѣ Маріенбергѣ, гдѣ и пробылъ въ большой тревогѣ нѣсколько дней. Здѣсь Шишковъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ страшнаго безпорядка господствовавшаго въ тылу (австрійской) союзной арміи и неистовствъ, совершаемыхъ австрійскими воинами. См. Записки Шишкова, Т. I, стр. 210 - 215.

реть впереди своихъ войскъ, но и имъ недоставало самаго главнаго: нравственнаго мужества и самообладанія въ минуты испытанія. Когда пришла вѣсть о катастрофѣ въ Плуэнскимъ оврагомъ, то союзный главнокомандующій былъ совершенно уничтоженъ ею. Немедленно-же объявилъ онъ государямъ, что теперь не остается другаго исхода, — какъ поспѣшно отступить со всею арміею въ Богемію. Императоръ Александръ и король прусскій пытались возражать. Они говорили, что отступление преждевременно, что лишь небольшая часть союзныхъ войскъ принимала участіе въ сраженіи, что главная масса ихъ осталась совершенно нетронутою. Шварценбергъ упорно стоялъ, однако-же, на своемъ; онъ объявилъ, что австрійскія войска не могутъ оставаться и часу болѣе въ непріятельской странѣ, такъ какъ у нихъ истощились совершенно запасы провіанта и пороха и двѣ трети солдатъ остались безъ обуви ¹⁾. Противъ такихъ аргументовъ бесполезны были всѣ дальнѣйшія возраженія. Союзные государи сами уже пришли къ убѣжденію въ полнѣйшей несостоятельности австрійскихъ союзниковъ. Они хорошо знали, что Шварценбергъ не задумается въ крайнемъ случаѣ уйти съ своею арміею въ Богемію и покинуть ихъ на произволь судьбы подъ стѣнами Дрездена. Они не могли сомнѣваться также, что прямымъ послѣдствіемъ такого маневра явится немедленное-же отступление Австріи отъ коалиціи. Въ виду этихъ фатальныхъ возможностей, Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, скрѣпя сердце, дали свое согласіе на отступление.

Отступать, но какъ отступать, вотъ вопросъ, который самъ собою долженъ былъ теперь предстать во всей своей тревожной сложности передъ союзными стратегами. Главнѣйшій и удобнѣйшій путь въ Богемію, дорога на Пирну, потерянъ

¹⁾ Слова кн. Шварценберга были, впрочемъ, буквально вѣрны. Полковникъ Готкирхъ, начальникъ штаба въ корпусѣ Кленау, замѣчаетъ: „къ тому-же нельзя было упускать изъ виду, что наши солдаты были такъ изнурены голодомъ и усталостью, что валились, стоя въ рядахъ, какъ мертвые на землю, что цѣлая треть нашихъ людей ходила босикомъ и что на годность ружей, при продолжавшемся дождѣ, невозможно было и рассчитывать.“ См. Pommer, Taschenbuch für Vaterländische Geschichte, Jahrgang 1841, стр. 38.

былъ на самомъ полѣ сраженія; громадныя массы союзныхъ войскъ должны были, слѣдовательно, пробираться боковыми, окольными путями. Опытъ послѣднихъ дней достаточно показалъ въ какомъ состояніи находились эти дороги; а съ тѣхъ поръ прошли проливные дожди, вслѣдствіе которыхъ онѣ должны были сдѣлаться окончательно непроходимыми. Но главная опасность грозила на этотъ разъ не со стороны природы, а со стороны непріятели. Неприсятель владѣлъ самою удобною и кратчайшею дорогою въ Богемію на Петерсвальде и Ноллендорфъ; онъ могъ легко уничтожить оставленный на этомъ пути корпусъ Евгенія Виртембергскаго и преградить союзникамъ доступъ въ Теплицкую долину. Участъ всей войны, судьба самихъ монарховъ висѣла на волоскѣ. Только рядъ самыхъ непредвидѣнныхъ случайностей, только самое странное и чудесное сплетеніе событій, могли спасти отъ гибели великое дѣло. Наступилъ моментъ новаго испытанія въ вѣрѣ.

Все зависѣло теперь отъ того, пойметъ-ли Наполеонъ съ своею обычною быстротою дѣйствительное положеніе дѣлъ, сумѣетъ-ли онъ схватить смѣлою рукою тѣ побѣдныя вѣнцы, которые еще разъ и уже въ послѣдній разъ сулила ему судьба. Но высшая сила затмила и теперь столь ясный взглядъ завоевателя, не дала ему возможности оказаться какъ въ былое время на высотѣ своей задачи. Наполеонъ предполагалъ сначала преслѣдовать отступающихъ союзниковъ массою своихъ силъ. Онъ думалъ направить войска Сенъ-Сира по дорогѣ между Доною и равниною, т. е. параллельно движенію главныхъ союзныхъ массъ, соединить ихъ съ войсками Вандамма и предупредить союзниковъ у выходовъ въ Теплицкую долину. Другіе французскіе корпуса, какъ-то: Мортъе съ гвардіею, Мармонъ и Мюратъ такъ-же должны были принять участіе въ преслѣдованіи, а во главѣ всего рѣшающаго предпріятія предполагалъ стать самъ Наполеонъ. Если-бы этотъ планъ былъ исполненъ ¹⁾, то участъ войны была-бы рѣшена,

¹⁾ Самъ Наполеонъ, повидимому, не сомнѣвался въ полнѣйшемъ успѣхѣ. Онъ прямо говорилъ, что надѣется быть въ Богеміи раньше своихъ против-

но Наполеонъ уже утромъ 28-го ¹⁾ августа внезапно измѣнилъ свои намѣренія. Опъ совершенно остановилъ преслѣдованіе отступающаго непріятели и вмѣсто того, чтобы послѣдить съ массою своихъ силъ въ Богемію и запереть горные проходы у Теплица, возложилъ исполненіе этой важнѣйшей задачи на одного Вандамма. Что могло вызвать такую страшную ошибку Наполеона? Историки говорятъ намъ, что онъ измѣнилъ свои распоряженія, узнавъ, что союзники отступаютъ, не черезъ Дону, а другими болѣе западными дорогами на Гейерсбергъ и Цинвальдъ, но такое извѣстіе должно-бы было, наоборотъ, утвердить Наполеона въ его первоначальныхъ намѣреніяхъ, такъ какъ, избирая эти западные пути, болѣе длинные и неудобные, союзники теряли лишній день времени и тѣмъ самымъ облегчали его собственное движеніе на Ноллейдорфъ и Теплицъ. Панегиристы императора, не желая сознаться, что ихъ недогрѣшимый герой могъ впасть въ такую непростительную ошибку, придумываютъ исторію о болѣзни, постигшей будто-бы внезапно Наполеона въ роковое утро 28 августа ²⁾. Все было готово, рассказываютъ они намъ, къ движенію главной квартиры въ Пирну, какъ вдругъ императоръ почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ, затѣмъ началась страшная рвота и наступила сильная слабость. Припадокъ былъ такъ внезапенъ и силенъ, что всѣ окружающіе невольно остановились на мысли объ отравленіи. Наступила страшная сумятица. Немедленно-же отданы были приказы остановить движеніе на Пирну. Наполеона уложили въ карету и повезли послѣшно обратно въ Дрезденъ. Понятно, что среди всеобщаго смятенія, вызваннаго этимъ случаемъ, Вандамму и его корпусъ были совсѣмъ забыты.

Нечего и говорить, что вся эта исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ-же смѣшныхъ и тенденціозныхъ вымысловъ, какъ и знаменитый Бородинскій пасмуръ ³⁾ Наполеона съ его

никовъ, что онъ думаетъ предупредить въ Прагѣ своихъ господъ коллегъ, — такъ называлъ онъ своихъ государей. Бернгарди, Т. III, стр. 187.

¹⁾ 16-го августа ст. стиля.

²⁾ 16-го августа ст. стиля.

³⁾ Вся исторія о мнимой болѣзни Наполеона находится у Фена. Генераль

всемірно-историческими послѣдствіями. Основываясь на свидѣтельствѣ первоначальныхъ и ближайшихъ источниковъ, мы можемъ сказать положительно, что нездоровье Наполеона, если оно и случилось дѣйствительно, было настолько ничтожное и скоропреходящее, что не могло оказать ни малѣйшаго вліянія ни на состояніе духа Наполеона, ни на его распоряженія. Намъ извѣстно, что въ теченіи всего 28-го августа Наполеонъ сохранялъ свое обычное, спокойное и веселое расположеніе духа, что онъ ни на минуту не выпускалъ изъ рукъ своихъ верховной команды, что онъ ни на одну секунду не забывалъ Вандамму и его корпуса.

Гораздо болѣе значенія имѣютъ другія причины, указываемыя болѣе безпристрастными и осторожными изслѣдователями. Наполеонъ, говорятъ они намъ, получилъ въ это время извѣстія о пораженіи маршала Удино пруссаками при Гроссъ-Бееренѣ и о крайне стѣсненномъ положеніи арміи Макдональда въ Силезіи. Само собою понятно, что онъ былъ разстроенъ этими вѣстями, что онъ не рѣшился покинуть свою центральную позицію подъ Дрезденомъ и углубляться въ Богемію въ тотъ самый моментъ, когда одна изъ его второстепенныхъ армій потерпѣла постыдное поражение, а другая стояла, по всей очевидности, наканунѣ рѣшительной катастрофы. Мы не думаемъ отрицать всего значенія указанныхъ соображеній, мы допускаемъ даже, что они могли-бы имѣть рѣшающее вліяніе на всякаго другаго полководца, но мы сомнѣваемся, чтобы они могли помѣшать Наполеону упустить изъ рукъ побѣду, которая долженствовала рѣшить всю судьбу кампаніи. И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могли имѣть всѣ успѣхи Бюлова и Блюхера, если-бы Наполеону удалось

Целе изукрасилъ ее еще болѣе и закрѣпилъ своимъ авторитетомъ. „Въ дѣйствительности, замѣчаетъ Беригарди, нездоровье Наполеона могло быть лишь самое ничтожное и кратковременное, такъ какъ по свидѣтельству генерала Оделебена, его постоянного спутника въ это время, онъ выѣхалъ изъ Пары совершенно здоровый и прибылъ въ Дрезденъ, по свидѣтельству генерала Герсдорфа, также совершенно здоровый. Въ пути Наполеонъ былъ лишь нѣсколько часовъ и не могъ быть особенно больнымъ, такъ какъ продиктовалъ въ это время письмо Вандамму“. Беригарди, Т. III, стр. 204.

уничтожить въ тоже самое время главную армію союзниковъ, полонить, быть можетъ, самихъ монарховъ и нанести смертельный ударъ коалиціи. Нѣтъ, Наполеонъ не былъ такимъ человѣкомъ, который могъ опускаться подобныя случаи, который способенъ былъ отвлекаться второстепенными соображеніями и забывать, что на войнѣ, болѣе нежели гдѣ-либо, слѣдуетъ ловить счастье.

Ошибка Наполеона вытекала, по нашему мнѣнію, всецѣло изъ совершенно иного источника. И на этотъ разъ онъ представлялъ себѣ положеніе дѣлъ не такъ какъ оно было въ дѣйствительности, а такъ какъ оно было желательно для него. Онъ одержалъ большую побѣду подъ Дрезденомъ, онъ захватилъ около 20,000 плѣнныхъ ¹⁾ и увлекаясь своимъ успѣхомъ, считалъ армію Шварценберга окончательно разстроенною, почти что уничтоженною. Сначала онъ собирался преслѣдовать ее самъ, но затѣмъ остановился на мысли, что пораженіе союзниковъ можетъ быть довершено однимъ Вандаммомъ, что ему самому нѣтъ никакой надобности покидать свою центральную позицію, откуда онъ могъ такъ удобно наносить удары на всѣ стороны всѣмъ своимъ врагамъ. Принимая подобное рѣшеніе, Наполеонъ опускалъ изъ рукъ вѣрнѣйшую побѣду, но онъ все-таки рассчитывалъ съ большою вѣроятностью на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что Вандаммъ уничтожитъ ничтожнаго противника, осмѣлившагося стать ему поперекъ дороги, что онъ успѣетъ во время загородить пути отступающему непріятелю и истребить его деморализованныя, истомленные массы. Расчетъ Наполеона былъ, такимъ образомъ, вѣренъ, насколько быть можетъ вѣренъ расчетъ человеческій, но Провидѣніе рѣшило покарать на этотъ разъ гордыню завоевателя.

Отступленіе союзниковъ черезъ Богемскія горы сопряжено

¹⁾ Замѣчательно, что изъ числа этихъ 20,000 плѣнныхъ было всего лишь нѣсколько сотъ русскихъ и пруссаковъ, всѣ-же остальные были австрійцы. Изъ 30 орудій, отбитыхъ французами, не было ни одного русскаго или прусскаго. Убитыми и ранеными союзники потеряли въ двухъ-дневномъ сраженіи подъ Дрезденомъ около 10,000 человѣкъ.

было съ большими трудностями. Всѣ удобныя дороги заперты были непріателемъ, приходилось пробираться по проселочнымъ путямъ и даже горнымъ тропинкамъ. Австрійская диспозиція гласила, что армія должна отступать тремя большими отрядами, что одинъ изъ этихъ отрядовъ, состоявшій изъ всѣхъ русскихъ и прусскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Барклая, долженъ идти на Дону по старой Пирпской дорогѣ, перейти черезъ Цегисту на новое Пирнское шоссе и двигаться далѣе на Петерсвальде и Ноллендорфъ, тогда какъ второй отрядъ, состоявшій изъ цѣлой половины австрійской арміи, долженъ направляться черезъ Динпольдисвальде и Эйхвальдъ на Теплицъ, а третій отрядъ подъ начальствомъ Кленау, состоявшій также изъ однихъ австрійскихъ войскъ, идти крайнимъ западнымъ путемъ на Тарандъ и Фрейбергъ. Начальники отдѣльных отрядовъ нашли, однакоже, невозможнымъ слѣдовать указаніямъ диспозиціи. Генералъ Кленау, узнавъ, что непріатель занимаетъ уже значительными силами Фрейбергъ, рѣшился достигнуть сначала Маріенберга въ Саксоніи и идти оттуда свободно отъ непріателя дорогою на Комматау ¹⁾. Съ своей стороны генералъ Барклай, соображая, что новая Пирнская дорога занята уже корпусомъ Вандамма и что съ другой стороны его лѣвому флангу угрожаетъ корпусъ Мортъе, отказался идти на Дону и Цегисту и направилъ русскія войска на Динпольдисвальде, а пруссаковъ на Максень. Не довольствуясь этимъ отступленіемъ отъ диспозиціи, вполнѣ понятнымъ въ его положеніи, Барклай предписалъ даже отряду графа Остермана идти на Максень для соединенія съ главною арміею и предоставить такимъ образомъ путь на Петерсвальде и Ноллендорфъ въ полное распоряженіе непріателя.

Распоряженія Барклая могли имѣть на этотъ разъ самыя роковыя послѣдствія, по два никѣмъ не предвидѣнныя обстоятельства спасли союзную армію отъ гибели. Вопреки

¹⁾ Еслибы Кленау исполнилъ буквально предписаніе диспозиціи, то весь его корпусъ нацѣрное былъ-бы взятъ въ плѣнъ утромъ 28-го числа. См. показаніе Роткирха у Гормаёра, Taschenbuch 1841.

ожиданіямъ, Наполеонъ вовсе не преслѣдовалъ союзниковъ и совершенно не воспользовался страшнымъ безпорядкомъ, господствовавшимъ въ ихъ отступающихъ колоннахъ. Войска двигались среди темноты ночи, подъ проливнымъ дождемъ, по извилистымъ горнымъ путямъ. То и дѣло попадались имъ на встрѣчу безкопечные обозы, направлявшіеся въ Саксонію и ничего еще не знавшіе объ отступленіи; въ узкихъ мѣстахъ они совершенно заграждали пути и доводили до отчаянія солдатъ, принужденныхъ или уклоняться въ сторону отъ дороги въ непроходимыя лѣса, или-же очищать путь отъ загромождавшихъ его фуръ, боченковъ, мѣшковъ и ящиковъ. Нерѣдко цѣлыя полки, выбившись изъ силъ отъ усталости, и не зная куда идти далѣе въ непроходимой темнотѣ, ложились и засыпали, какъ убитые ¹⁾. Русскіе и пруссаки держали себя съ обычнымъ мужествомъ и не было примѣровъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ бросалъ оружіе передъ появлявшимися тамъ и сямъ кавалерійскими разъѣздами непріятеля. Наоборотъ, въ австрійскихъ колоннахъ господствовала полнѣйшая паника ²⁾. Окончательно деморализованные цесарскіе солдаты спѣшили сдаваться въ плѣнъ при первомъ же появленіи непріятельскаго всадника. Другіе австрійскіе ратники составляли ружья пирамидами, снимали свои башмаки и разбѣгались по окрестнымъ селеніямъ. Французы,

¹⁾ „При выѣздѣ изъ Коммотау, хотя слухи о близости непріятеля и тревожили насъ, однакожь не случилось съ нами ничего непріятнаго, исключая, что въ одномъ мѣстѣ, равняясь противъ Генлицъ и опасаясь наѣхать на французовъ, напротивъ, наѣхали на австрійскихъ солдатъ, которые съ ружьями и во всемъ воинскомъ одѣяніи лежали, раскидавшись версты на двѣ по дорогѣ, и всѣ, какъ убитые, спали мертвымъ сномъ. Мы съ немалымъ трудомъ должны были объѣзжать ихъ стороною“. Шинковъ записки, Т. I, стр. 215.

²⁾ „Въ австрійской арміи нѣтъ ни духа, ни настоящаго повиновенія, говоритъ Н. М. Муравьевъ, „и потому войска сіи не могутъ быть надежными; хотя славяне и храбры, но подъ предводительствомъ тѣхъ офицеровъ, которые ими начальствуютъ, лучшей солдатъ нигде не будетъ годиться. На переходахъ люди отстаютъ и уходятъ въ селенія по сторонамъ, гдѣ прожизняютъ во время похода, предаваясь грабежу; единственное извиненіе такого бѣглеца состоитъ въ словѣ *ich bin Marode*, и съ нимъ отзываетъ онъ какъ будто имѣть право уклоняться отъ службы. Черезъ сіе самое случается то, что послѣ трехъ, четырехъ переходовъ не досчитываются половины полка. Безпорядки

слѣдовавшіе небольшими отрядами за отступающими союзниками, собирали повсюду громадную добычу. Всѣ дороги были буквально загромождены брошенными повозками, провіантомъ, оружіемъ и всевозможными предметами. Спрашивается, какая участь постигла-бы всю армію Шварценберга въ томъ случаѣ, еслибы Наполеонъ остался при своихъ первоначальныхъ намѣреніяхъ, еслибы онъ преслѣдовалъ и тѣснилъ союзниковъ, хотя частью своихъ силъ. Никто не отважится отрицать, что императоръ французовъ легко могъ-бы уничтожить при такихъ условіяхъ главную армію своихъ враговъ.

Но несравненно важнѣе было другое обстоятельство. Незбѣжная катастрофа все-же постигла-бы Богемскую армію, еслибы отрядъ Остермана исполнилъ предписаніе Барклая и предоставилъ-бы въ распоряженіе Вандамму дорогу на Петерсвальде и Ноллендорфъ. Вандаммъ достигъ бы въ такомъ случаѣ цѣлымъ днемъ ранѣе союзниковъ Теплицкой долины, загородилъ-бы своими войсками всѣ выходы изъ тѣхъ узкихъ горныхъ ущелій, по которымъ тянулись ихъ войска и приготовилъ имъ окончательную гибель. Настоящимъ орудіемъ Провидѣнія въ этотъ рѣшающій моментъ явился молодой герцогъ Евгений Виртембергскій, герой и по сію пору не признанный еще въ потомствѣ. Графъ Остерманъ-Толстой и генераль Ермоловъ, на долю которыхъ выпала потомъ такая громкая историческая слава, совершенно

сіи усиливаются въ австрійскихъ войскахъ, когда имъ не дадутъ покойно переночевать или отобѣдать. Вялое войско“. Русскій архивъ 1886 г. к. I. стр. 11.

И этому войску пришлось, по словамъ того-же Муравьева, выдерживать, слѣдующее: „Австрійцы не выдерживали трудовъ и не прекращавшагося дождя; по колѣна была грязь, въ которой они оставили свои башмаки. Погода во все время сраженія подъ Дрезденомъ была ужасная, проливной дождь продолжался двое сутокъ сряду, ружья не стрѣляли, на малое разстояніе нечего не было видно, тонкая и вязкая почва земли до того растворилась, что пѣхота двигалась съ большимъ трудомъ, и на такомъ полѣ и подъ такимъ небомъ она должна была еще провести ночь! Раненымъ не было никакого спасенія. Погоду сію могу сравнить только съ тою, которую мы испытывали въ 1812 г. въ Россіи, при отступленіи нашемъ изъ Свѣнцины. Потеря наша подъ Дрезденомъ была большая, но остатки наши отступили въ порядкѣ, а австрійцы исчезли и многіе изъ нихъ по одиночкѣ разбѣжались какъ офицеры, такъ и нижніе чины“. „Русскій архивъ“, 1886, кн. I, стр. 19.

не сознавали всей великости предстоявшей имъ задачи. Занятые прежде всего заботами о цѣлости и невредимости гвардіи, они изъявили полную готовность подчиниться распоряженію Барклая и идти на Максепъ. Тщетно возставалъ герцогъ Евгенийъ противъ ихъ роковаго рѣшенія, тщетно указывалъ опъ на страшную опасность, грозящую не только союзной арміи, но и самимъ государямъ, въ томъ случаѣ, если Вандамъ запретъ всѣ выходы въ Теплицкую долину. Остерманъ не хотѣлъ и слушать пылкаго герцога; онъ продолжалъ упорно стоять на своемъ мнѣніи даже тогда, когда всѣ остальные генералы, когда самъ Ермоловъ, убѣжденные доводами герцога, выражали готовность идти на Петерсвальде и Ноллендорфъ и силою пробиваться черезъ войска Вандамъ. „Я не хочу, и не могу вести гвардію на вѣрную гибель“, повторялъ онъ съ какою-то болѣзненною раздражительностію. „Въ такомъ случаѣ“, возразилъ ему наконецъ Евгенийъ, выведенный также изъ себя, „ступайте своею дорогою на Максепъ, а я съ моимъ вторымъ армейскимъ корпусомъ направлюсь на Петерсвальде и Ноллендорфъ“. Остерманъ не могъ сомнѣваться, что герцогъ исполнитъ свою угрозу; съ тяжелымъ сердцемъ далъ онъ свое согласіе на столь безумный, по его мнѣнію, планъ, но онъ потребовалъ ¹⁾, чтобы Евгенийъ взялъ на себя одинъ всю отвѣтственность и чтобы императору Александру дано было знать, что гвардія идетъ на столь отчаянное предпріятіе, единственно по настоянію герцога Виртембергскаго.

А предпріятіе было дѣйствительно отчаянное! ²⁾ Дорога

¹⁾ Не одинъ, впрочемъ, Остерманъ заявилъ это требованіе; къ нему присоединились и всѣ генералы первой гвардейской дивизіи: баронъ Розенъ, Потемкинъ, Храповицкій. Но ихъ настоянію Вольцогенъ немедленно-же отиравился къ императору Александру. См. Записки герцога Евгения и Беригарда.

²⁾ Все наше дальнѣйшее изложеніе основано на свидѣтельствахъ самого герцога Евгения и на изложеніи Беригарда, дополнившаго показанія герцога другими источниками и провѣрившаго ихъ критически. См. „Мемуары Евгения“, изданные Гельддорфомъ, Т. III, стр. 133 и слѣдующія; „Записки Гофмана“, адъютанта принца Евгения, стр. 166 и слѣд. Беригарда Т. III, стр. 192 и слѣдующія, см. также изслѣдованіе Астера: Die Kriegserreignisse zwischen Peterswalde, Koenigstein und Priestien im August 1813 und die Schlacht bei Kolm.

на Петерсвальде и Ноллендорфъ была уже занята войсками Вандаммы и 12,000 русскихъ должны были силою пролагать себѣ путь черезъ 40,000 непріятелей. Въ теченіи всего 28 числа происходилъ самый ожесточенный бой на Пирнскомъ шоссе. Во всѣхъ узкихъ мѣстахъ дороги, окаймленныхъ горами или пропастями, французы встрѣчали войска Евгенія и Остермана сильнѣйшимъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ и неоднократно пытались заградить имъ путь. Но русскіе герои, отлично сознававшіе все значеніе своего движенія, побѣдопосно преодолевали всѣ преграды. Не теряя времени на перестрѣлку, они штыками выбивали непріятеля изъ проходовъ и устилая путь своими и вражескими трупами, достигли вечеромъ Петерсвальде.

Первая половина задачи была исполнена. Войска Вандаммы были отброшены въ сторону, или остались позади, путь въ Богемію былъ свободенъ, но самое трудное дѣло было еще впереди. Вандаммъ, не обнаружившій въ теченіи всего 28 числа ¹⁾ ни особенной распорядительности, ни даже отваги, пытался вознаградить свою ошибку на слѣдующій день. Съ ожесточеніемъ тѣснилъ онъ отступающихъ русскихъ и не давалъ имъ покоя ни минуты. Гвардейскіе полки, шедшіе впереди, мало страдали отъ непріятельскихъ атакъ, но за то войска Евгенія, тѣснимыя громадными непріятельскими массами, были нѣсколько разъ близки къ окончательной гибели; только невѣроятное присутствіе духа и хладнокровіе герцога, остававшагося постоянно въ цѣпи застрѣльщиковъ, только львиная храбрость его солдатъ предупреждали неминуемую гибель. Уже въ самомъ началѣ боя, непріятель атаковалъ своею конницею отступающую колонну Евгенія и, пользуясь густымъ туманомъ, обошелъ ее въ тоже время съ фланговъ. Бригада кн. Шаховскаго приведена была въ полное разстройство и бросилась въ страшномъ безпорядкѣ на

Важнымъ пособіемъ является также сочиненіе Богдановича, который пользовался многими рукописными официальными источниками, напр. журналомъ второго армейскаго корпуса.

¹⁾ 16-го августа ст. стилия.

идущую впереди бригаду Гельфрейха. Наступилъ ужасный моментъ, казалось, что паника готова была овладѣть всѣмъ отрядомъ Евгенія; но полки Гельфрейха, лично воодушевляемые герцогомъ, сомкнувшись въ карре, стойко отбили всѣ натиски французской кавалеріи, а рѣшительная атака, предпринятая въ эту минуту русскими кирасирами, дала возможность собраться вновь разбитымъ войскамъ кп. Шаховскаго. Отступая шагъ за шагомъ передъ напоромъ непріятеля, постоянно увеличивавшагося въ числѣ, герцогъ Евгеній достигъ, наконецъ, высотъ у Ноллендорфа, гдѣ истомленные войска его подкрѣплены были наконецъ двумя полками гвардіи. Пользуясь этимъ подкрѣпленіемъ, Евгеній въ теченіе полутора часа отражалъ всѣ покушенія непріятеля и далъ тѣмъ возможность гвардіи достигнуть окрестностей Кульма у самаго входа въ Теплицкую долину.

До сихъ поръ Остерманъ и Ермоловъ дѣйствовали, повидимому, въ согласіи съ герцогомъ, хотя и мѣшали ему то и дѣло своими распоряженіями; но теперь они какъ будто вдругъ вспомнили о своей первоначальной задачѣ, спасти во чтобы-то ни стало первую гвардейскую дивизию. Оставивъ въ Кульмѣ всего лишь четыре армейскихъ баталіона, они спѣшно двинулись впередъ къ Будину на Эгерѣ, покидая герцога на произволъ судьбы. Спасая гвардію отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ непріателемъ, Ермоловъ счелъ, однако-же, нужнымъ извѣстить австрійскаго императора о предстоящемъ вторженіи непріятеля въ Богемію. Францъ, не считавшій себя никогда героемъ, и совершенно не понимавшій значенія происходившихъ передъ нимъ событій, спѣшилъ убраться какъ можно скорѣе въ Лаунъ; но къ счастью для союзниковъ въ Теплицѣ находился уже въ это время король прусскій, недоступный по самому своему характеру ни страху, ни эгоистическимъ разсчетамъ. Король, не отличавшійся въ другое время ни особенною находчивостью, ни рѣшительностью, мпповенно понялъ, что въ этотъ моментъ рѣшается участь всей кампаніи. Ему казалось, что само Провидѣніе привело его на это мѣсто и именно въ эту минуту. Тотчасъ же далъ онъ знать Остерману, что онъ долженъ остановить

гвардію у Кульма и противостать всѣми силами дальнѣйшему движенію Вапдамма. „Въ случаѣ вашего дальнѣйшаго отступленія, велѣлъ онъ передать графу, всей союзной арміи грозитъ неизбѣжная гибель. Не забывайте также, что императоръ Александръ находится еще въ горахъ, и что непріятель можетъ отрѣзать ему возвращеніе въ Богемію“. Въмѣстѣ съ тѣмъ король извѣщалъ русскихъ генераловъ, что онъ принялъ уже всѣ мѣры для оказанія имъ наискорѣйшей помощи, что онъ отправилъ уже съ этою цѣлью своихъ адъютантовъ на встрѣчу всѣмъ приближающимся союзнымъ колоннамъ.

Еще разъ должна была обнаружиться воочию передъ всѣми благопопечительность Божественнаго Промысла. Кто другой какъ не Самъ Господь, говорили уже тогда всѣ вѣрующіе люди, могъ привести именно въ этотъ моментъ короля прусскаго въ Теплицъ? Если-бы Остерманъ и Ермоловъ получили приказаніе держаться въ Кульмѣ отъ какого-нибудь другаго высокопоставленнаго лица, хотя-бы отъ самого императора австрійскаго, они, безъ всякаго сомнѣнія, не обратили-бы на него никакого вниманія. Ни Францъ, ни его Шварценбергъ не пользовались въ глазахъ русскихъ генераловъ ни малѣйшимъ авторитетомъ. Иное дѣло король прусскій, личный другъ императора Александра, природный воинъ отъ головы до ногъ. Его слова имѣли рѣшительное дѣйствіе. Тамъ, гдѣ приказаніе исходило отъ его имени, гдѣ дѣло шло о спасеніи самого императора Александра, тамъ должны были исчезнуть всѣ другія соображенія, тамъ необходимо было пожертвовать хотя-бы и всею гвардіею.

Позиція подъ Кульмомъ была уже оставлена; пришлось занимать теперь другую у селенія Пристена. Здѣсь расположили русскіе генералы свои геройскіе полки, здѣсь завязался безсмертный бой, долженствовавшій покрыть на вѣки неуvidaемою славою герцога Евгенія и его сподвижниковъ. Лѣвое крыло небольшого отряда опиралось на лѣвистую возвышенность у Еггенмюле; правое растянато было по долинѣ до болотистаго Карбицкаго луга. Гвардейскіе егеря и два армейскихъ баталіона расположились на крайнемъ лѣвомъ

флангѣ у Еггенмюле; всѣ остальные армейскіе баталіоны, числомъ 14, стали въ селеніи Пристенѣ и позади его; на лѣвомъ флангѣ расположилась конница; позади лѣваго крыла построены были въ видѣ резерва 10 гвардейскихъ баталіоновъ ¹⁾. Въ десятомъ часу утра, когда началась уже перестрѣлка съ войсками Вандамма, на поле сраженія прибылъ король прусскій. Онъ привелъ съ собою австрійскій драгунскій полкъ эрцгерцога Іоанна, успѣвшій около этого времени выбраться изъ горъ. Драгуны расположились на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ.

Положеніе русскихъ войскъ и безъ того уже крайне тяжелое, почти безнадежное, ухудшалось разногласіемъ, господствовавшимъ въ средѣ ихъ вождей. Антагонизмъ между Ермоловымъ и герцогомъ Виртембергскимъ не прекращался и въ эти роковыя минуты. Адъютантъ герцога, полковникъ Гофманъ, полагалъ, что мы должны воспользоваться нашею многочисленною артиллеріею и, что въ виду этого слѣдуетъ расположить войска 2-го армейскаго корпуса не въ селеніи Пристенѣ, а позади его, дабы они не маскировали огня нашихъ орудій. Ермоловъ усмотрѣлъ въ этомъ предложеніи явное намѣреніе подвергнуть съ самаго начала величайшей опасности полки первой гвардейской дивизіи и объявилъ, что войска второго армейскаго корпуса должны во чтобы-то ни стало держаться въ селеніи Пристенѣ. Гофманъ упорно стоялъ на своемъ мнѣніи; тогда Ермоловъ, внѣ себя отъ гнѣва, замѣтилъ ему: „Вы нѣмецъ! вы измѣнникъ! вамъ, все равно, что станетъ съ нашею гвардіею!“ Въ эту минуту къ спорящимъ подъѣхалъ герцогъ. Ермоловъ мгновенно измѣнилъ тонъ. „А, ваше высочество“, обратился онъ къ Евгенію, „васъ всегда можно встрѣтить въ передовой цѣпи!“ Узнавъ въ чемъ дѣло, Евгеній тотчасъ-же прекратилъ споръ. Онъ объявилъ, что войска его корпуса будутъ защищать Пристенъ, но что

¹⁾ Число и составъ нашихъ войскъ въ дѣлѣ при Кульмѣ 17-го августа (29) были слѣдующія: во второмъ пѣхотномъ корпусѣ и отрядѣ Гельфрейха числилось 5,500 ч., въ первой гвардейской дивизіи 6,300 ч., въ кавалеріи 2,500 ч.; итого 14,700 ч. Богдановичъ, Т. IV, примѣч. 13, къ глав. XXIII, „Записки Евгенія“, Т. III, стр. 153.

въ случаѣ отступленія, они отойдутъ не прямо назадъ, а въ стороны, дабы не помѣшать дѣйствию нашей артиллеріи ¹⁾.

Между тѣмъ колонны Вандамма спускались, подобно грозовымъ тучамъ, съ Ноллендорфскихъ высотъ. Непрiятельскiй генералъ горѣлъ нетерпѣніемъ уничтожить, какъ можно скорѣе, нашъ слабый корпусъ. Онъ не хотѣлъ дожидаться прибытія главныхъ своихъ силъ, и едва только первая колонна, бригада припца Рейса, вышла изъ ущелья, какъ онъ тотчасъ же двинулъ ее въ атаку на наши позиціи. Вандаммъ не постарался, впрочемъ, изучить, какъ должно, условія мѣстности и расположеніе нашихъ войскъ. вмѣсто того, чтобы направить атаку на нашъ лѣвый флангъ, ²⁾ стоявшій на совершенно ровной и открытой мѣстности, онъ обратилъ всѣ свои усилія на наше правое крыло, гдѣ уже самыя мѣстныя условія благопріятствовали защитѣ. Наступленіе бригады Рейса отражено было лейбъ-егерями и подошедшимъ къ нимъ на помощь Семеновскимъ полкомъ; французы отброшены были въ безпорядкѣ къ Кульму, половина людей ихъ и самъ начальникъ бригады остались на мѣстѣ. Эта первая неудача непрiятеля сильно подняла духъ нашихъ войскъ и крайне раздражила Вандамма. Упорство французскаго генерала не знало предѣловъ. Во чтобы то ни стало, хотѣлъ онъ сбить наше правое крыло, чтобы занять, какъ можно скорѣе, всѣ выходы изъ горъ, лежавшіе вправо отъ него. Немедленно двинулъ она впередъ сначала девять баталіоновъ дивизіи генерала Мутона-Дюверне, а по-

¹⁾ Обо всей этой сценѣ мы получаемъ самыя подробныя извѣстія отъ Гофмана,—тогда какъ другіе источники или вовсе умалчиваютъ о ней, или говорятъ только вскользь.

²⁾ И. М. Муравьевъ говоритъ: „На правомъ флангѣ нашемъ вовсе не было войскъ за исключеніемъ одного австрійскаго эскадрона. Съ этой стороны растилась обширная равнина и прикрывала насъ незначительная рѣчка; у французонъ показывалось съ этой стороны нѣсколько конницы. Непонятно, зачѣмъ не послали они ее намъ во флангъ. И пѣхота ихъ легко могла-бы предупредить насъ симъ путемъ въ Теплицѣ, отрѣзать или истребить, но кажется, что Вандаммъ презрѣлъ малымъ числомъ нашихъ, ибо онъ постоянно оставался въ горахъ и пускалъ войско въ бой только малыми частями“. Записки Муравьева, „Русскій архивъ“ 1886 г. кн. I, стр. 24.

томъ 14 баталіоновъ генерала Филиппа. Французы выдвинули также кавалерію Корбино и многочисленную артиллерию. Селенія Страденъ и Пристенъ засыпаны были градомъ непріятельскихъ снарядовъ и зажжены на всѣхъ концахъ. Громадное превосходство силъ было на сторонѣ Валдама, но войска наши, воодушевляемые герцогомъ, встрѣтили натискъ французовъ съ неслыханною стойкостью. Всѣ первыя атаки непріятели были отбиты дивизією Гельфрейха, поддержанною Тобольскимъ и Черниговскимъ полками; когда же французы, удвоившись и утроившись въ числѣ, успѣли, наконецъ, занять пылающія развалины Страдена и Пристена, то на помощь нашимъ изнемогающимъ воинамъ подошлъ Семеновскій полкъ. Завязалась отчаянная свалка. Семеновцы дрались какъ львы. Они работали штыками и прикладами, не давали и не принимали пощады; лейбъ-егеря, войска второго корпуса ¹⁾ соперничали съ ними въ чудесахъ храбрости. Два французскихъ баталіона, окруженные нашими войсками, не хотѣли сдаваться и были переколоты до послѣдняго человѣка. Ожесточеніе сражающихся возрастало съ минуты на минуту, но непріятель, получавшій все новыя и новыя подкрѣпленія, видимо начиналъ брать верхъ. Уже 900 человѣкъ Семеновцевъ выбыло изъ строя, уже орудія наши были взяты непріятельскою пѣхотою, когда Ермоловъ, уступая настойчивымъ требованіямъ герцога, двинулъ въ атаку два баталіона Преображенскаго полка. Никто, изъ самыхъ бывалыхъ людей не видѣлъ еще ничего подобнаго. Преображенцы шли въ бой, какъ будто на парадъ. Сомкнувшись въ тѣсную колонну, не дѣлая ни одного выстрѣла, не обращая вниманія на непріятельскіе снаряды, причинявшіе имъ страшную убыль, они подвигались впередъ бѣглымъ шагомъ и въ ногу. На лицѣ cadaго

¹⁾ Любопытно, что П. М. Муральевъ, лично участвовавшій въ дѣлѣ подъ Кульмомъ, воздавалъ высокія похвалы гвардейскимъ войскамъ, превозносилъ неустрашимость Остермана и распорядительность Ермолова, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о герцогѣ Евгениі, а о второмъ корпусѣ замѣчаетъ, „что изнуренный отъ трудовъ и многопотерпѣвшій въ прежнихъ дѣлахъ, онъ совершенно исчезъ“. „Русскій архивъ“ 1886 г. кн. I, стр. 24.

солдата выражалось желаніе добратся, какъ можно скорѣе, до французовъ ¹⁾). Ничто не могло противостать ихъ всесокрушающему натиску. Однимъ могучимъ ударомъ отбросили они далеко назадъ французскую пѣхоту и отбили потерянные орудія. Но и Вандамъ съ своей стороны пускалъ въ дѣло все свѣжія и свѣжія войска. Преображенцы, потерявшіе всѣхъ своихъ офицеровъ, за исключеніемъ одного прапорщика; баталіоны второго корпуса, растрѣлявшіе свои послѣдніе патроны, переломавшіе штыки и приклады, принуждены были податься назадъ. Селенія Страденъ и Пристенъ были вновь взяты непріателемъ, вся французская линія неудержимо подвигалась впередъ. Настала послѣдняя отчаянная минута. О подвѣрженіяхъ не было и слышно. Приходилось пустить въ дѣло послѣдніе резервы, два баталіона Измайловскаго и одинъ баталіонъ Преображенскаго полка. Ермоловъ, торговавшійся до сихъ поръ съ герцогомъ за каждый баталіонъ и каждую роту, понялъ, что теперь настало время ставить на карту послѣдняго солдата. Передъ атакою, онъ напомнилъ гвардейцамъ, что теперь все зависитъ отъ ихъ храбрости и самоотверженія, что вся наша армія находится еще въ горахъ, что при ней самъ государь. „Но“, замѣчаетъ Ермоловъ, „мнѣ не было надобности поощрять солдатъ; столько неустрашимы были служащіе имъ примѣромъ ихъ начальники; столько каждый горѣлъ усердіемъ“.

И дѣйствительно, героизмъ нашихъ войскъ достигъ въ эту минуту до своего апогея. Послѣдній солдатъ проникнуть былъ сознаніемъ предстоящаго ему подвига. Всѣ рвались въ бой. Музыканты, барабанщики, писаря просили ружей. Какъ снѣжная лавина обрушились Измайловцы на непріателя. Они устлали все поле сраженія вражескими трупами и еще разъ отбросили войска Вандамма къ самому подножію горъ. Но это героическое усиліе истощило наши послѣднія силы. Двѣ трети Измайловцевъ, въ томъ числѣ

¹⁾ Такими-же точно словами характеризуетъ Н. М. Муравьевъ атаку Семеновцевъ, стр. 24.

генераль Храповицкій, полковникъ Мартыновъ и почти всѣ офицеры, были убиты или ранены; изъ всѣхъ нашихъ войскъ, собранныхъ подъ Кульмомъ, оставались не тронутыми только двѣ роты, а между тѣмъ съ высотъ Ноллендорфа спускались все новыя и новыя колонны непріятеля. Солнце стояло еще довольно высоко и съ нашихъ позицій было видно ясно, что Вандаммъ готовитъ новую отчаянную атаку. Кто могъ противостать ей? Исчезала послѣдняя надежда, какъ вдругъ слышались звуки трубъ, въ лѣсномъ ущельи, вправо отъ нашихъ позицій, заблестали ярко на солнцѣ мѣдныя каски кирасировъ ¹⁾. Подобно молніи разнеслась радостная вѣсть по всему полю битвы. Искра надежды засвѣтилась въ сердцѣ послѣдняго солдата; она не обманула на этотъ разъ! Наша гвардейская кавалерія спѣшила на помощь своимъ изнывающимъ товарищамъ.

Въ теченіе 28 числа (16) массы союзныхъ войскъ достигли окрестностей Альтенберга, при чемъ австрійцы, направлявшіеся на Дуксъ, нѣсколько опередили русскихъ и пруссаковъ, шедшихъ на Гейерсбергъ. Императоръ Александръ со всею своею свитою провелъ ночь въ Альтенбергѣ и утромъ 29 (17) августа выѣхалъ по узкой горной дорогѣ на Дуксъ. Дождь, непрерывно лившій всѣ эти дни, пересталъ почью; густые туманы, окутывавшіе всѣ горныя ущелья, разсѣялись уже къ десяти часамъ утра и солнце явилось во всемъ своемъ блескѣ. Восхитительная горная панорама раскинулась передъ глазами государя. Со всѣхъ сторонъ возвышались гигантскія скалы Рудныхъ горъ, изрѣзанныя темнозелеными, подернутыми прозрачною синевою, ущельями. Впереди открывалась Теплицкая котловина съ своими лѣсами, селеніями, церквями, закрытая еще кое-гдѣ бѣловатыми полосами туманнаго покрова. Вокругъ царил невозмутимая тишина. Ничто не обличало, повидимому, близости большихъ массъ войскъ, а тѣмъ менѣе сраженія, въ которомъ рѣшалась вся участь кампаніи. Молча подвигались впередъ государь и генералы его свиты, погруженные

¹⁾ Н. М. Муравьевъ, записки, стр. 24.

въ свои думы, какъ вдругъ влѣво отъ дороги, въ глубинѣ долины показались густые клубы бѣлаго дыма. Никто не обратилъ на нихъ особаго вниманія. Это дымъ отъ бивуачныхъ огней мелькнуло въ головѣ государя. Кавалькада подвигалась впередъ, но съ каждымъ поворотомъ горной дороги дымки становились все гуще и явственнѣе и вскорѣ заволокли все дно долины. Еще нѣсколько минутъ напряженнаго вниманія и до слуха государя началъ явственно доноситься гулъ отдаленной перестрѣлки. Тяжелое предчувствіе закралось въ сердце Александра. Онъ прищорилъ коня, повернулъ на лѣво къ Краупену и, подвигаясь быстро впередъ по направленію выстрѣловъ, въѣхалъ на высокій холмъ, откуда открывался видъ на всю Теплицкую долину. Послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Случилось именно то, чего такъ опасались въ самомъ началѣ, но противъ чего не приняли въ свое время рѣшительныхъ мѣръ. Непріятель предупредилъ союзниковъ, онъ достигъ ранѣе ихъ выходовъ въ Теплицкую долину, онъ тѣснилъ превосходными силами корпусъ Остермана. Государь понялъ, что въ этотъ моментъ рѣшается участь всей кампаніи, что тутъ нельзя терять ни одной минуты времени, что необходимо поддержать слабый русскій корпусъ, какъ можно скорѣе и во чтобы то ни стало. Александръ зналъ, что изъ русскихъ и прусскихъ войскъ находится вблизи только одна конница и немедленно отправилъ на встрѣчу ей своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ спѣшить, какъ можно скорѣе въ Теплицу. Но этого было мало. Одна конница не могла дать иной поворотъ дѣлу, особенно въ этой гористой, пересѣченной мѣстности. Необходимо была пѣхота, а такъ какъ вблизи находилась только одна австрійская пѣхотная колонна, подъ начальствомъ графа Коллоредо, то государь, переговоривши на-скоро съ своими приближенными, послалъ на встрѣчу Коллоредо генерала Жомини ¹⁾ съ порученіемъ побудить австрійскаго военначальника измѣнить свое направленіе и поспѣшить къ Теплицу на помощь сражающемуся русскому отряду.

¹⁾ См. Le comte, Le general Jomini, sa vie et ses (oeuvres) ecrits, стр. 190.

Отдавъ эти приказанія, императоръ поспѣшилъ самъ въ Дуксъ, рассчитывая найти тамъ князя Шварценберга и условиться съ нимъ на счетъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Въ Дуксѣ Александра ожидали крайне непріятныя случайности. Австрійскаго главнокомандующаго не было уже въ мѣстечкѣ, вмѣсто его, государь встрѣтилъ графа Меттерниха, совершенно потрясеннаго послѣдними несчастными событіями. Уже изъ первыхъ словъ австрійскаго канцлера, Александръ замѣтилъ, что Меттернихъ проклиналъ въ душѣ свои опрометчивые шаги въ Дрезденѣ и Прагѣ, что онъ думалъ лишь объ одномъ, какъ бы отдѣлаться по скорѣе отъ русскихъ и пруссаковъ и снискать милость и прощеніе у всемогущаго Наполеона ¹⁾. Среди разговора съ Меттернихомъ прибылъ генераль Жомини и донесъ, что графъ Коллоредо рѣшительно отказывается исполнить желаніе русскаго государя. На всѣ просьбы и урѣщанія Жомини австрійскій генераль отвѣчалъ одними и тѣми же словами: „Мнѣ предписано идти на Дуксъ, а не на Теплицъ; безъ особаго распоряженія князя Шварценберга я не могу уклониться отъ назначеннаго мнѣ направленія“.

Поступокъ австрійскаго генерала вывелъ Александра изъ себя. Рѣшительнымъ, почти рѣзкимъ тономъ потребовалъ онъ, чтобы Меттернихъ немедленно приказалъ графу Кол-

¹⁾ Тайныя сношенія Австріи съ Наполеономъ не прекращались и по окончаніи перемирія. Уже 18 августа Наполеонъ обратился черезъ посредство министра своего Маре съ чрезвычайно интереснымъ посланіемъ къ Меттерниху. Порицая очень рѣзко предшествующее поведеніе Вѣнскаго кабинета, онъ предлагаетъ вслѣдъ за тѣмъ избрать какое нибудь мѣсто на австрійской границѣ, объявить его нейтральнымъ, собрать тамъ конгрессъ и начать мирные переговоры, не прекращая военныхъ дѣйствій. Меттернихъ отвѣчалъ отъ 21 августа, что его императоръ усматриваетъ въ этомъ предложеніи лучъ надежды, но что онъ долженъ сначала заручиться согласіемъ своихъ союзниковъ. Совершенно иначе заговорилъ Меттернихъ послѣ Дрезденскаго сраженія. Немедленно увѣдомилъ онъ Маре, что императоръ Францъ готовъ объявить Прагу нейтральнымъ пунктомъ и вступить въ мирные переговоры. Меттернихъ и его императоръ нашли на этотъ разъ возможнымъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, даже не увѣдомляя объ этомъ своихъ союзниковъ. Однимъ словомъ Австрія готова была измѣнить коалиціи. См. Беригарди, Т. III, стр. 206 и слѣдующія.

лоредо поворотить на Теплицъ. Канцлеръ колебался и пытался дать уклончивый отвѣтъ, но Александръ упорно стоялъ на своемъ требованіи и Меттернихъ рѣшился, наконецъ, отправить записку къ Коллоредо ¹⁾. Записка произвела магическое дѣйствіе. Коллоредо немедленно двинулся съ двумя дивизіями пѣхоты и бригадою конницы къ Теплицу; но было уже поздно и его войска, истомленные походомъ, не въ состояніи были достигнуть поля сраженія въ этотъ день.

Между тѣмъ императоръ Александръ поспѣшилъ самъ къ Пристену и, приближаясь къ мѣсту боя, попалъ на счастливую мысль направить въ тылъ Вандамму прусскій корпусъ генерала Клейста, находившійся въ это время въ горахъ въ окрестностяхъ Фюрстенвальде, всего лишь въ нѣсколькихъ часахъ отъ Ноллендорфа. Такая-же точно мысль пришла еще ранѣе въ голову королю прусскому, и еще утромъ, Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ къ Клейсту своего ординарца, графа Швейница съ приказаніемъ поспѣшить, какъ можно скорѣе, черезъ Гейерсбергъ въ Теплицкую долину и поддержать изнемогающія въ неравномъ бою войска Остермана ²⁾. Едва только исполнилъ Швейницъ свое порученіе, какъ къ генералу Клейсту явился посланецъ императора Александра, полковникъ Ф. Шелеръ и объявилъ, что русскій императоръ настойчиво требуетъ, чтобы прусскій корпусъ перешелъ на Пирнское шоссе и попытался зайти черезъ Ноллендорфъ въ тылъ Вандамму ³⁾. Генералъ Клейстъ не колебался ни минуты своимъ рѣшеніемъ. Обстоятельства сложились для него такимъ образомъ, что ему не оставалось въ сущности иного выбора какъ идти на Ноллендорфъ, такъ какъ всѣ осталь-

¹⁾ Жомини съ своей стороны доказалъ Меттерниху, что если не удастся отѣснить Вандамму, то половина союзной арміи, находящаяся еще въ горахъ, погибнетъ и самое отступление за Эгеръ сдѣлается невозможнымъ. См. Lescomte, стр. 190.

²⁾ Бернгарди, Т. III, стр. 223.

³⁾ Вольцогенъ въ своихъ мемуарахъ, стр. 200, ошибочно утверждаетъ, что Шелеръ былъ посланъ—Фридрихомъ Вильгельмомъ. Ошибка эта могла возникнуть потому, что по другимъ извѣстіямъ, императоръ Александръ послалъ Шелера посовѣтоваться предварительно съ королемъ прусскимъ. См. Бернгарди Т. III, стр. 229.

ные горные проходы были совершенно заперты отступающими обозами союзной арміи. Замѣчательно, что Клейстъ и начальникъ его штаба, генераль Грольманъ, пришли къ рѣшенію идти на Нолендорфъ, независимо отъ приказаній союзныхъ государей. Спустя много времени Клейстъ выражался такимъ образомъ, вспоминая о своемъ тогдашнемъ рѣшеніи: „Это сдѣлалъ Самъ Богъ; я съ моимъ корпусомъ былъ лишь орудіемъ Его всемогущей руки. Что мы пришли во время къ Кульму—это зависѣло не отъ условій и плановъ, а единственно отъ счастливаго случая. Мы хотѣли идти черезъ Богемію въ Силезію и вовсе не знали, что происходило вблизи отъ насъ. Не наша предусмотрительность, а милосердное соизволеніе Неба привело насъ во время къ Кульму и дало намъ возможность содѣйствовать побѣдѣ“ ¹⁾.

Грозныя тучи собирались надъ головою Вандамма, но онѣ могли разразиться не ранѣе, какъ на слѣдующій день, а между тѣмъ французскій генераль имѣлъ полную возможность уничтожить стоявшаго передъ нимъ противника еще вечеромъ 29 (17) числа. Вандаммъ не расположенъ былъ, повидимому, терять времени. Замѣчая, что непріятель употребилъ уже въ дѣло послѣдніе свои резервы, онъ рѣшился на новое отчаянное усиліе. Густыя колонны французской пѣхоты вновь двинулись на Пристенъ и, несмотря на яростное сопротивление русскихъ, въ третій разъ завладѣли селеніемъ. Утвердившись на развалинахъ Пристена, французскіе солдаты, одушевляемые самимъ Вандаммомъ, бросились на русскую артиллерію, расположенную позади селенія. Встрѣченные градомъ картечи, они шли упорно впередъ и были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ орудій, какъ вдругъ случи-

¹⁾ Это было въ 1817 году, во время освещенія памятника, поставленнаго королемъ прусскимъ на мѣстѣ кульмскаго боя. Слова Клейста были сказаны въ присутствіи епископа Ейлерта. Вотъ ихъ подлинный текстъ. Das hat Gott gethan; mit meinem Korps war ich das Werkzeug seiner segnenden Hand. Keineswegs war es Verabredung und Plan, sondern ein glücklicher Zufall, dass wir hierher kamen. Vielmehr wollten wir durch Böhmen nach Schlesien und wüssten nicht was vorging. Dass wir zur rechten Zeit und Stunde kamen und etwas zum Siege beitragen, war eine gnädige Schikung des Himmels, aber nicht unsere Weisheit. Eylert, Charakterzüge T. II, 347.

лось вѣчто совершенно неожиданное. Огромныя массы конницы, неизвѣстно откуда взявшіяся, внезапно обрушились на нихъ. Громовое русское ура, топотъ тысячей несущихся коней заглушили неумолкавшій до тѣхъ поръ гулъ ружейной и пушечной пальбы. То была атака прибывшей на мѣсто боя русской кавалеріи. Съ одной стороны ударили на французовъ гвардейскіе кирасиры и драгуны, подъ начальствомъ генерала Дибича ¹⁾, съ другой уланы подъ предводительствомъ принца Карла Гессенскаго. Ошеломленные внезапнымъ появленіемъ конницы, французы не успѣли построиться въ карре. Въ дивомъ безпорядкѣ бросились они назадъ къ Пристену. Цѣлыя баталіоны были истоптаны и изрублены. Все поле покрылось трупами. Пятисотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Солнце заходило и къ полю битвы подходили все новыя и новыя союзныя войска. Сначала явилась русская вторая кирасирская дивизія и австрійскіе драгуны; затѣмъ прибыли первая гренадерская и вторая гренадерская дивизіи, а также отрѣзанные наканунѣ французами полки второго армейскаго корпуса. Но и Вандаммъ получилъ также сильныя подкрѣпленія. Его самоувѣренность не была еще поколеблена. Убѣжденный, что за нимъ слѣдуетъ вся французская армія, онъ прекратилъ атаки въ седьмомъ часу вечера съ твердымъ намѣреніемъ возобновить ихъ на слѣдующее утро.

Наступила темная ночь и на полѣ битвы собрались императоръ Александръ, король прусскій, князь Шварценбергъ,

¹⁾ Н. М. Муравьевъ рассказываетъ объ атакѣ Дибича: „между тѣмъ пріѣхалъ генералъ Дибичъ, бывший генералъ-квартирмейстеромъ при Барклай. Увидя тѣсное положеніе наше, онъ поскакалъ къ л-гв. драгунскому полку и велѣлъ ему за собою слѣдовать; но драгуны не знали его въ лице и никто съ мѣста не тронулся, пока онъ не показалъ своей звѣзды. Одинъ драгунъ поскакалъ за нимъ, потомъ другой, третій, и наконецъ весь полкъ пустился въ атаку въ безпорядкѣ. Ермоловъ, увидя сію атаку, которая сдѣлалась безъ его приказанія (?), послалъ брата моего Александра остановить драгунъ; но было уже поздно: драгуны опрокинули часть непріятельской пѣхоты, а другую загнали въ болото. Нѣкоторые изъ драгунъ завязли въ болотѣ, другіе-же заскакали французамъ въ тылъ за селеніе Даленъ, всакали въ селеніе и выгнали къ намъ на чистое поле стрѣлковъ, которые, увидя, что ихъ готовились встрѣтить, остановились. Драгуны порубили ихъ и присоединились къ намъ уже спереди“. Записки, стр. 25.

генералы Барклай, Милорадовичъ, Толь, Жомини и Дибичъ. Всѣ они выражали свое изумленіе и радость по поводу геройской стойкости русской гвардіи; всѣ сознавали, что эта стойкость спасла союзную армію отъ окончательной катастрофы, но ни одинъ изъ союзныхъ вождей не высказывалъ въ этотъ моментъ твердой надежды на побѣдоносный исходъ предстоящаго на другой день боя. Общее настроеніе было въ высшей степени тревожное. Никто не зналъ, что Наполеонъ остался со всею массою своихъ войскъ въ Саксоніи. Всѣ были твердо увѣрены, что французы массаами идутъ въ Богемію вслѣдъ за отступающими союзниками, что корпусъ Вандаммы составляетъ только авангардъ ихъ арміи. Мысль, что станется съ цѣлою половиною союзной арміи, находившеюся еще въ горахъ, не давала при такихъ обстоятельствахъ покоя. Особенно велико было уныніе въ средѣ австрійскихъ генераловъ. Князь Шварценбергъ и его ближайшіе совѣтники были такъ потрясены Дрезденскою катастрофою и неожиданнымъ появленіемъ Вандаммы въ Теплицкой долинѣ, что утратили всякую способность мыслить о чемъ-либо иномъ, какъ о дальнѣйшемъ, поспѣшномъ отступленіи. Всевозможныя несчастія и ужасы носились предъ ихъ разстроеннымъ воображеніемъ. Имъ казалось, что сама Вѣна должна подвергнуться немедленному нападенію баварцевъ, тѣхъ самыхъ баварцевъ, которые только что заключили тайный договоръ съ австрійскимъ дворомъ. Чтобы противостать всѣмъ этимъ ужаснымъ случайностямъ, князь Шварценбергъ готовъ былъ на самыя отчаянныя средства. Онъ рѣшился звать на помощь Блюхера со всею его арміею, упуская совершенно изъ виду, что Блюхеръ имѣлъ передъ собою 100,000 французовъ Макдональда и что потеря Силезіи могла имѣть самыя роковыя послѣдствія для союзниковъ ¹⁾).

Занятый всѣми этими заботами, князь Шварценбергъ готовъ былъ упустить изъ виду самое ближайшее и существен-

¹⁾ Шварценбергъ отправилъ своего адъютанта князя Лихтенштейна къ Блюхеру и снабдилъ его подробною инструкціею, изъ которой оказывалось, что Силезская армія должна была идти поспѣшно въ Богемію. См. Militärisches Wochenblatt, 1844, стр. 205—206.

ное. Онъ не пытался даже рѣшить вопроса: слѣдуетъ ли удерживать позиціи подъ Кульмомъ, или отвести всѣ войска назадъ за Эгеръ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ всецѣло императоромъ Александромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, безъ всякаго участія князя Шварценберга. Австрійскій фельдмаршалъ подчинился на этотъ разъ безусловно волѣ союзныхъ монарховъ и предоставилъ въ ихъ распоряженіе всѣ находившіяся вблизи австрійскія войска. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, посовѣтовавшись съ генералами Барклаемъ, Толемъ и Дибичемъ, положили не только защищать позиціи подъ Пристеномъ, но и атаковать на слѣдующее утро Вандамму всѣми силами. Тотчасъ же посланы были приказанія генералу Клейсту поспѣшить своимъ движеніемъ къ Ноллендорфу, а всѣ войска, сосредоточенныя подъ Пристеномъ, подчинены были командѣ Барклая. Генералъ Толь, ознакомившись съ мѣстными условіями, составилъ диспозицію къ атакѣ. Онъ предполагалъ ограничиваться на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ обороною, но обойти въ то же время непріятели на правомъ крылѣ и подать руку приближающемуся Клейсту. Союзныя войска, состоявшія въ этотъ день изъ 40,000 человѣкъ, расположены были слѣдующимъ образомъ. На лѣвомъ крылѣ стояли русскіе гренадеры и армейская бригада Пюшницкаго, сзади ихъ расположились четыре баталіона австрійцевъ и третья русская кирасирская дивизія. Въ центрѣ соединены были подъ начальствомъ Милорадовича остатки корпуса принца Евгенія, легкая гвардейская кавалерія, гусарскій Лубенскій полкъ, 1 и 2-я кирасирскія дивизіи. На правомъ крылѣ, кромѣ нѣсколькихъ полковъ русской и австрійской кавалеріи, стали двадцать баталіоновъ австрійцевъ подъ начальствомъ графа Коллоредо.

Настало утро 30-го августа и солнце поднялось во всемъ своемъ блескѣ. Союзники предполагали начать атаку въ 8 часовъ утра, но Вандаммъ, совершенно не сознававшій опасности своего положенія, предупредилъ ихъ. Уже въ 7 часовъ французскія батареи открыли огонь по всей линіи и густыя массы непріятельской пѣхоты устремились вслѣдъ затѣмъ на наше правое крыло. Неоднократно бросались

французы на селенія Страденъ и Пристенъ, но встрѣчаемые сильнѣйшимъ огнемъ нашихъ орудій и гренадеровъ, каждый разъ принуждены были отступать назадъ съ большими потерями. Между тѣмъ наше лѣвое крыло, руководимое Толемъ, въ свою очередь перешло въ наступленіе. Два баталіона дивизіи Коллоредо заняли почти безъ сопротивленія деревню Карбицъ, а союзная кавалерія атаковала съ успѣхомъ непріятельскую батарею, расположенную на Ваплингской высотѣ и захватила нѣсколько орудій. Вслѣдъ за тѣмъ двинулась впередъ вся дивизія Коллоредо. Послѣ упорнаго боя австрійцы завладѣли Стризовицкими высотами, расположили на нихъ свою артиллерію и подвинулись къ самому Кульму. Вандаммъ выдвинулъ противъ нихъ бригаду Кіо, но австрійцы вскорѣ обошли ее съ лѣваго фланга и начали угрожать линіи отступленія французовъ ¹⁾).

Положеніе непріятеля принимало критическій характеръ, но Вандаммъ, какъ будто пораженный слѣпотою, не принималъ никакихъ мѣръ для спасенія своего корпуса. Онъ все еще ожидалъ прибытія подкрѣпленій и съ непонятнымъ упрямствомъ продолжалъ свои бесполезныя атаки на наше правое крыло. Настало 11 часовъ утра, союзные государи наблюдали за ходомъ боя съ высоты Теплицкаго замка, — когда внезапно сзади непріятельскихъ позицій у Ноллендорфа появились сначала кавалерійскіе отряды, а затѣмъ густыя колонны пѣхоты. Никто не могъ разъяснить себѣ въ началѣ этого загадочнаго явленія. Значительная даль и густыя облака пороховаго дыма не позволяли разобрать, что это были за войска. Императоръ Александръ догадывался, что это были пруссаки Клейста, но онъ не рѣшался вѣрить такой радостной неожиданности, не могъ допустить по самому расчету времени, чтобы Клейстъ могъ явиться такъ рано, въ тылу непріятеля. Императоръ послалъ на развѣдку нѣсколькихъ изъ своихъ адъютантовъ, но пока они возвра-

¹⁾ Объ атакѣ Коллоредо см. въ особенности записки Толя у Бернгарди, Т. III, стр. 244 и слѣдующія.

тились назадъ, прошло много минутъ самаго тяжелаго и напряженнаго ожиданія.

Появленіе какихъ то войскъ у Ноллендорфа замѣчено было также непріателемъ, но на его сторонѣ никто не сомнѣвались, что то были давно ожидаемыя главныя силы французовъ. Самъ Вандаммъ находился нѣсколько минутъ въ полнѣйшемъ заблужденіи и разослалъ на всѣ стороны гонцевъ съ воображаемою радостною вѣстью. Подобно электрической искрѣ пронеслась по всей французской линіи вѣсть, что на поле битвы прибылъ самъ императоръ съ главною массою своей арміи. Энтузіазмъ охватилъ мгновенно солдатъ Вандамма. Поле битвы огласилось радостными восклицаніями и громкими звуками трубъ и барабановъ. Вся французская линія двинулась впередъ и стремительно ударила на наши войска. Въ этотъ моментъ съ высотъ Ноллендорфа раздались пушечныя выстрѣлы и нѣсколько ядеръ легли въ самую середину наступающихъ французскихъ колоннъ. Еще минута и послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Невѣдомое войско оказалось прусскимъ корпусомъ Клейста. Уже пруссаки распустили свои орудія поперекъ Пирнскаго шоссе и начали громить отсюда французовъ, уже густыя колонны ихъ пѣхоты двинулись на деревню Арбезанъ въ самомъ тылу непріятельскихъ позицій, когда Вандаммъ понялъ, наконецъ, свою роковую ошибку.

Никогда еще ни одинъ полководецъ ни испытывалъ такой ужасной и внезапной переменны счастья, никогда еще переходъ отъ полнѣйшей самоувѣренности къ безвыходному отчаянію не былъ такъ рѣзокъ и стремителенъ какъ здѣсь. Вандаммъ, не обнаружившій за послѣдніе дни ни особенной осмотрительности, ни находчивости, выказалъ въ эту послѣднюю минуту необычайную твердость и присутствіе духа. Онъ съ разу понялъ всю великость опасности, всю неизбѣжность пораженія и моментально принялъ всѣ мѣры, чтобы спасти отъ истребленія хотя часть своего корпуса. Онъ двинулъ часть своихъ баталіоновъ на Арбезанъ съ приказаніемъ до послѣдней крайности держаться въ этой деревнѣ противъ пруссаковъ. Всю свою артиллерію онъ выдвинулъ впередъ и

предписалъ ей задерживать сильнѣйшимъ огнемъ наступленіе русскихъ и австрійцевъ. Канопиры должны были оставаться при орудіяхъ до тѣхъ поръ, пока будутъ разстрѣляны послѣдніе снаряды и пожертвовать собою для спасенія остальной арміи. Самъ Вандаммъ со всею своею конницею и 20 баталіонами пѣхоты рѣшился стремительно броситься на пруссаковъ и силою проложить себѣ путь черезъ ихъ массы. Отчаянное предпріятіе французскаго вождя едва не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Французская кавалерія ударила на пруссаковъ такъ внезапно и съ такою яростью, что прусскіе баталіоны, совершенно не ожидавшіе подобнаго натиска, были съ разу приведены въ полное разстройство. Тщетно пытались Клейсть и другіе прусскіе генералы возстановить порядокъ въ своихъ потрясенныхъ войскахъ. Тщетно принцъ Августъ прусскій, соскочивъ съ коня и взявъ въ руки знамя второго Силезскаго полка, пытался ободрить солдатъ и вести ихъ на встрѣчу непріятелю. Нѣсколько сотъ человѣкъ бросились вслѣдъ за нимъ, но французская кавалерія неслась впередъ какъ бѣшеная, опровидывала одинъ за другимъ прусскіе баталіоны, наскочила на прусскую артиллерию и изрубила канонировъ. Непрiятельская пѣхота спѣшила воспользоваться открытымъ для нея путемъ. Бѣглымъ шагомъ подвигалась она къ Ноллендорфу, перестрѣливаясь съ отступающими пруссаками. Самъ Вандаммъ находился при ней. Спасеніе было уже, повидимому, близко, когда въ тылу французовъ явились новые враги.

Едва только замѣтилъ Барклай появленіе пруссаковъ у Ноллендорфа, какъ тотчасъ же отдалъ приказъ всѣмъ войскамъ своимъ двинуться впередъ. Союзная кавалерія стремительно бросилась на непріятельскія орудія и завладѣла ими послѣ отчаяннаго сопротивленія. Немногіе баталіоны, оставленные Вандаммомъ у Кульма, атакованные превосходными силами, были частью истреблены, частью принуждены положить оружіе. Вся масса союзныхъ войскъ быстро подвигалась впередъ и вскорѣ настигла бѣгущаго непріятеля. Французы атакованы были теперь со всѣхъ сторонъ. Русскіе и австрійцы напирали на нихъ съ тылу, пруссаки,

оправившіеся отъ своего смятенія и подкрѣпленные вновь прибывшими войсками, тѣснили ихъ спереди и съ фланговъ. Ужасъ и отчаяніе овладѣли солдатами Вандамма. Паническій крикъ: „спасайся, кто можетъ“, раздался въ ихъ рядахъ. Но уже отрѣзаны были всѣ пути къ спасенію. Лишь одна французская кавалерія, успѣвшая заскакать далеко впередъ, спаслась отъ гибели и пробралась горными тропинками въ Саксонію. Толпы пѣшихъ французскихъ солдатъ старались укрыться въ лѣсахъ, но преслѣдуемые по пятамъ не одними союзниками, но и вооруженными крестьянами, принуждены были вскорѣ сдаться въ плѣнъ. На полѣ битвы господствовалъ страшный хаосъ. Повсюду происходили самыя потрясающія сцены. Тамъ нѣсколько французскихъ баталіоновъ пытались построиться въ карре, но были сбиты и опрокинуты своею собственною бѣгущею артиллеріею; тамъ совершенно деморализованные непріятельскіе солдаты грабили свой собственный обозъ и багажъ офицеровъ, тутъ казаки и уланы гнали передъ собою цѣлыя тысячи плѣнныхъ. Никто не въ состояніи былъ разобраться среди дикаго безпорядка. Многіе, особенно на сторонѣ пруссаковъ, не знали на чьей сторонѣ была побѣда. Самъ Клейстъ считалъ одно время весь свой корпусъ совершенно уничтоженнымъ и ожидалъ, что французы могутъ захватить его самого въ плѣнъ ¹⁾.

Но скоро положеніе дѣлъ уяснилось. Огонь прекратился повсемѣстно, густыя облака дыма разсѣялись и громадное поле битвы предстало въ совершенно иномъ видѣ. Силы непріятеля, недавно еще столь грозныя и стройныя, исчезли съ лица земли. Повсюду валялись груды человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ. Вся земля была усѣяна брошеннымъ оружіемъ, покинутыми орудіями, зарядными ящиками, фурами, обломками и остатками всевозможныхъ предметовъ. Въ различныхъ направленіяхъ стояли и двигались колонны

¹⁾ О послѣднемъ днѣ Кульмскаго сраженія кромѣ цитированныхъ уже сочиненій Бернгарди и Богдановича, записокъ герцога Евгенія, Гельдорфа, Гофмана, Муравьева, см. еще сочиненія Астера, Тьера, Т. XVI, Водонкура и другихъ.

союзныхъ войскъ. Отовсюду вели громадныя толпы плѣнныхъ. Въ ихъ числѣ находились почти всѣ непріятельскіе начальники. Генераль Кіо со многими офицерами сдался въ плѣнъ пруссакамъ у Арбезана. Начальникъ штаба перваго корпуса, генераль Гаксо, пытался спрятаться съ нѣсколькими офицерами въ лѣсу, но узнавъ, что вблизи находится генераль Милорадовичъ, поспѣшилъ отдаться въ его руки. По словамъ очевидца ¹⁾, онъ вышелъ изъ лѣсу и въ виду собственныхъ солдатъ упалъ на колѣни передъ русскимъ генераломъ. Несравненно достойнѣе держалъ себя свирѣпый и угрюмый Вандаммъ. Онъ пытался сначала спастись бѣгствомъ, но былъ вскорѣ постигнутъ и взятъ въ плѣнъ русскими егерями. Егеря думали доставить свою знатную добычу въ главную квартиру, но казаки и гвардейскіе гусары отняли у нихъ на дорогѣ Вандамма и привели его къ императору Александру ²⁾.

Государь принялъ вѣжливо, но холодно непріятельскаго генерала, пріобрѣвшаго во всей Германіи самую печальную извѣстность своею адскою жестокостію. Вандаммъ, завидѣвъ государя, сошелъ съ своего боеваго коня и поцѣловалъ его на прощанье. Грубый и мрачный предсталъ онъ передъ лицомъ своего великодушнаго побѣдителя. Императоръ приказалъ отдать плѣннику его шпагу и обратился къ нему съ нѣсколькими словами утѣшенія. Вандаммъ отвѣчалъ грубыми, отрывочными фразами; его надменность была такъ велика, что онъ не снялъ даже шляпы предъ государемъ.

¹⁾ „Милорадовичъ“, замѣчаетъ Н. М. Муравьевъ, „великодушно простилъ ихъ и былъ весьма радъ сдѣлать театральную сцену“. Записки, стр. 29.

²⁾ „Мнѣ не удалось видѣть Вандамма, говоритъ Н. М. Муравьевъ, который также былъ взятъ въ плѣнъ. Говорили, что онъ началъ было важничать въ Теплицѣ, но что великій князь его унялъ. Когда его повезли, то въ Лаунѣ жители приняли его камнями, такъ что фельдъегерь съ нимъ ѣхавшій, едва могъ отдѣлаться отъ нихъ. Вандаммъ извѣстенъ былъ въ Германіи по своей жестокости, онъ грабилъ болѣе другихъ французскихъ генераловъ и дѣлалъ жителямъ насилія всякаго рода. Вандамма привезли въ Москву, гдѣ дворянство наше принимало его съ почетомъ и позволяло ему говорить всякія наглости“. Записки, стр. 29. О сценѣ въ Лаунѣ говоритъ подробно Шишковъ, записки. Т. I, стр. 217.

Всѣ присутствующіе были крайне возмущены грубымъ поведеніемъ Наполеоновскаго генерала ¹⁾; но Александръ не обратилъ на него никакого вниманія и приказавъ отправить его въ Теплицъ, поспѣшилъ къ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ.

Сердце государя было полно самыми возвышенными и радостными чувствами. Обѣзжая поле сраженія, Александръ убѣждался на каждомъ шагу и въ великости побѣды, и въ страшныхъ жертвахъ, принесенныхъ нашими войсками. Громадное поле сраженія было повсюду завалено трупами убитыхъ и тысячами раненыхъ. Потери, понесенныя союзными войсками, были чрезвычайно велики, но главная часть ихъ приходилась на долю нашей гвардіи и второго армейскаго корпуса. Эти геройскіе отряды, затмившіе своею стойкостью баснословныхъ героевъ древности, лишились въ теченіи цѣлаго ряда битвъ 6000 человекъ убитыми и ранеными, т. е. какъ разъ половины всего своего состава. Въ послѣдній рѣшительный день битвы союзники потеряли убитыми и ранеными около трехъ съ половиною тысячъ человекъ. Уронъ непріятеля былъ еще болѣе громаденъ. Одинадцать тысячъ убитыхъ и раненыхъ остались на полѣ битвы; десять тысячъ человекъ было взято въ плѣнъ; три орла, четыре знамени, 82 орудія, весь обозъ корпуса Вандамма достались въ добычу побѣдителямъ.

Но что значили всѣ эти побѣдные трофеи въ сравненіи съ нравственными и военными результатами, достигнутыми Кульмскою побѣдою? Союзная армія, стоявшая еще за день передъ тѣмъ на краю гибели, опеломленная, деморализованная Дрезденскимъ погромомъ, одержала неожиданно и негаданно блестящую побѣду. Она не только отразила смертельный ударъ, направленный въ ея тылъ, но и истребила одинъ изъ лучшихъ и многочисленнѣйшихъ корпусовъ всей непріятельской арміи. И весь этотъ спасительный результатъ былъ достигнутъ вопреки всѣмъ диспозиціямъ главной союзной квартиры, благодаря геніальной находчивости одного изъ

¹⁾ Bernhardi, T. III, стр. 253.

второстепенныхъ вождей, благодаря сверхчеловѣческой стойкости горсти русскихъ людей, благодаря, наконецъ, цѣпи самыхъ невѣроятныхъ и чудесныхъ случайностей ¹⁾. Еще разъ обнаружилось во всемъ непроницаемомъ величїи мудрое руководство Божественнаго Промысла, еще разъ Господь поднималъ Свою десницу надъ мятущимися народами, низложилъ гордыню сильныхъ и осѣнилъ щитомъ Своимъ слабого числомъ и доспѣхами, но сильнаго духомъ и вѣрою.

Воздавая въ глубинѣ души своей честь и хвалу Ему Единому, Господу силъ, Александръ старался въ то же время возблагодарить отъ перваго до послѣдняго всѣхъ участниковъ безсмертнаго Кульмскаго боя. Не обращая вниманїя на подносимыя къ нему со всѣхъ сторонъ побѣдные трофеи, онъ спѣшилъ изъяснить прежде всего благоволенїе войскамъ и начальникамъ ихъ. Онъ подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ отличавшихся, милостиво разговаривалъ съ офицерами. Онъ озаботился участію страдальцевъ и спѣшилъ пролить елей утѣшенїя на раны безчисленныхъ жертвъ побоища. Обѣзжая поле сраженїя, онъ приказывалъ подбирать раненыхъ. Возвращаясь въ Теплицъ и нагнавъ на пути обозъ съ ранеными, онъ останавливался безпрестанно, спрашивалъ ихъ и старался облегчить по мѣрѣ силъ своихъ ихъ участь. И здѣсь, на полѣ битвы, онъ избѣгалъ шумныхъ восторговъ и побѣдныхъ кликовъ, и здѣсь онъ являлся прежде всего не грознымъ побѣдителемъ, а ангеломъ утѣшителемъ страждущихъ.

Щедрую рукою разсыпалъ Александръ награды, лишь одного изъ героевъ считалъ онъ невозможнымъ наградить до-

¹⁾ Какъ смотрѣли на исходъ Кульмскаго боя союзные государи (т. е. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ) видно изъ слѣдующаго. Фридрихъ-Вильгельмъ объявлялъ, что побѣда достигнута при помощи Всевышняго, онъ прислалъ 6000 желѣзныхъ крестовъ для раздачи русскимъ героямъ; онъ повелѣлъ поставить памятникъ на мѣстѣ боя. Александръ и въ частныхъ письмахъ (см. напр. письмо къ княгинѣ Волконской) (Сборникъ Историческаго Общества) и въ публичныхъ заявленїяхъ приписывалъ чудесный успѣхъ единому Богу. Черезъ годъ онъ праздновалъ годовщину Кульмскаго боя торжественнымъ молебствїемъ на Царицыномъ лугу. Въ тотъ же самый день и въ воспоминанїе того же событїя онъ повелѣлъ учредить комитетъ для раненыхъ.

стойно его заслугамъ. Возлагая на полѣ битвы знаки орде-на св. Владиміра Равноапостольнаго на герцога Евгенія, императоръ сказалъ ему: „Я знаю все, чѣмъ мы вамъ обя-заны; самоотверженіе есть высшая добродѣтель“ ¹⁾).

Шумная радость господствовала въ станѣ союзниковъ. Да и было чему радоваться! Побѣда подъ Кульмомъ совпала съ вѣстью о двухъ другихъ великихъ побѣдахъ. Оружіе союзниковъ восторжествовало одновременно на всѣхъ трехъ те-атрахъ войны: въ Богеміи, Силезіи и Бранденбургѣ; всѣ три союзныя арміи увѣнчались одновременно безсмертными лавра-ми. Маршалъ Удино, исполняя предписанія своего повели-теля, двинулся въ самомъ началѣ кампаніи на Берлинъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 100,000 человекъ. Бер-надотъ, на сторонѣ котораго было значительное превосход-ство числа, оправдалъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданія На-полеона. Онъ только говорилъ, шумѣлъ, принималъ герой-скія позы, но тщательно избѣгалъ встрѣчи съ французами. То и дѣло твердилъ онъ о своей рѣшимости вступить въ бой, но указывалъ въ то же время на ненадежный составъ сво-ей арміи, на большое количество ландверовъ, никогда еще не бывшихъ въ дѣлѣ, на вѣроятность прибытія самого На-полеона съ огромными силами, и когда французскіе колон-ны начали надвигаться со всѣхъ сторонъ на Берлинъ, онъ вдругъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что намѣренъ пре-

¹⁾ Герцогъ Евгенийъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что систематическое умалчиваніе о немъ и о его корпусѣ во всѣхъ официальныхъ реляціяхъ, столь несовмѣстимое съ высокимъ чувствомъ справедливости, присущимъ императо-ру Александру, вытекало по всей вѣроятности изъ какихъ нибудь высокихъ государственныхъ соображеній, заставлявшихъ его не допускать герцога за-нять такое положеніе, которое могло-бы обратить на него общее вниманіе свѣта. Герцогъ замѣчаетъ также, что генераль Дибичъ, (впослѣдствіи фельд-маршалъ) старался систематически зачернить и оклеветать его въ глазахъ императора Александра, а впослѣдствіи и императора Николая. Не такъ отно-сились къ герцогу русскіе люди вообще и въ особенности его сослуживцы. Въ арміи Евгенія боготворили за его геройское мужество и истинно рыцар-скій характеръ. Кутузовъ сказалъ императору въ Вильнѣ въ концѣ 1812 г., указывая на Евгенія: *Voilà un jeune Prince qu'on aime à la folie. On se fait tuer pour lui par jouissance* (т. е. „вотъ молодой принцъ, котораго любятъ до безумія. Умираютъ съ радостью за него). Записки Евгенія, Т. I, стр. 154--55.

доставить Берлинъ непріятелю и отступить за рѣку Шпрее. Но прусскіе генералы Бюловъ и Тауенцинъ на отрѣвъ отвѣчали кронъ-принцу, что они скорѣе погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ на полѣ битвы, нежели отдадутъ непріятелю свою столицу. Бернадотъ принужденъ былъ уступить; онъ далъ разрѣшеніе пруссакамъ двинуться на встрѣчу непріятелю, подкрѣпилъ ихъ даже частью русскихъ войскъ, но самъ съ своими шведами остался благоразумно позади, ожидая къ какимъ результатамъ поведетъ безумная отвага пруссаковъ.

Результаты получились, однакоже, самые неожиданные. Пруссаки, быстро двигаясь впередъ, атаковали отдѣльныя французскія колонны при Бланкенфельдѣ, Гроссъ-Бееренѣ и Бельцигѣ и послѣ ожесточеннаго боя нанесли имъ страшное пораженіе. Ничто не могло сравниться съ свирѣпою храбростью ландверовъ. Въ схваткѣ при Бельцигѣ они истребили штыками и прикладами цѣлыхъ три четверти непріятельскаго отряда. Нигдѣ не давали они и не принимали пощады. Потерявъ около 12,000 убитыми, ранеными и плѣнными и почти всю артиллерію, Удино отступилъ къ Виттенбергу на Эльбѣ, почти вовсе не преслѣдуемый кронъ-принцемъ. Бернадотъ двигался такъ медленно, что прошелъ съ своими войсками въ теченіи 11 дней всего лишь 80 верстъ. Не сдѣлавъ ровно ничего противъ непріятеля, онъ пытался, однако-же, присвоить въ своихъ донесеніяхъ ¹⁾ честь успѣха себѣ и своимъ шведамъ.

Совершенно иной духъ господствовалъ въ главной квартирѣ Силезской арміи. И здѣсь, правда, не было недостатка въ разногласіяхъ и недоразумѣніяхъ, и здѣсь и самолюбивый генераль Іоркъ постоянно не ладилъ съ главнокомандующимъ и его штабомъ, а генераль Лапжеронъ уклонялся не разъ самовольно отъ исполненія предписаній Блюхера, но все же здѣсь геройскій духъ престарѣлаго вождя проникалъ

¹⁾ Подробнѣе о пораженіи маршала Удино можно найти во всѣхъ цитированныхъ нами выше общихъ сочиненіяхъ изъ русскихъ, въ особенности у Богдановича.

всю армію, начиная отъ генераловъ и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, а товарищество между русскими и пруссаками, испытанное на безчисленныхъ поляхъ битвъ, соединяло Силезскую армію въ одну плотную массу, превращало ее въ боевой мечъ коалиціи. Едва только Наполеонъ поспѣшилъ на помощь къ Дрездену, какъ Блюхеръ тотчасъ же остановилъ отступление своей арміи и рѣшился атаковать всѣми своими силами Макдональда. Наполеоновскій маршалъ, не зная ничего о намѣреніяхъ союзнаго главнокомандующаго, съ своей стороны продолжалъ наступать на Блюхера. Обѣ арміи, ничего не зная о томъ, шли другъ на друга, и столкнулись почти что неожиданно на берегахъ горной рѣчки Кацбаха. Французы наступали самоувѣренно и крайне неосторожно. Подъ проливнымъ дождемъ они переправились черезъ Кацбахъ и начали взбираться на крутое и высокое плато, противоположнаго берега, но достигнувъ высоту, подверглись яростному нападенію пруссаковъ и русскихъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ солдаты Макдональда защищались съ мужествомъ отчаянія, но были подъ конецъ сброшены съ высотъ къ берегамъ Кацбаха. Страшная участь постигла бѣгущихъ непріятелей. Всѣ горныя рѣчки, лежавшія на пути ихъ, вздулись отъ непрерывныхъ дождей и выступили изъ береговъ. Уже на берегахъ Кацбаха, французы, принужденные переправляться черезъ рѣку подъ сильнѣйшимъ огнемъ союзной артиллеріи, тысячами гибли въ бушующемъ горномъ потокѣ, но еще болѣе страшная участь ожидала ихъ на берегахъ рѣчки Бобера. Тщетно пытались они пробраться къ затопленнымъ мостамъ, когда ихъ настигли преслѣдователи. Дивизія Пюто, совершенно отрѣзанная отъ другихъ французскихъ войскъ, сожгла свой обозъ и рѣшилась обороняться до послѣдней крайности, но, атакованная со всѣхъ сторонъ русскими войсками отряда Ланжерона, была истреблена совершенно. Тысячи пали съ оружіемъ въ рукахъ, тысячи потонули въ рѣкѣ. Самъ генералъ Пюто, болѣе ста офицеровъ, три тысячи рядовыхъ, два орла, 16 орудій достались въ добычу побѣдителямъ.

Неутомимо гнѣсилъ Блюхеръ разбитую армію Макдональ-

да. Его войска не давали непріятелю ни минуты покоя, по всѣмъ дорогамъ захватывали они тысячи плѣнныхъ, отбирали орудія, обозы. Только за Кнейсою собрались, наконецъ, остатки арміи Макдональда, только на берегахъ ея пріостановилось преслѣдованіе, такъ какъ бѣгущимъ французамъ удалось своевременно разрушить всѣ мосты черезъ эту рѣку. Блюхеръ принужденъ былъ дать роздыхъ своимъ утомленнымъ войскамъ. Старый боецъ могъ быть доволенъ результатомъ своихъ усилій ¹⁾. Его войска покрыли себя неувядаемою славою. Колоссальная военная добыча досталась въ ихъ руки. Они взяли 18,000 плѣнныхъ, 103 орудія, 250 зарядныхъ ящиковъ, громадный обозъ, массу знаменъ и орловъ. Армія Макдональда, недавно еще столь грозная, состояла теперь всего лишь изъ 30,000 человекъ ²⁾.

Никогда еще въ теченіи своей долгой военной карьеры Наполеонъ не испытывалъ въ такое короткое время такихъ повторенныхъ ударовъ судьбы. Не прошло и трехъ недѣль отъ начала военныхъ дѣйствій, а уже его положеніе измѣнилось самымъ роковымъ образомъ. Его наступательное движеніе на Берлинъ окончилось самымъ постыднымъ пораже-

¹⁾ Императоръ Александръ, стоявшій выше всякихъ партийныхъ, частныхъ интересовъ, имѣвшій въ виду лишь одну общую, великую цѣль, лучше кого либо другаго сумѣлъ оцѣнить великое значеніе Кацбахскаго сраженія и безсмертную заслугу главнокомандующаго Силезской арміи. Вотъ какимъ рескриптомъ почтилъ онъ Блюхера въ день полученнаго имъ извѣстія о побѣдѣ: „Въ числѣ прекраснѣйшихъ для меня минутъ сего похода считаю тѣ, когда я могу изъявлять вамъ особенное мое благоволеніе за блистательную вашу храбрость, за быстроту вашихъ движеній, за смѣлость вашихъ дѣйствій. Въ то самое время, когда мы одерживали славную побѣду, я снялъ съ себя знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, коего жалуя васъ кавалеромъ. Я не полагаю, чтобы это могло сколько нибудь увеличить выраженіе моей признательности, но хочу доказать, что я не потерялъ минуты, снѣша увѣрить васъ и ваши храбрыя войска, съ какимъ удовольствіемъ узналъ я о вашихъ успѣхахъ. Воинъ живетъ славою своего вождя, а военачальникъ славою своихъ солдатъ. Объявите имъ, генералъ, какъ я цѣню ихъ подвиги и примите увѣреніе въ моихъ чувствованіяхъ“.

²⁾ Подробности о битвѣ при Кацбахѣ, кромѣ извѣстныхъ сочиненій Богдановича, Беригарди, Бейцке, Тьера, Водонкура и другихъ, см. въ особенности Дройзена *Das Leben Jork's* Т. II, стр. 99—154.

ніемъ. Его Силезская армія была разбита на голову, почти что уничтожена. Его наступленіе на Богемію окончилось полною гибелью одного изъ лучшихъ и многочисленнѣйшихъ корпусовъ его арміи ¹⁾. Кампанія, начатая такъ блистательно, приняла внезапно самый печальный оборотъ. Блескъ Дрезденской побѣды померкъ передъ тройною неудачею на Кацбахѣ, при Гроссъ-Бееренѣ и Кульмѣ. Армія лишилась за двѣ съ половиною недѣли около 100,000 человекъ убитыми, ранеными и плѣнными, она потеряла 250 орудій, она была потрясена и деморализована цѣлымъ рядомъ неудачъ. Всякій другой на мѣстѣ Наполеона былъ-бы глубоко потрясенъ такимъ рядомъ неудачъ, но Наполеонъ, обреченный на гибель самимъ Провидѣніемъ, не утратилъ ни на одну минуту ни своей самоувѣренности, ни своего гордаго презрѣнія къ врагамъ. Онъ подавалъ видъ, что всѣ неудачи, понесенныя его маршалами, не могутъ имѣть никакого вліянія на общій ходъ войны; осыпая жестокими укоризнами Вандамма, порицая Макдональда и Удино, онъ собирался исправить всѣ ихъ ошибки и извѣщалъ міръ о новыхъ предстоящихъ своихъ побѣдахъ. Но его дѣйствія начинали уже явно противорѣчить его словамъ. Все рѣже и рѣже сверкали проблески его прежняго генія, все глубже и глубже погружался онъ въ непроницаемый мракъ самомянія, окутывавшій его со всѣхъ сторонъ. Прежняя орлиная ясность и пронизательность взгляда исчезли. Рѣшительность и быстрота уступили мѣсто долгимъ раздумьямъ и колебаніямъ. Прежняя непоколебимая твердость начала переходить въ какое то тупое упрямство. Уже онъ дошелъ до того, что ослѣпляемый страстью и ненавистью, началъ придавать первенствующее значеніе вещи очевидно второстепенной, взятію Берлина, что послѣ Кацбаха и Кульма онъ вновь двинулъ на столицу Пруссіи

¹⁾ Когда одинъ изъ генераловъ съ горестію замѣтилъ въ присутствіи Наполеона, что при Кульмѣ погибъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ корпусовъ арміи, то императоръ прервалъ его такими словами: „да по количеству, что-же касается до качества, то и онъ состоялъ изъ такой-же сволочи, какъ и всѣ остальные. Только теперь начинаю я чувствовать весь размѣръ потерь, понесенныхъ мною въ Россіи“. Jork. Napoleon als Feldherr. T. II, стр. 270.

100,000 армію и далъ тѣмъ возможность союзникамъ нанести новый тяжелый ударъ его и безъ того уже истощающимся силамъ. При Деннивицѣ французы понесли новое страшное пораженіе отъ пруссаковъ, несмотря на то, что ими предводительствовалъ на этотъ разъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ, маршалъ Ней. Они потеряли 8,000 убитыми и ранеными, у нихъ взято было 13 тысячъ плѣнныхъ и 80 орудій. Правда, и послѣ этого новаго удара союзники все еще не рѣшались дѣйствовать противъ Наполеона наступательно; но неравенство силъ, почти незамѣтное въ началѣ войны, быстро возрастало теперь съ каждымъ днемъ. Уже армія Наполеона уменьшилась до 250,000 человекъ, тогда какъ его противники, присоединивши къ себѣ резервную армію Бенигсена, довели свои силы вновь до 400,000 человекъ. При такомъ страшномъ неравенствѣ силъ исходъ борьбы становился уже несомнѣннымъ. Наполеонъ могъ продлить еще сопротивленіе, могъ дать еще союзникамъ цѣлый рядъ битвъ, но его окончательное пораженіе сдѣлалось теперь лишь вопросомъ времени, и притомъ времени короткаго.

Въ союзномъ лагерѣ, гдѣ лишь немногіе возвышенные умы прозрѣвали до сихъ поръ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ конечную цѣль борьбы, только въ первыхъ числахъ сентября сознаніе, что война не можетъ окончиться на этотъ разъ какимъ нибудь компромиссомъ, сдѣлалось наконецъ болѣе или менѣе всеобщимъ. Правда, Меттернихъ и императоръ Францъ не дерзали еще и въ это время помышлять о низложеніи Наполеона, да это низложеніе и не входило вовсе въ ихъ расчеты, но они рѣшились по крайней мѣрѣ соединиться тѣснѣе съ Россією и Пруссією и формулировать болѣе достойныя и широкія цѣли войны. Уже шесть дней ¹⁾ спустя послѣ Кульмской битвы, Австрія подписала союзный договоръ съ Россією и Пруссією. Договоръ опредѣлялъ, что державы не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока Австрія и Пруссія не будутъ возстановлены въ

¹⁾ Договоръ въ Тенлицѣ подписанъ былъ 9-го сентября нов. ст. л.

своихъ прежнихъ размѣрахъ, пока не будетъ уничтоженъ рейнскій союзъ, а участь герцогства Варшавскаго представлена въ ихъ безусловное распоряженіе.

Александръ не могъ скрыть отъ себя, что Теплицкій договоръ заключалъ въ себѣ формальное отступленіе отъ принциповъ, такъ торжественно провозглашенныхъ въ Калишѣ, но скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ уплатить эту тяжелую цѣну за австрійскій союзъ. Онъ хорошо понималъ, что Австрія не можетъ раздѣлять ни его идеальныхъ стремленій, ни его твердаго рѣшенія низложить окончательно Наполеона, но онъ въ то же время твердо надѣялся, что сила событій сама собою поведетъ его союзниковъ далѣе, нежели они предполагали. Чудесныя событія трехъ послѣднихъ недѣль укрѣпили его еще болѣе въ незыблемомъ упованіи на помощь Всевышняго. Ни на минуту не сомнѣвался онъ, что Провидѣніе, избравшее его своимъ орудіемъ для низложенія темныхъ, демоническихъ силъ, приведетъ его къ желанной великой цѣли, вопреки всѣмъ усиліямъ враговъ и проискавъ лжедрузей.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПАПСТВА

ВЪ

ДВОЙНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнья, небезызвѣстны многочисленныя побѣды, одержанныя Римской Куріей за послѣднее время на Востокѣ и Западѣ. Эти побѣды еще разъ доказали всему міру, что папство, несмотря на потерю свѣтской власти, а вмѣстѣ съ нею якобы и свободы, остается по прежнему первостепеннымъ факторомъ въ исторической жизни человѣчества, силой, съ которой приходится серьезно считаться самымъ могущественнымъ правительствамъ. И нынѣ, какъ въ средніе вѣка, папство стремится къ достиженію своей конечной цѣли—покорить весь міръ; повсюду ощущается вліявіе этой космополитической организаціи: ни одна нація не исключена изъ сферы ея дѣйствія. И таково могущество римскаго престола, что самъ желѣзный канцлеръ, считающійся вершителемъ судебъ Европы, и тотъ въ концѣ-концовъ долженъ былъ преклониться предъ мощью Римской Куріи, признавъ Льва XIII компетентнымъ судьей даже въ вопросахъ чисто политическаго свойства!

Къ сожалѣнію, Россія въ данномъ случаѣ не представляетъ исключенія. Нашему правительству приходилось и приходится постоянно бороться съ властолюбивыми стремленіями Рима и лишь путемъ различнаго рода компромиссовъ поддерживать съ Римомъ извѣстный *modus vivendi*. Что папство въ

не меньшей степени угрожаетъ православному Востоку, чѣмъ свободолюбивому Западу, — чтобы убѣдиться въ этомъ, — достаточно взглянуть на дѣятельность піонеровъ католичества на нашихъ западныхъ окраинахъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Папа Левъ XIII въ одной изъ своихъ энцикликъ заявляетъ во всеуслышаніе:

„Настало время подаянія помощи народамъ славянскимъ, благо и спасеніе которыхъ близко нашему сердцу. Мы всѣми силами стремимся къ этой цѣли и жаждемъ, чтобы народы эти были поучаемы большимъ числомъ епископовъ и священниковъ, чтобы укрѣпленные въ исповѣданіи истинной вѣры и послушаніи Христовой церкви убѣдились съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, какъ благодѣтельно и спасительно дѣйствуетъ ученіе католической церкви на жизнь домашнюю и устройство общественное“ ¹⁾.

Свидѣтельствуя о необычайномъ могуществѣ папства, событія послѣднихъ лѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ невольно обращаютъ наше вниманіе на то исключительное, ненормальное положеніе, въ какомъ находится глава римской церкви со времени объединенія Италіи и образованія Итальянскаго королевства, и заставляютъ серьезно задумываться надъ вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ папства. А между тѣмъ каждому непредубѣжденному наблюдателю пынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, ясно, что судьба папства имѣетъ общеміровое значеніе, что такое или иное рѣшеніе вопроса о грядущихъ судьбахъ его неизбѣжно повлечетъ за собою чрезвычайно важныя, хотя и трудно предвидимыя, послѣдствія.

Въ современной западной литературѣ особенный интересъ къ столь важному вопросу выразился въ цѣлой массѣ статей въ повременныхъ изданіяхъ и изрядномъ количествѣ брошюръ, посвященныхъ обсужденію современнаго положенія папы и въ попыткахъ опредѣлить возможную роль папства въ будущемъ. Въ настоящей статьѣ мы желаемъ познакомить читателей съ двумя брошюрами, появившимися въ позапрошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ, цѣль коихъ состоитъ именно въ уясненіи

¹⁾ Энциклика 1880 г. по поводу чествованія св. Кирилла и Меѳодія.

и возможномъ рѣшеніи вопроса о папствѣ. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго въ нѣмецкой литературѣ знатока международного права и юриста, Ф. Г. Гефкена. Заглавіе ея,—„Положеніе папы съ точки зрѣнія международного права“¹⁾. Другая явилась въ свѣтъ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ: „Возстановленіе свѣтской власти папы при посредствѣ князя Бисмарка“²⁾. Авторъ ея д-ръ Куно Стоммель, обратившій на себя въ свое время вниманіе печати сочиненіемъ „Балканскій полуостровъ въ 1877—78 гг.“³⁾. Авторы названныхъ брошюръ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, принадлежатъ къ противоположнымъ лагерямъ: г. Гефкенъ-протестантъ, а г. Стоммель-католикъ. Благодаря этому обстоятельству, мы получаемъ возможность, ознакомясь съ ихъ произведеніями, уяснить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и отличительныя черты протестантскаго и католическаго взгляда на вопросъ о *судьбѣ папства*⁴⁾.

Въ виду важности и интереса фактическаго матеріала, заключающагося въ брошюрѣ г. Гефкена, позволяемъ себѣ остановитъ вниманіе читателей прежде на трудѣ этого почтеннаго автора. Въ качествѣ правовѣда и юриста г. Гефкенъ рассматриваетъ положеніе папства съ правовой точки зрѣнія и именно—съ точки зрѣнія международного права. Исключительное положеніе папы, какъ бывшаго государя церковной области и главы римской церкви, даетъ возможность поставить вопросъ на эту почву. Папство, въ сравненіи съ прочими религіозными учрежденіями, является совершенно свое-

¹⁾ „Die volkerrechtliche Stellung des Papstes“ v. F. H. Geffken. Berlin, 1885.

²⁾ „Die Wiederherstellung der weltlichen Herrschaft des Papstes durch den Fürsten Bismark“ v. Kuno Stommel. Düsseldorf 1885.

³⁾ Die Balkanhalbinsel 1877—78. Berlin.

⁴⁾ Считаемо не лишнимъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, а именно, что Г. Гефкенъ и К. Стоммель зарекомендовали себя свѣдущими людьми по вопросамъ, относящимся до Россіи. Послѣдній, какъ намъ передавали, былъ очевидцемъ войны за освобожденіе Болгаріи; Г. Гефкенъ помѣстилъ рядъ статей о Россіи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ послѣдней книжкѣ „Международнаго Обозрѣнія“, издаваемого на франц. языкѣ мы встрѣтили статью его о Болгаріи.

образной организаціей. Тогда какъ всѣ другія религіозныя общества въ своихъ отношеніяхъ къ государству руководствуются государственнымъ и церковнымъ правомъ, папство, въ силу своего исключительнаго положенія, имѣетъ непосредственное отношеніе и къ международному праву. Соотвѣтственно тѣмъ основаніямъ, на коихъ зиждется исключительное положеніе папства, трудъ г. Гефкена распадается на двѣ части: въ первой авторъ трактуетъ о папѣ какъ государѣ, во второй—о потерянныхъ правахъ его въ иностранныхъ государствахъ. Мы не имѣемъ въ виду касаться тѣхъ главъ (параграфовъ) изслѣдованія, кои посвящены разсмотрѣнію минувшей судьбы папства и роли его въ жизни иноземныхъ государствъ; останавливаемъ вниманіе читателей исключительно на этихъ, сравнительно немногихъ, главахъ, въ коихъ авторъ рисуетъ современное состояніе папства въ предѣлахъ Итальянскаго королевства и возможную судьбу его въ будущемъ.

I.

Какъ извѣстно, настоящее положеніе папы въ Италіи зиждется на законѣ 13 мая 1871 года, извѣстномъ подъ именемъ „закона о гарантіяхъ“. Цѣль этого закона—опредѣлить конституціонныя гарантіи, предоставленныя со стороны Италіи св. престолу и католической церкви.

Первая попытка—примирить папство съ потерю свѣтской власти предпринята была еще Кавуромъ. По его настоянію папа Пій IX образовалъ конгрегацію подъ предсѣдательствомъ кардинала Santucci, которой между прочимъ поручено было обсудить вопросъ: можетъ-ли папа отказаться отъ свѣтской власти? При обсужденіи этого вопроса въ конгрегаціи 9 голосовъ, противъ пяти, высказались за то, что папа *можетъ* отказаться отъ свѣтской власти, какъ скоро этого потребуетъ выгода церкви, а 7 членовъ заявили, что папа даже *долженъ* при извѣстныхъ условіяхъ согласиться на отреченіе отъ свѣтскаго владычества. Въ декабрѣ 1860 г. въ Римъ прибылъ, для веденія переговоровъ по этому предмету, сенаторъ Deomede Pantaleoni. Онъ передалъ кардиналу Santucci документъ, недав-

но опубликованный имъ подъ заглавiемъ: „L'idea Italiana nella soppressione del temporale dei Papi, con documenti inediti“ (Turino-Roma 1864). Документъ этотъ содержалъ въ себѣ выработанныя Pantaleoni основанiя для соглашенiя съ Курiей, въ двухъ частяхъ, изъ коихъ первая и важнѣйшая носила заглавiе: „Condizioni da convenirsi per l'indipendenza, spirituale del Pontifice e l'esercizio di sua spirituale autorità sul'mondo cattolico“. Содержанiе этой части документа слѣдующее:

1. Папа, не будучи государемъ какой-либо области, продолжаетъ пользоваться правами суверена;

2. Посему личность его неприкосновенна и неподчинена никакой юрисдикци;

3. Папѣ дается въ пользованiе извѣстный поземельный участокъ, величина коего должна соотвѣтствовать потребностямъ и достоинству св. престола;

4. Участокъ этотъ освобождается отъ всякихъ налоговъ и находится внѣ политическаго воздѣйствiя правительства;

5. Наравнѣ съ папою неприкосновенность усваивается Конклаву и савонникамъ, на которыхъ возложено веденiе дѣлъ въ перiодъ интерима;

6. Папѣ предоставляется право имѣть собственныхъ представителей при иностранныхъ дворахъ, причемъ всѣ его замѣстители пользуются правомъ неприкосновенности, доколѣ не выйдутъ изъ сферы задачъ ихъ духовной мисси;

7. Каждому гарантируется свободный доступъ къ папѣ для обсужденiя церковныхъ дѣлъ;

8. Эти опредѣленiя составляютъ часть основныхъ законовъ государства и признаются результатомъ обоюднаго договора и

9. Въ случаѣ разногласiй (in caso di difficoltà) допускается гарантiя католическихъ державъ.

Приведенные пункты документа, какъ увидить далѣе читатель, суть ничто иное какъ основа для послѣдующаго закона о гарантiяхъ. Съ принципиальной точки зрѣнiя они заключаютъ въ себѣ болѣе уступокъ, чѣмъ законъ о гарантiяхъ.

Вторая часть документа трактуетъ объ осуществленiи принципа „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“ съ самой либеральной точки зрѣнiя. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ она так-

же имѣть преимущество предъ соотвѣтствующими опредѣленіями закона о гарантіяхъ.

Кардиналь Santucci, лично убѣдясь въ искренности предложеній итальянскаго правительства, заявилъ Pantaleoni, что хотя, быть можетъ, не всѣ пункты проекта удобопріемлемы, но въ качествѣ основаній для дальнѣйшихъ переговоровъ они, по его личному убѣжденію, не должны быть отклонены, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ энергически выступить въ защиту ихъ предъ папой. 10-го января (1861 г.) Santucci сообщилъ Пію IX содержаніе документа и при семъ случаѣ откровенно объяснилъ ему, что онъ съ своей стороны находитъ невозможнымъ спасти свѣтскую власть папы, но что Провидѣніе даетъ церкви новыя средства, благодаря которымъ можно извлечь выгоды изъ угрожающей и неизбѣжной катастрофы. Содержаніе меморавдума „очень тронуло“ папу. Тѣмъ не менѣе онъ приказалъ переговорить о дѣлѣ съ кардиналомъ Антонелли. Santucci, которому было хорошо извѣстно, что секретарь папы—рѣшительный противникъ всякаго соглашенія, замѣтилъ Пію IX, что онъ далъ слово держать сообщеніе правительства въ тайнѣ. Но папа, не обративъ на это вниманія, лично пригласилъ къ себѣ Антонелли и передалъ ему содержаніе документа. Антонелли высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякихъ подобныхъ переговоровъ съ итальянскимъ правительствомъ и на всѣ представленія Santucci отвѣчалъ, что прежде чѣмъ вступить на путь соглашеній, папа долженъ разрѣшить всѣхъ кардиналовъ отъ клятвы, данной ими при вступленіи въ св. Коллегію, клятвы—никогда не выступать съ предложеніемъ объ умаленіи церковной области. Тогда Пій IX сказалъ имъ: дѣлайте, что вы считаете за лучшее для блага церкви.

Переговоры тянулись еще нѣкоторое время, но безъ всякаго успѣха. Равнымъ образомъ и всѣ позднѣйшія попытки преемниковъ Кавура—прийти къ добровольному соглашенію съ Куріей—испытали ту-же самую судьбу.

Между тѣмъ внутреннее и вѣншее положеніе вещей въ Итальянскомъ королевствѣ вынуждало правительство такъ или иначе положить конецъ борьбѣ, которую вели съ королевствомъ Курія и всѣ враждебныя ему элементы. Въ 1870 г.

наступилъ для Италіи благопріятный моментъ покончить споръ однимъ ударомъ... Итальянскія войска заняли Папскую область и вступили въ Римъ. Это былъ рѣшающій моментъ въ отношеніяхъ враждебныхъ сторонъ. Ранѣе, когда часть папскихъ владѣній, составлявшая въ собственномъ смыслѣ *patri-monium Petri*, находилась еще во власти папы, можно было все-таки надѣяться, что папство въ концѣ-концовъ примирится съ „совершившимся фактомъ“ и не откажется отъ известнаго *modus vivendi*, выработаннаго обѣими сторонами; съ занятіемъ-же Рима и превращеніемъ его въ столицу королевства исчезла всякая надежда на какое-либо соглашеніе. Многіе патриоты считали послѣдній шагъ непоправимой ошибкой.

Перенесеніе столицы Италіи въ Римъ затруднило еще болѣе и безъ того трудное положеніе королевскаго правительства.

И вотъ въ какомъ отношеніи правительство не могло не желать, чтобы папа оставался въ Римѣ. Какъ ни не нравились итальянцы свѣтскую власть въ рукахъ папы, они все-таки желали, чтобы Римъ оставался и впредь центромъ католичества. Если въ періодъ ихъ политическаго безсилія папа являлся для нихъ носителемъ идеи всемірнаго господства, то тѣмъ болѣе теперь, послѣ національнаго возрожденія, они не могли отказаться отъ предмета своей гордости. Къ тому-же итальянцы ничуть не были расположены упустить изъ своихъ рукъ тѣ обильные источники наживы, которые доставляли имъ Римъ въ качествѣ центра католическаго міра. Но теперь, когда оба противника находились на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что обиженной сторонѣ на каждомъ шагѣ давала себя чувствовать потеря власти, столкновенія становились дѣломъ неизбежнымъ,—антагонизмъ двухъ враждебныхъ сторонъ долженъ былъ обостриться до послѣдней степени, угрожая ежеминутно окончательнымъ разрывомъ.

Вскорѣ-же послѣ занятія Рима итальянскими войсками (18 октября) министръ *Visconti-Venosta* издалъ окружной циркуляръ, содержащій торжественныя обѣщанія—предоставить всѣ необходимыя гарантіи въ цѣляхъ огражденія независимости св. отца. Обѣщанія эти, подобно прежнимъ, несмотря на ихъ видимую заманчивость и широту, заключали въ себѣ од-

нако неразрѣшимое противорѣчіе, ибо ставили авторитетъ папы въ зависимость отъ королевскаго правительства, отъ внѣшней власти; между тѣмъ глава церкви, въ глазахъ Куріи, долженъ владѣть собственнымъ, постояннымъ, независимымъ ни отъ какихъ внѣшнихъ условій авторитетомъ. Посему Антонелли въ отвѣтномъ циркулярѣ (отъ 18 ноября) заявилъ, что оккупация Рима есть „une oeuvre de destruction du catholicisme, la négation du principe de l'autorité suprême du Pontife et de la liberté de l'Eglise; une oeuvre qui rend impossible d'elle-même toute conciliation dans le sens entendu et voulu par le gouvernement de Florence“ ¹⁾. Этимъ заявленіемъ исключалась всякая надежда на полюбовное соглашеніе между Ватиканомъ и Квириналомъ. Въ равной степени невозможнымъ представлялось урегулированіе вопроса при посредствѣ иностранныхъ державъ, путемъ соглашенія на почвѣ международнаго договора; Курія ни въ какомъ разѣ не согласилась-бы санкціонировать потерю свѣтской власти папы при помощи обязательнаго интернаціональнаго акта.

Въ виду всего указаннаго итальянскому правительству оставался единственный исходъ для разрѣшенія вопроса, а именно—рѣшеніе его путемъ собственнаго государственнаго узаконенія. Но и тутъ оно поставлено было въ странное въ высшей степени положеніе, какое когда-либо представляла исторія. Предстояло рѣшить вопросъ о положеніи прежняго, развѣнчаннаго государя, который, вопреки обыкновенію, послѣ сверженія продолжалъ оставаться въ сферѣ вліянія своего противника, не будучи однако плѣнникомъ! Мало того, папа ничуть не примирился съ совершившимся фактомъ и не отказался отъ мысли возвратить прежнее положеніе. Напротивъ, онъ возвѣстилъ всему міру, что долгъ и совѣсть возлагаютъ на него священную обязанность—постоянно и всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами противиться учиненному надъ нимъ насилію. И вотъ этому открытому своему

¹⁾ Т. е. „есть дѣло разрушенія католицизма, есть отрицаніе принципа верховной власти Первосвященника и свободы Церкви; оно само собою дѣлаетъ невозможнымъ всякое соглашеніе въ смыслѣ предполагаемомъ и желательномъ для Флорентійскаго правительства“.

врагу, протестующему во всеуслышаніе противъ „грабительства“, итальянское правительство вынуждено было, ради успокоенія католическаго міра, а также въ виду данныхъ имъ прежде обѣщаній, предоставить права, какими еще никогда не пользовалось ни одно лицо, находившееся на государственной территоріи, ни одна корпорація, ни одно учрежденіе,—права принадлежація единственно лишь государственной власти.

За невозможностію предоставленія папѣ дѣйствительныхъ правъ государя (*di sovranità attuale*), предполагающихъ обладаніе извѣстной, хотя-бы самой незначительной территоріей, итальянскому правительству оставалось одно: сохранить за развѣнчаннымъ папой право въ извѣстныхъ случаяхъ пользоваться преимуществами независимаго государя, обходиться съ нимъ какъ съ сувереномъ и тѣмъ самымъ доказать міру, что потеря церковной власти не препятствуетъ св. престолу свободно и безпрепятственно пользоваться своею духовною властію и такимъ образомъ *de facto* опровергнуть завѣренія папы, что будто бы безъ мірской власти онъ не въ состояніи исполнять свои обязанности. Эту тяжелую задачу долженъ былъ разрѣшить законъ 13 мая 1871 г., извѣстный подъ именемъ „закона о конституціонныхъ гарантіяхъ предоставленныхъ Италіей св. престолу и католической церкви“.

Слѣдуя за нашимъ почтеннымъ авторомъ, остановимся на содержаніи этого важнаго законодательнаго акта.

II.

19 § итальянскаго закона о гарантіяхъ гласитъ: „во всѣхъ случаяхъ, относящихся до настоящаго закона (т. е. закона 13 мая 1871 г.), всякое другое обязательное постановленіе теряетъ свою силу, поколику оно противорѣчитъ названному закону“. Такимъ образомъ законъ о гарантіяхъ имѣетъ абсолютное значеніе; усвояемая имъ папству исключительныя права ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ограничены черезъ какія-либо, хотя бы и общепризнанныя, узаконенія. Оно и понятно: не уничтожай этотъ законъ силы обычнаго права, онъ не имѣлъ бы тогда ни смысла, ни цѣли.

Въ силу указаннаго *ratio legis*, а равно въ виду буквального

смысла закона, предоставленныя папѣ права находятся внѣ зависимости отъ личности папы, онѣ даны не Пію IX, а вообще папѣ, каждому намѣстнику римскаго престола. Даже въ томъ, маловѣроятномъ, случаѣ, еслибы личность папы оказалась, вслѣдствіе схизмы, сомнительною,—и тогда законъ 13 мая не теряетъ своего значенія и можетъ быть отмѣненъ лишь до тѣхъ поръ, пока не минуетъ подобный кризисъ. По мнѣнію Гефкена, можно допустить развѣ одно, само собою предполагаемое, ограниченіе въ пользованіи данными въ законѣ привилегіями, а именно: государство гарантируетъ пользование преимуществами, конечно, подъ тѣмъ условіемъ, если резиденція папы находится въ Римѣ или вообще въ королевствѣ; какъ скоро же папа почему-либо покинетъ Италію, то вмѣстѣ съ этимъ теряютъ свою обязательность и всѣ опредѣленія закона, рассчитанныя на пребываніе папы въ Римѣ или въ Италіи.

Законъ о гарантіяхъ распадается на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой (Tit. 1 §§ 1—13) говорится „о прерогативахъ папы и св. престола“, во второй—„объ отношеніяхъ государства къ церкви“.

Для насъ имѣетъ важность лишь первая часть закона, какъ непосредственно относящаяся до папства, тогда какъ вторая въ главныхъ чертахъ повторяетъ только постановленія итальянскаго церковнаго права. Начнемъ наше обзорѣніе закона съ пунктовъ, опредѣляющихъ личныя права папы ¹⁾.

Законъ 13 мая признаетъ личность папы священной и неприкосновенной. Посягательство на нее, или подстрекательство другихъ на подобный поступокъ, равно какъ оскорбленіе и поруганіе ея, подлежатъ тѣмъ-же самымъ наказаніямъ, каковымъ подлежатъ подобныя дѣйствія, направленные противъ личности самого короля. Въ предѣлахъ королевства правительство оказываетъ папѣ почести, свойственныя суверену и сохраняетъ за нимъ преимущество чести, признанное католическими государями. Равнымъ образомъ папа сохраняетъ за собою право имѣть при себѣ прежній контингентъ лейбъ-гвардіи. Мѣстопребываніе папы пользуется правомъ экстерриториальности, ни одинъ королевскій чиновникъ не смѣетъ пере-

¹⁾ Сюда относятся §§ 1—3 и 7.

ступить порогъ его жилища безъ особеннаго на то разрѣшенія самого папы (§ 7).

Сравнивая положеніе папы, созданное закономъ о гарантияхъ, съ прежнимъ, оказывается, что новое положеніе папы въ извѣстныхъ отношеніяхъ независимѣе и безопаснѣе прежняго. Теперь папѣ нѣтъ болѣе нужды опасаться за свою персону, онъ стоитъ внѣ опасности когда-либо оставить Ватиканъ вслѣдствіе возстанія подданныхъ, или по принужденію иностранной державы. Благодаря предоставленнымъ привиллегіямъ папа пользуется въ данномъ случаѣ положеніемъ, ставящимъ его выше всѣхъ другихъ правительствъ: личность папы остается недосягаемой для отмищенія. Итальянское правительство, гарантировавшее неприкосновенность его личности, не можетъ даже въ самомъ крайнемъ случаѣ привлечь его къ отвѣтственности за оскорбленіе власти, или дозволить самому оскорбленному потребовать удовлетворенія на итальянской почвѣ. Прежде иностранная держава всегда имѣла возможность прибѣгнуть къ репрессаліямъ противъ церковной области, нынѣ это сдѣлалось невозможнымъ. Еще и въ другомъ отношеніи папа пользуется въ настоящее время большими преимуществами, чѣмъ независимый государь или даже само итальянское правительство во главѣ съ королемъ Италіи. Именно: всякій иностранный кредиторъ правительства или короля имѣетъ право предъявить искъ государственной казнѣ, или кассѣ государя. Король Италіи хотя и не подлежитъ лично суду, но королевскій судъ пользуется правомъ постановить рѣшеніе объ уплатѣ долга изъ суммъ, ежегодно отпускаемыхъ ему на личные расходы. Наконецъ, ни одинъ параграфъ конституціи не говоритъ о томъ, чтобы резиденція короля не входила въ сферу дѣятельности государственной судебной власти ¹⁾.

Экстерриториальность, о коей говорится въ 7 § закона, не ограничивается принадлежащими папѣ дворцами, но простирается

¹⁾ Конечно, привиллегія, данная папѣ и распространяющаяся на его чиновниковъ, пока они находятся въ предѣлахъ папской резиденціи, имѣетъ въ виду лишь огражденіе полной свободы папы въ сферѣ религіозно-церковной и не даетъ ему права идти противъ международнаго права и государственныхъ законовъ въ дѣлахъ свѣтскихъ.

на всѣ мѣстности, гдѣ проживаетъ папа. Такимъ образомъ какое-бы мѣсто ни угодно было избрать „Ватиканскому пленнику“ для своего мѣстопробыванія въ предѣлахъ Итальянскаго королевства, повсюду не только его личность пользуется правомъ неприкосновенности, но и самое мѣсто жительства дѣлается недоступнымъ, безъ особаго разрѣшенія на то папы, для королевскихъ властей. Такая широкая неподсудность вытекаетъ изъ основнаго принципа закона, имѣющаго своею цѣлью оградить „безусловную независимость“ папы. Не пользуйся онъ ею, тогда положеніе его было-бы хуже положенія акредитованныхъ къ нему лицъ, неподсудныхъ мѣстной судебной власти и владѣющихъ правомъ неприкосновенности у себя дома.

Согласно 6 § закона правительство гарантируетъ полную свободу Конклаву и соборамъ. Мало того, законъ распространяетъ эту привиллегію даже на чиновниковъ, которые являются исполнителями воли папы въ сферѣ религіозно-церковной; они освобождаются отъ всякаго контроля государственной власти и привлеченія къ судебной отвѣтственности (§ 10). Сюда же относится 8 § закона, коимъ воспрещается разслѣдованія и конфискація документовъ, книгъ и регистровъ въ учрежденіяхъ и конгрегаціяхъ съ исключительно церковнымъ кругомъ дѣятельности. Необходимость этого послѣдняго постановленія закона объясняется тѣмъ, что папскія присутственныя учрежденія помѣщаются не въ одномъ Ватиканѣ, но и въ другихъ частяхъ Рима. Такимъ образомъ, пока папскіе чиновники вращаются въ привилегированной сферѣ дѣятельности, они отвѣтственны только предъ своими начальниками, и такъ какъ тѣ и другіе дѣйствуютъ во имя и отъ имени папы, то вмѣшательство свѣтской власти въ ихъ дѣятельность было бы равносильно нарушенію дарованныхъ самому папѣ привилегій. Въ силу сказаннаго кардиналь-секретарь, напр., не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за циркуляръ, въ которомъ онъ подвергаетъ оскорбительной критикѣ извѣстный поступокъ итальянскаго или иностраннаго правительства, направленный противъ папства ¹⁾).

¹⁾ Редакторы клерикальныхъ газетъ не пользуются этой привиллегіей, даже если они завѣдомо вдохновляются Куріей. Такъ издатель и редакторъ (бывшій)

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ опредѣленіи закона, имѣющемъ цѣлью возможно полнѣе и шире гарантировать свободу духовной дѣятельности папы и его органовъ. Помимо указанныхъ нами гарантій законъ заключаетъ въ себѣ еще опредѣленіе, по которому всякое иностранное духовное лицо получаетъ на итальянской территоріи права гражданства (§ 10). Важность этого постановленія видна, между прочимъ, изъ того, что правительство не въ правѣ выдать это лицо иностранному правительству даже въ томъ случаѣ, когда оно обвиняется въ политическомъ преступленіи!

Свобода образованія будущихъ органовъ духовной власти и церкви обезпечены также въ достаточной степени закономъ. Семинаріи, академіи, коллегіи и другіе воспитательные и образовательные институты духовенства какъ въ Римѣ, такъ и въ епископатахъ, поставлены въ исключительную зависимость отъ римскаго престола и освобождены отъ контроля государственной школьной инспекціи.

§ 12 говоритъ исключительно о гарантіяхъ, относящихся до дѣятельности папы внѣ Рима. Папѣ предоставлена полная свобода корреспонденцій съ цѣлымъ католическимъ міромъ. Для этой цѣли онъ имѣетъ право учреждать въ Ватиканѣ, или въ другой своей резиденціи, собственные почтамты и телеграфныя бюро. Папскій почтамтъ корреспондируетъ непосредственно съ заграничными почтовыми учрежденіями или же передаетъ свои письма и пакеты государственному почтамту. Въ обоихъ случаяхъ папская корреспонденція освобождена отъ всякихъ пошлинъ. Папскія телеграммы пользуются преимуществами, усвоенными государственнымъ телеграммамъ.

§§ 4 и 5 содержатъ опредѣленія относительно дотаціи св. престола. Сумма, назначенная на содержаніе папскихъ дворцовъ, коллегій, церковныхъ конгрегацій, секретаріата и дипломатическаго корпуса, въ количествѣ 3.225,000 фр., внесена въ книгу государственныхъ долговъ въ формѣ постоянной и

газеты „Journal de Rome“ за одну статью (помѣщенную въ январѣ 1884 г.), въ которой занятіе Рима названо узурпаціею, приговоренъ былъ судомъ присяжныхъ къ мѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ 500 лиръ.

неизмѣнной ренты на имя св. престола, безусловно свободной отъ налога. Впрочемъ, правительство сдѣлало одно ограниченіе въ пользованіи принадлежащими папскому престолу имуществами и дотаціей, а именно,—оно объявило всѣ находящіяся въ папскихъ дворцахъ и музеяхъ коллекціи, а равно и самыя зданія,—неотчуждаемыми, такъ что папа не имѣетъ права самостоятельно распорядиться ни однимъ манускриптомъ, ни одной статуей въ Ватиканѣ.

Къ важнѣйшимъ привиллегіямъ, предоставленнымъ папѣ закономъ о гарантіяхъ, слѣдуетъ отнести признанное за нимъ право—имѣть при своей особѣ представителей иностранныхъ державъ. При этомъ правительство признаетъ за всѣми аккредитованными при Ватиканѣ представителями иностранныхъ державъ права и привилегіи, которыя усвоятся международнымъ правомъ дипломатическимъ агентамъ. Выборъ лица представленъ въ полнѣйшую зависимость отъ воли папы.

Пользуясь правомъ имѣть при себѣ представителей иностранныхъ державъ, папа въ тоже время сохранилъ и за собою право имѣть собственныхъ представителей при иностранныхъ дворахъ. Вмѣстѣ съ этимъ за папскими легатами и нунціями по прежнему осталось первенство чести (*Vortritt*) на приемахъ и церемоніяхъ, установленное Вѣнскимъ конгрессомъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе закона о гарантіяхъ, поколику онъ опредѣляетъ отношенія итальянскаго правительства къ римскому первосвященнику.

Спрашивается: въ какой мѣрѣ итальянское правительство достигло своей цѣли—при посредствѣ закона 13 мая установить наиболѣе выгодный для обѣихъ сторонъ *modus vivendi*? Рѣшенію этого вопроса г. Гефкенъ посвящаетъ особую главу (§ 6 „примѣненіе закона о гарантіяхъ“), на которой мы теперь и остановимся.

III.

Взглядъ папы Пія IX на законъ о гарантіяхъ яснымъ и опредѣленнымъ образомъ выраженъ въ энцикликѣ отъ 15 мая 1871 г. Здѣсь Пій IX прямо и рѣшительно заявилъ, что онъ не признаетъ и не принимаетъ отъ итальянскаго правительст-

ва никакихъ ручательствъ, никакихъ гарантій, предлагаемыхъ взаимнѣ свѣтской власти, врученной апостольскому престолу Божественнымъ Провидѣніемъ. Римскій папа болѣе не свободенъ, коль скоро онъ не имѣетъ верховной власти и въ политическомъ отношеніи. Самимъ Богомъ ему даровано право давать законы относительно нравственности и религіи; онъ одинъ поставленъ истолкователемъ естественнаго и божественнаго права въ цѣломъ мірѣ. Прерогативы, необходимыя для управленія церковью, папа получилъ, въ лицѣ Ап. Петра, непосредственно отъ Самого Бога, поэтому для него было-бы поворомъ эти права принимать изъ рукъ земныхъ властителей.

Ту-же самую точку зрѣнія на законъ о гарантіяхъ усвоилъ себѣ и настоящій папа Левъ XIII. Надежды итальянцевъ, что болѣе умѣренный папа въ концѣ концовъ примирится съ новымъ положеніемъ, оказались ошибочными. Правда, Левъ XIII во многомъ отличается отъ своего предшественника: это—человѣкъ благоразумный, умѣренный въ словахъ и дѣйствіяхъ; это политическій умъ, онъ уступаетъ, гдѣ можно, или гдѣ представляется выгода. Левъ XIII не рассчитываетъ на переворотъ или на постороннее вмѣшательство: онъ стремится пріобрѣсти симпатіи итальянцевъ посредствомъ учрежденія школъ и дѣлъ благотворительности, стараясь выставить папство не врагомъ, а другомъ Италіи. По этой причинѣ настоящій папа избѣгаетъ ненужныхъ строгостей, каковы отлученія, анаѣма, но довольствуется, въ случаѣ нарушенія его правъ, однимъ протестомъ. Но что касается до принципа свѣтскаго владычества папы, то онъ, подобно Пію IX, заявилъ себя съ самаго начала непоколебимымъ борцомъ противъ „насилія“, учиненнаго папскому престолу чрезъ „похищеніе“ у него свѣтской власти. Разница въ политикѣ Льва XIII по сравненіи съ политикой Пія IX объясняется и обусловливается только различіемъ темпераментовъ: горячность въ охранѣ традиціонной точки зрѣнія смѣнилась теперь расчетанностію и твердостію ¹⁾ Левъ XIII съ достоинствомъ продолжаетъ разыгрывать и роль „Ватикан-

¹⁾ Сравн. J. Münz, Leo XIII (Nord u. Süd, November, 1886); также: ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 № 9 стр. 608 и слѣдующія.

скаго плѣнника“, доселѣ ни разу не переступивъ порога своей тюрьмы. Въ одномъ изъ своихъ посланій (1879 г.) онъ говоритъ, что въ настоящее время Римъ оскверненъ безбожіемъ, вольнодумствомъ и ересями въ такой степени, что папа не можетъ оставить Ватикана, не рискуя на каждой улицѣ и на каждомъ шагу встрѣтить оскорбительные для его достоинства предметы. Впрочемъ, несмотря на всѣ протесты, *de facto* папство пользуется всѣми усвоенными ему закономъ привилегіями, за исключеніемъ ежегодной дотаціи.

Подвергая законъ о гарантіяхъ оцѣнкѣ со стороны его цѣлесообразности, нашъ почтенный авторъ приходитъ къ заключенію, что въ цѣломъ законъ достигаетъ своей цѣли. Большихъ уступокъ въ пользу Куріи итальянское правительство не могло сдѣлать. Неудачнымъ представляется Гефкену лишь способъ дотаціи. Въмѣсто ежегодной ренты, вотивируемой парламентомъ и потому самому несогласной съ достоинствомъ папы, онъ находитъ болѣе разумнымъ проектъ Панталеони, предложенный Кавуру во время переговоровъ 1760 г., имѣвшій въ виду предоставить въ распоряженіе Куріи доходы съ извѣстнаго количества церковныхъ земель. Тогда папѣ въ нравственномъ отношеніи легче было-бы воспользоваться доходами имѣній для религіозныхъ цѣлей. Въмѣстѣ съ этимъ правительство избѣгло-бы конфликта, вызваннаго въ послѣднее время конфискаціей имѣній Пропаганды. Другой вопросъ: въ какой мѣрѣ итальянское правительство соблюдало законъ о гарантіяхъ. По мнѣнію Гефкена, итальянское правительство выказало по отношенію къ Куріи большую терпѣливость; оно спокойно отнеслось къ обвиненіямъ и анаемамъ Пія IX. Но при всемъ томъ оно далеко не всегда исполняло свой долгъ. И прежде всего слѣдуетъ констатировать, что правительство, изъ страха предъ радикальной партіей, слишкомъ снисходительно смотритъ на нарушенія основнаго пункта закона, коимъ папѣ усвояются прерогативы суверенства. Въ силу этого права всѣ оскорбительные отзывы, относящіеся до личности папы, должны караться наравнѣ съ таковыми-же проступками противъ личности короля. Между тѣмъ, и въ радикальной прессѣ, и въ общественныхъ собраніяхъ—личность папы подвер-

гается самымъ циническимъ нападкамъ; правительство-же относится къ этому совершенно равнодушно, какъ будто-бы по отношенію къ папѣ позволительны всякаго рода неприличныя и оскорбительныя выходки.

Еще болѣе важнымъ нарушеніемъ закона представляется автору поруганіе останковъ Пія IX въ ночь съ 13 на 14-е іюля 1881 г. Отобраніе имущества общества Пропаганды и замѣна доходовъ съ нихъ ежегодной рентой, съ лишеніемъ права самостоятельно пользоваться капиталомъ, Гефкенъ находилъ также явнымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ закона о гарантіяхъ. Итальянское правительство, говоритъ онъ, посягнувъ на независимость этой конгрегаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ посягнуло и на свободу необходимыхъ органовъ церковнаго управленія. Кто признаетъ цѣль, тотъ долженъ признать и необходимыя для достиженія этой цѣли средства. Если законъ о гарантіяхъ имѣетъ въ виду оградить независимость духовной власти папства, то нельзя ослаблять (verkümmern) средства, при помощи коихъ оно достигаетъ этой свободы, нельзя ставить папу въ положеніе, которое давало бы ему право жаловаться на вторженіе правительства въ сферу его дѣятельности. Отсюда понятны постоянно повторяющіеся между Ватиканомъ и Квириналомъ конфликты. Результаты ихъ оказались самые невыгодные для итальянскаго правительства. Протесты Льва XIII противъ нарушеній гарантированной правительствомъ римскому престолу свободы въ отправленіи духовныхъ обязанностей находятъ себѣ сочувствіе въ независимой прессѣ. И если иностранныя правительства воздерживаются отъ вмѣшательства въ отношенія папства къ итальянскому правительству, то было бы ошибочно дѣлать отсюда выводъ, что они одобряютъ поведеніе послѣдняго и согласны съ заявленіемъ Манчини, что положеніе папства въ Римѣ составляетъ вопросъ, подлежащій исключительно компетенціи итальянскаго правительства. Законъ о гарантіяхъ представляетъ собою обязательство, въ которомъ заинтересованы всѣ католическія націи. Коль скоро онъ оказывается на практикѣ не удовлетворяющимъ цѣли, то самъ собою можетъ возникнуть вопросъ: правиленъ ли найденный итальянскимъ правительствомъ путь

для установленія известнаго *modus vivendi* съ папой, что въ свою очередь не исключаетъ возможности болѣе серьезныхъ международныхъ усложненій.

Положеніе папства въ Итальянскомъ королевствѣ, созданное закономъ о гарантіяхъ, какъ явствуетъ изъ вышесказаннаго, оказывается въ высшей степени ненормальнымъ. Папство и объединенная Италія являются двумя враждебными силами, обреченными на постоянную борьбу. При этомъ папство пользуется тѣмъ преимуществомъ, что всегда имѣетъ возможность разыгрывать роль жертвы и главнымъ виновникомъ возникающихъ раздоровъ и несогласій выставлать своего противника. Спрашивается: существуетъ ли выходъ изъ этого критическаго положенія? Иначе говоря, представляется ли въ будущемъ возможность болѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о папствѣ? Рѣшеніе этого вопроса предлагается въ послѣдней главѣ первой части брошюры (§ 7: „Будущее положеніе папы“).

Несмотря на важныя недостатки закона о гарантіяхъ и ошибки итальянскаго правительства въ примѣненіи его, нашъ почтенный авторъ сомнѣвается, чтобы возможно было иное, болѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса, чѣмъ то, которое дано въ законѣ о гарантіяхъ. О возстановленіи свѣтской власти папы, по мѣнью Гефкена, не можетъ быть и рѣчи. Уже въ 1870 году свѣтская власть папы представляла собою анахронизмъ, и въ настоящее время ни одно государство не согласится взять на себя роль возстановителя этой власти. Мало того: нынѣ нельзя серьезно говорить даже о предоставленіи папѣ въ исключительное владѣніе одного Рима. Можно, конечно, сомнѣваться въ цѣлесообразности превращенія его въ столицу королевства, но коль скоро это стало фактомъ, ничто уже не въ состояніи измѣнить его (*ruckgängig machen*). Нынѣшній Римъ уже не тотъ, что былъ въ 1870 году; теперь онъ сдѣлался дѣйствительнымъ центромъ объединеннаго королевства. Есть основаніе утверждать, что присутствіе папы въ Римѣ не приноситъ никакой выгоды королевству или даже скорѣе вредитъ ему; тѣмъ не менѣе король теперь уже не можетъ оставить Римъ, не рискуя нанести существенный ущербъ единству

Италіи. Въ свою очередь Левъ XIII, пожалуй, примирился бы съ потерю свѣтской власти и призналъ бы *de facto* объединеніе Италіи, но только подъ тѣмъ неизбѣжнымъ условіемъ, чтобы Римъ предоставленъ былъ въ его исключительное обладаніе. Противоположность интересовъ только въ одномъ этомъ пунктѣ, по мнѣнію Гефкена, уже исключаетъ возможность сгладженія между папствомъ и королевствомъ. Но помимо этого есть еще другія важныя причины, препятствующія примиренію враждебныхъ сторонъ. Такъ, католическій міръ едва ли обнаружилъ бы готовность считать папу по прежнему независимымъ главою католической церкви, какъ скоро онъ вступилъ бы въ союзъ съ королемъ. Въ настоящее время папа долженъ стоять выше всѣхъ національностей, быть космополитомъ, чтобы сохранить единство церкви. Правда, Левъ XIII не разъ заявлялъ, что онъ не врагъ, а благодѣтель Италіи, но интересы Италіи для него стоятъ на второмъ планѣ въ сравненіи съ католическими. И теперь значеніе и вліяніе итальянскаго элемента въ католической церкви значительно ослабло, а въ будущемъ очень вѣроятно, что папскій престолъ займетъ иностранный кардиналъ, такъ какъ съ потерю свѣтской власти нѣтъ никакой особенной нужды настаивать на избраніи на папскій престолъ итальянца!

Какъ ни затруднительно настоящее положеніе папы въ Римѣ, представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы папа добровольно покинулъ когда либо Римъ и избралъ другое мѣстопробываніе. Подобное можетъ случиться, по мнѣнію Гефкена, только развѣ въ случаѣ прямого покушенія на личность папы и его свободу, или въ случаѣ открытаго и преднамѣреннаго нарушенія закона о гарантіяхъ. Но въ виду опасности такого инцидента итальянское правительство, по всей вѣроятности, никогда не позволитъ чего либо подобнаго. Во всякомъ случаѣ перемѣщеніе центра католичества въ другое мѣсто сопряжено съ большими затрудненіями и немалымъ рискомъ для папы. Заявленіе *Osservatore Romano*, что всякое мѣсто, которое папа изберетъ для своего пребыванія, сдѣлается центромъ католическаго міра, *ubi papa, ibi ecclesia*, и что Римъ, съ удаленіемъ папы, лишится своего значенія, несмотря

на свою внушительность, нельзя признать вполне справедливымъ. Конечно, трудно не согласиться съ тѣмъ, что удаленіе папы изъ Рима нанесетъ послѣднему существенный ущербъ какъ со стороны его историческаго значенія, такъ и въ матеріальномъ отношеніи; но съ другой стороны — нельзя допустить, чтобы папа былъ въ состояніи унести „вѣчный городъ“ въ складкахъ своей мантии. Такое старое дерево, какъ папство, невозможно пересадить на другую почву, ибо историческіе корни его неразрывно срослись съ римской почвой. Съ Римомъ связаны всѣ традиціи папства: здѣсь — гробницы Апостола Петра и цѣлаго сонма святыхъ; въ Римѣ — древнѣйшія церкви, мѣстопробываніе сложнаго церковнаго управленія, руководимаго почти исключительно итальянцами. Всѣ кардиналы и прелаты такъ привыкли къ римской мостовой, что съ удаленіемъ папы изъ Рима потеряли-бы подъ собой почву и во всякой иноземной странѣ чувствовали-бы себя изгнанниками. Мальта славится хорошимъ климатомъ, тамъ нѣтъ ни одного владѣтельнаго князя, который могъ-бы оспаривать первенство у папы; народонаселеніе и клиръ — преданные католики, но островъ нельзя признать благоприятнымъ центромъ для католическаго управленія. Притомъ какъ-бы далеко не простиралось гостепріимство Англіи, папа ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы пользоваться здѣсь большими выгодами, чѣмъ какія предоставлены ему закономъ о гарантіяхъ. Благодаря послѣднему папа въ Римѣ, по выраженію Леруа-Болье, *paraît être Daniel sans être mangé par les lions* ¹⁾. Итакъ все говоритъ за то, что папа Левъ XIII-й, или его преемникъ, только въ самомъ крайнемъ случаѣ рѣшится покинуть Ватиканъ. Въ свою очередь итальянское правительство съ своей стороны употребитъ всѣ мѣры, чтобы не довести папу до подобнаго шага.

Конечный выводъ, къ которому приходитъ почтенный авторъ, тотъ, что рѣшенія разсматриваемаго имъ вопроса не существуетъ и не предвидится нормальнаго рѣшенія. Папство и королевство неразрывно связаны съ Римомъ и обречены

¹⁾ Т. е. „представляется Данииломъ, не пожранымъ львами“.

быть вѣчными врагами. Остается только единственный, независимо отъ возможныхъ непредвидѣнныхъ событій, исходъ, наиболѣе благопріятный для обѣихъ сторонъ,—это поддерживать *modus vivendi*, созданный закономъ о гарантіяхъ, избѣгать по возможности нарушеній оваго, по мѣрѣ силъ стараться исправить въ законѣ то, что на опытѣ оказалось несостоятельнымъ и такимъ образомъ не давать антагонизму принять острый характеръ.

Вотъ задача, которую должны имѣть въ виду враждебныя стороны, и отъ рѣшенія коей зависитъ дальнѣйшее международное положеніе папства. —Этими словами Гефкенъ заканчиваетъ главу о будущности папства, а вмѣстѣ съ этимъ и первый отдѣлъ своей брошюры.—Съ своей стороны и мы считаемъ нашу задачу по отношенію къ труду почтеннаго автора выполненною.

Діаконъ П. Думянцевъ.

РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ НѢМЕЦКОЙ ФИЛОСОФІИ ПОСЛѢ ГЕГЕЛЯ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ ЕЯ КЪ РЕЛИГІИ.

(Продолженіе *).

С. Теизмъ правой стороны Гегелианской школы.

Изложенныя нами понятія новѣйшей системы Шеллинга имѣли большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе философіи религіи въ томъ-же направленіи, къ которому принадлежитъ положительная философія Шеллинга, или такъ называемая философія откровенія. Основная мысль этой философіи, именно, предположеніе реального бытія, (т. е. безсознательнаго въ отличіе отъ идеальнаго или духовнаго) въ Богѣ, каковое бытіе служитъ основаніемъ самобытнаго Его существованія и въ то же время представляетъ пунктъ соединенія Его съ міромъ, отселѣ удерживается въ теистическихъ системахъ философскихъ, хотя въ то же время и получаетъ въ нихъ различныя видоизмѣненія. Предположеніе реального бытія въ Богѣ, или природы, какъ основанія духовнаго Его существа, теперь признается единственнымъ способомъ примиренія пантеизма съ теизмомъ. Но вопросъ въ томъ, какъ понимать это реальное бытіе въ Богѣ, или природу существа Божія, въ какое отношеніе оно должно быть поставлено къ идеаль-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 года. № 3.

ной сторонѣ существа Божественнаго? Шеллингъ, отдѣляя реальное бытіе въ Богѣ какъ безсознательное, и потому не божественное, отъ Самого Бога, какъ мы видѣли, запутывается чрезъ то въ противурѣчіяхъ и не рѣшаетъ удовлетворительно своей задачи. Надобно поэтому представлять отношеніе реальнаго бытія въ Богѣ къ идеальному такъ, чтобы можно было изъяснить изъ него происхожденіе конечнаго міра и въ тоже время чтобы оно соотвѣтствовало истинному понятію о Богѣ, какъ существѣ, отъ вѣчности сознательномъ, духовномъ. Такова основная мысль философскихъ теорій о Богѣ и происхожденіи міра, построенныхъ нѣкоторыми изъ послѣдователей Гегеліанской философіи, именно представителями, такъ называемой, правой стороны Гегеліанской школы. Особенности этого направленія опредѣляются отношеніемъ его съ одной стороны, къ Гегеліанской философіи, съ другой—къ изложенной нами системѣ Шеллинга. Мы замѣтили выше, что отвлеченно логическое направленіе, развившееся въ философіи Гегеля въ систему панлогизма (какъ выразился одинъ историкъ философіи), напоминающаго сухой догматизмъ Вольфіанской школы, какъ направленіе исключительное, одностороннее вызвало противъ себя другое направленіе, болѣе жизненное и болѣе благопріятствующее примиренію философствующей мысли съ вѣчными и не преходящими интересами общечеловѣческаго сознанія—направленіе теистическое. Но какъ ни много было силы и жизненности въ первыхъ заявленіяхъ этого направленія, тѣмъ не менѣе оно не могло окончательно разрушить и подорвать авторитетъ противоположнаго ему отвлеченно логическаго направленія какъ уже укоренившася въ философскомъ сознаніи и имѣвшаго за себя исторію философской мысли. Напротивъ, какъ мы уже отчасти показали, оно даже приняло въ себя существенное изъ этого противоположнаго ему направленія и является посему въ постепенномъ своемъ развитіи не просто какъ теистическое направленіе, но какъ направленіе примиряющее и объединяющее въ себѣ пантеизмъ и теизмъ, или по крайней мѣрѣ, стремящееся къ такому примиренію.—Понятно теперь, какимъ образомъ могла явиться

со стороны нѣкоторыхъ послѣдователей Гегеліанской философіи, каковы Гешель (Göschel) и др., попытка доказать, что Гегеліанская философія не только не противурѣчитъ теизму, но даже напротивъ содержитъ въ себѣ теизмъ. Но когда такая попытка оказалась несостоятельною, другіе изъ послѣдователей Гегеля, признавая безспорнымъ пантеистическій характеръ его философіи, поставили задачею своихъ философскихъ теорій—соглашеніе пантеизма ея съ теизмомъ, обоснованнымъ и развитымъ въ позднѣйшей философіи Шеллинга. Отсюда являются въ этихъ теоріяхъ съ одной стороны, признаніе необходимости въ философіи положительнаго, эмпирическаго элемента, предположеніе реальнаго бытія въ Богѣ какъ такого начала, которое даетъ возможность изъяснить происхожденіе міра, согласно съ понятіемъ о бытіи Бога внѣ міра, наконецъ признаніе самосознающей воли въ абсолютномъ,—съ другой—діалектическій методъ Гегеліанской философіи, который могъ имѣть только чисто внѣшнее приложеніе въ такого рода теоріяхъ,—въ чемъ дѣйствительно и упрекали ихъ,—между тѣмъ какъ въ философіи Гегеля онъ съ необходимостію вытекалъ изъ самой сущности основнаго понятія ея и былъ внутреннимъ образомъ связанъ съ нею. Это-то отношеніе правой стороны Гегеліанской школы къ пантеистической философіи Гегеля и къ теизму Шеллинга мы и будемъ имѣть въ виду при изложеніи *теизма* означеннаго направленія философіи, дабы яснѣе представить его и надлежащимъ образомъ оцѣнить.

Фихте младшій и Вейссе.

Отношеніе своей философской теоріи теизма къ системѣ Гегеля Фихте младшій опредѣляетъ такимъ образомъ: феноменология духа, (часть въ системѣ Гегеля и вмѣстѣ введеніе въ нее) говоритъ онъ, оканчивается понятіемъ абсолютнаго знанія, причемъ лишь выражено требованіе такого знанія и показана возможность его. А самое „абсолютное знаніе“, или, что то же, разсмотрѣніе абсолютнаго, въ свѣтѣ собственнаго его понятія—представляетъ полная система философіи.

Но если абсолютному знанію, возможность котораго здѣсь

(въ системѣ Гегеля) отъ начала до конца (ея) предполагается, должна соотвѣтствовать непосредственно объективная реальность, и если эта реальность должна быть опредѣленно обозначена: то очевидно такою реальностію необходимо признать цѣлостъ „всего дѣйствительнаго“, или иначе *идею универса*. Эта идея слѣдовательно и есть то, что служить исходнымъ пунктомъ логики (Гегеля) и само „абсолютное“, которое предполагается логикою Гегеля, въ истинѣ есть только идея универса....

При этомъ мы оставляемъ безъ вниманія то, что логика съ означенной точки зрѣнія на абсолютное, какъ на универсъ, уже не можетъ быть признана (какъ того хотѣлъ Гегель) ученіемъ объ (она-же метафизика) абсолютномъ, „о Богѣ, (по выраженію Гегеля) какъ Онъ существуетъ прежде творенія природы и конечнаго духа“, а есть только ученіе о мірѣ, діалектическое опредѣленіе міровыхъ формъ, имѣющихъ общее значеніе для всѣхъ частныхъ явленій природы и духа;—не обращаемъ на это вниманія, потому что каждая основательная метафизика признаетъ Бога присущимъ міру, такъ что познавая міровыя формы, мы будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ познавать Бога въ какомъ-либо отношеніи. Но для насъ весьма важенъ въ настоящемъ случаѣ вопросъ, можно-ли признать Бога существующимъ только въ мірѣ, слѣдуетъ-ли признать совершенное равенство между Богомъ и міромъ?

Что Богъ, абсолютное, есть не только основаніе, но и вмѣстилище (Inbegriff) всего дѣйствительнаго—этого не можетъ отрицать никакая философія, даже теистическая. И такъ безъ всякаго сомнѣнія можно было-бы назвать Бога вмѣстилищемъ (универсомъ) всего дѣйствительнаго и такое названіе было-бы только аналитическимъ положеніемъ, опредѣленіемъ того, что вообще называется абсолютнымъ и первооснованіемъ. Но по преданію послѣднихъ системъ понятіе универса получило слишкомъ исключительное значеніе: оно обозначаетъ *совокупность нашихъ опытныхъ представленій о мірѣ*. Абсолютное обыкновенно понимается какъ совокупность и единство этой доступной намъ дѣйствительности, и судя по тѣмъ опредѣленіямъ, какія ему усвояются,

это просто общее, идеальное существо земной дѣйствительности. Отсюда разсмотрѣніе идеи абсолютнаго у Гегеля не свободно отъ заблужденія, задерживающаго всякій свободный полетъ мысли; заблужденіе-же это состоитъ въ томъ, что Гегель имѣлъ въ виду показать только—какъ Богъ проявляется въ мірѣ, между тѣмъ какъ слѣдовало, кромѣ того, опираясь на являемости Бога въ мірѣ, показать, что Богъ выше міра, что не въ мірѣ только, но и внѣ міра Онъ существуетъ. Въ идеѣ самого универса должна быть показана необходимость для мысли отрѣшиться отъ него, возвыситься надъ нимъ, дабы, объяснить его существованіе. Идею универса необходимо разсматривать съ точки зрѣнія абсолютнаго, дабы сама она могла быть понятою такъ, какъ она есть. А потому и самое абсолютное уже не слѣдуетъ разумѣть только какъ міровую дѣйствительность или универсъ въ смыслѣ послѣдней философіи, но притомъ еще и какъ бытіе потустороннее въ отношеніи къ данной для насъ дѣйствительности, которое не менѣе дѣйствительно, не менѣе заключается въ идеѣ, универса, какъ и посюсторонняя, подлежащая намъ дѣйствительность“ ¹⁾. Діалектическое построеніе такого перехода философствующей мысли отъ дѣйствительности, посюсторонней къ бытію потустороннему, или-же отъ разсмотрѣнія существованія Бога въ мірѣ къ понятію о Немъ, какъ существѣ превышающемъ міръ, составляетъ задачу и содержаніе метафизики Фихте младшаго. Понятіе о Богѣ, какъ существѣ личномъ и премірномъ, выводится у него изъ разсмотрѣнія міра и такимъ образомъ утверждается на основаніи опыта.

Вотъ сущность его понятій о Богѣ и происхожденіи отъ Него міра.

Фихте пытается развить идею Бога изъ понятія о мірѣ, т. е. показать, что правильное и полное понятіе о мірѣ само по себѣ обнаруживаетъ недостаточность идеи абсолютнаго, понимаемаго въ смыслѣ пантеистическомъ, и заставляетъ насъ признать бытіе существа премірнаго, существую-

¹⁾ Beitragé zur charakteristik der neueren Philosophie. I. H. Fichte.

щаго чрезъ себя самого и не отъ чего независимаго. Онъ говоритъ, что на существующій конечный міръ должно смотрѣть какъ на осуществленную систему цѣлей. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ значеніи цѣли всегда является то, что образовалось потомъ, что впоследствии произошло, а не существующее первоначально, словомъ—цѣль является въ концѣ, а не въ началѣ процесса происхожденія данной вещи, почему и называется *конечною* причиною. Поэтому міръ, какъ система цѣлей, получившая осуществленіе, не можетъ быть существующимъ самъ по себѣ. Осуществленная цѣль—это мысль получившая реальность. Слѣдовательно, долженъ быть разумъ полагающій цѣли, которыя реализуются въ мірѣ, т. е. прежде своего осуществленія цѣли существуютъ какъ идеальный универсъ, вѣчно полагаемый Богомъ въ Самомъ Себѣ, какъ первообразный міръ субстанціональностей, которыя пребываютъ въ состояніи абсолютнаго единства въ Богѣ, потому что этотъ первообразный міръ мысли въ Богѣ есть собственно реальная, расчлененная на степени и потенціи природа Самого Бога, въ которой Онъ владѣетъ Своею вѣчною дѣйствительностію. Она, эта природа, служитъ для Бога условіемъ абсолютнаго Его самопознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть реальное основаніе, источникъ жизни въ конечномъ мірѣ, отображающемъ идеальный міръ Божій, ибо сотвореніе этого конечнаго міра состояло въ расторженіи первоначальнаго единства того первообразнаго универса, который пребываетъ въ Богѣ и въ сообщеніи самостоятельнаго существованія вѣчнымъ субстанціальностямъ его. Высочайшею цѣлью творенія было то, чтобы отъ вѣчности соединенныя въ Богѣ индивидуальности получили свободу и самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность достигать снова единства съ Богомъ, но уже свободнаго и сознательнаго единства (въ любви). Чрезъ постепенное осуществленіе этой цѣли міра дѣятельность творческая переходитъ въ промыслительную, состоящую въ томъ, что Богъ уже не только опредѣляетъ цѣль міра, но также предупреждаетъ уклоненія отъ нея, разстройство и исправляетъ ихъ, а наконецъ, согласуя частное съ общимъ чрезъ совер-

шеніе спасенія міра,—которое есть не что иное, какъ постепенное проникновеніе конечнаго духа Божественнымъ, достигающее въ вочеловѣченіи Бога своей высшей степени,—осуществляетъ абсолютную цѣль его.

Какое преимущество имѣютъ эти понятія о Богѣ и происхожденіи отъ Него міра, сравнительно съ воззрѣніями Шеллинга—это показываетъ самъ Фихте въ своей критикѣ этихъ воззрѣній, причемъ выясняется также собственное его ученіе.

Въ основу ученія о сотвореніи, говоритъ онъ, должна быть положена мысль о вѣчномъ первообразѣ міра въ Богѣ. И такую мысль мы находимъ у Шеллинга. Но онъ не показываетъ, на какомъ основаніи онъ признаетъ въ Богѣ міръ идей, или первообразъ существующаго міра. Для насъ это представленіе вытекаетъ изъ діалектики понятія цѣли, которое реализуется повсюду въ мірѣ, какъ основной фактъ. Система цѣлей, которая осуществляется въ каждомъ актѣ творенія и сохраненія міра, сама по себѣ и потому необходимо приводитъ къ тому предположенію, что должно быть высочайшее существо, которое и производитъ ихъ и притомъ такъ, что полагаемая имъ цѣли существуютъ какъ въ немъ самомъ, такъ и внѣ его—въ мірѣ осуществляются. Каждый актъ творенія, и въ цѣломъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, есть *положеніе цѣли*, при которомъ каждая отдѣльная цѣль сообразуется съ цѣлымъ, равно какъ и цѣлое сохраняется и направляется соотвѣтственно частнымъ цѣлямъ. Невозможно, слѣдовательно, предполагать въ Богѣ „безсознательное бытіе“, или „слѣпое дѣйствіе“. Не только главная цѣль, но и частнѣйшая, высочайшая, какъ и второстепенныя цѣли универса, были-бы въ такомъ случаѣ невозможны. И если Шеллингъ говоритъ, что первоначально безсознательное дѣйствіе основнаго бытія въ Богѣ, въ дальнѣйшемъ творествѣ разума было преобѣждено представленіемъ цѣли міра, между тѣмъ какъ міръ основаніе своего бытія получилъ только въ безсознательномъ бытіи въ Богѣ: то это соображеніе, очевидно, не измѣняетъ сущности дѣла. Въ каждомъ существѣ міра присутствующая и

вмѣстѣ съ нимъ реализирующаяся цѣль неотдѣлима отъ самаго основанія, на которомъ утверждается бытіе міра, есть самое это основаніе, почему и нельзя представлять это основаніе какъ такое слѣпое неразумное бытіе, къ которому послѣдующая дѣйствительность, осуществляющая цѣли, какъ-бы присоединяется. Такое раздѣленіе основанія существованія міра отъ міровой дѣйствительности было-бы рѣшительнымъ дуализмомъ, который отрицается цѣлымъ строемъ самой философіи Шеллинга. Такимъ образомъ даже тотъ актъ творенія, которымъ сообщается твари относительная самостоятельность внѣ Бога, долженъ быть интеллектуальнымъ. Ученіе о „безсознательномъ бытіи въ Богѣ“, съ какимъ-бы ограниченіемъ ни было удерживаемо, неизбѣжно должно оказаться въ противорѣчьи съ понятіемъ абсолютнаго, потому что абсолютное, которое въ каждомъ отдѣльномъ актѣ творенія созерцаетъ и знаетъ всю полноту цѣлей, равно какъ и каждую въ отдѣльности, одну подлѣ другой, не можетъ быть безсознательно дѣйствующимъ, или существующимъ въ какой-либо части своего бытія. Съ понятіемъ абсолютнаго, какъ полагающаго цѣли,—а принять это понятіе вынуждаетъ насъ дѣйствительность,—вполнѣ непримирима мысль о безсознательно дѣятельномъ въ немъ разумѣ. Наоборотъ: безсознательно осуществляющее свою цѣль, слѣпо разумное дѣйствование не совмѣстимо съ понятіемъ бытія, которое само чрезъ себя существуетъ, съ понятіемъ безусловности бытія, и духъ природы, поелику онъ открывается только въ безсознательной мудрости дѣйствованія, не есть поэтому абсолютный духъ Бога. То, что мы называемъ природою, не можетъ быть признано ни въ какомъ разумномъ и основательномъ смыслѣ существующимъ въ Богѣ, какъ Его природа или какъ условіе Его существованія и личности; она (природа) есть поэтому не искони существующее, а произведенное послѣдующее бытіе, такъ, какъ темное основаніе ея существованія обладаетъ только безсознательною мудростію.

Наконецъ, мы имѣемъ теперь рѣшительное основаніе для метафизическаго доказательства существованія въ божественномъ самосозерцаніи міра идей, который есть не что иное

какъ субъективное существо въ Богѣ. Между тѣмъ такого доказательства недостаетъ у Шеллинга. Что въ универсѣ относительныя цѣли, какъ и абсолютная цѣль, соотвѣтствуютъ тѣмъ средствамъ, которыми онѣ осуществляются, или точнѣе, заключены въ самихъ этихъ средствахъ, какъ дѣйствующія въ нихъ и чрезъ нихъ достигающія осуществленія силы, что вообще всѣ многообразныя вещи, данныя въ пространствѣ и времени, подчинены цѣлямъ, которыя въ нихъ реализируются: это первое и первоначальное чудо бытія въ послѣдней инстанціи можетъ быть изъяснено только тѣмъ предположеніемъ, что міръ первообразно находится въ духѣ Творца,—что вѣчно совершенный (vollendet) онъ пребываетъ въ господствующемъ надъ временемъ и пространствомъ само-совершаніи Бога, которое проникаетъ собственную Его безконечность, реальную сторону Его и объемлетъ ее въ свѣтѣ самосознанія. Если въ Богѣ нѣтъ тьмы, то вѣрно въ мірѣ осуществляются цѣли. Но эта система цѣлей во всей своей полнотѣ должна быть созерцаема Богомъ, какъ идеальный универсъ; ибо какимъ образомъ возможно было-бы иначе единство при раздѣльности въ формахъ пространства и времени вещей и дѣйствій, осуществляющихъ цѣли? И такъ постепенно, но съ непреодолимою необходимостію послѣдовательность мышленія, діалектическое развитіе ведетъ насъ отъ непосредственныхъ универсальныхъ фактовъ къ высшему, изъясняющему ихъ основанію въ Богѣ, изъ котораго теперь въ нисходящемъ порядкѣ даются положенія для новой метафизически обоснованной теоріи творенія.

Далѣе мы встрѣчаемъ у Шеллинга понятіе воли, какъ начала посредствующаго между основнымъ бытіемъ въ Богѣ и происшедшимъ изъ Него міромъ.—Эту волю онъ опредѣляетъ какъ бессознательное возбужденіе образовательной дѣятельности, весьма близкой къ дѣятельности разсудка, который, въ послѣдствіи присоединяясь къ ней, преобразуетъ это слѣпое возбужденіе въ свободную, сознательную волю. Но и это представленіе бессознательной воли неумѣстно относительно абсолютнаго. Такое представленіе есть только отвлеченіе понятія воли, перенесеннаго отъ сотворенной фор-

мы ея на абсолютное. Въ сотворенномъ бытіи воля есть первоначально общее возбужденіе самочувствія (Selbstseins) и производительности, по отношенію къ которому (такъ какъ послѣдовательность, развитіе, раздѣленіе моментовъ необходимая принадлежность конечнаго) разумность и сознаніе суть позднѣйшая и высшая форма обнаруженія ея.

Но подобное безсознательное возбужденіе воли въ Богѣ невозможно, потому что нѣтъ въ Немъ никакого иного условія Ея бытія, кромѣ Ея Самого. Богъ есть просто непосредственно то, чѣмъ Онъ можетъ быть; возможность бытія въ Немъ вполне и непосредственно переходитъ въ бытіе или, лучше сказать, совпадаетъ съ нимъ. Таковъ истинный смыслъ того положенія, что Богъ имѣетъ основаніе Своего бытія въ Себѣ Самомъ. Такъ какъ только Самъ Богъ есть основаніе для Самого Себя и только Онъ можетъ быть безусловнымъ: то и нѣтъ причины предполагать въ Немъ безсознательную волю и представлять разумность вторымъ позднѣйшимъ моментомъ ея. Актъ Ея саморожденія есть безъ сомнѣнія актъ совершенно и вѣчно ясный, несомнѣнно чисто духовный, происходящій во свѣтѣ самосозерцанія, такъ какъ вообще въ Богѣ возможна только разумная, слѣдовательно, самосознающая сила. И въ самомъ дѣлѣ, неизбежно одно изъ двухъ: или принять абстрактную точку зрѣнія пантеистическаго представленія о Богѣ, или-же вмѣстѣ съ принятіемъ высшаго (теистическаго) принципа устранить всякую нерѣшительность, неполноту въ немъ.

Еще менѣе можетъ быть допущено безсознательное дѣйствіе при твореніи міра, въ значеніи основоположенія и перваго момента творческой дѣятельности, потому что только всесовершенный, полный Богъ мыслимъ какъ Творецъ, иначе пантеизмъ былъ-бы неизбеженъ. Посему и въ этомъ случаѣ Шеллингъ оказывается непослѣдовательнымъ. Въ твореніи міра онъ видитъ безсознательное дѣйствіе и однакоже называетъ такое дѣйствіе волею Бога, не смотря на то, что воля понятна только какъ сознательное разумное осуществленіе мыслимаго. Мышленіе переходитъ въ хотѣніе или опредѣляетъ себя въ дѣйствію, но не наоборотъ, потому что даже

въ абстрактномъ смыслѣ воля означаетъ превращеніе мышленія въ реальную силу; воля есть таинственная и однакожь ясно сознаваемая человѣкомъ сила—истинная посредница между идеализмомъ и реализмомъ—которая, истинно творчески „изъ ничего“, подобно волшебнику, данное только въ первообразной идеальности превращаетъ въ самостоятельное существованіе.

Въ волѣ и притомъ абсолютной, неподлежащей никакому предварительному развитію, заключается для насъ начало, разрѣшающее загадку существованія міра. Но загадка эта остается не разрѣшенной, если на мѣсто разумной воли предположимъ волю слѣпую: То, что составляетъ предметъ воли, только чрезъ нее выступаетъ изъ идеальной замкнутости въ мышленіи и переходитъ въ дѣйствительность; теперь сдѣлавшееся чрезъ волю дѣйствительнымъ существуетъ открыто, является объективнымъ, потому что дѣйствіемъ воли предметъ этого дѣйствія получаетъ свободу и неотмѣнимую независимость отъ самаго волящаго существа; второй актъ воли можетъ уничтожить первый, или ограничить его, но никакое всемогущество не въ состояніи возвратить того, что приведено первымъ актомъ воли въ дѣйствительность (разъ сдѣланнаго не воротить). Этотъ первый актъ воли уже вступилъ въ связь съ общимъ порядкомъ существующаго и безъ нарушенія этого порядка—что невозможно—уже не можетъ быть отмѣненъ и снова обращенъ въ прежнее состояніе субъективности. Такая объективная неотмѣнимость вещей, получившихъ бытіе вслѣдствіе хотѣнія или акта воли, есть независимое отъ Самого Бога основаніе ихъ существованія, „въ то же время есть начало ихъ собственнаго бытія, насколько Богъ продолжаетъ хотѣть ихъ. Но это продолженіе хотѣнія, относящагося къ частному отдѣльному бытію, неотдѣлимо отъ универсальнаго рѣшенія божественной воли, по которому она хочетъ цѣлаго, (самаго творенія); слѣдовательно, продолженіе и дальнѣйшее развитіе каждой отдѣльной вещи имѣетъ свою гарантію въ системѣ цѣлаго“.

Такимъ образомъ, какъ существо сознательно полагающее цѣли, притомъ безусловно сознательное существо, Богъ

не имѣеть въ Себѣ ничего темнаго. Шеллингъ предполагаетъ въ Богѣ бытіе бессознательное потому, что въ порядкѣ и устройствѣ сотвореннаго міра темное, несовершенное вездѣ является первоначальнымъ основополагающимъ. Всякая жизнь возбуждается противоположностями, каковы свѣтъ и тьма, духовное, или свободное, и бессознательное. Но не должно переносить этотъ первообразъ раскрытія вещей сотворенныхъ на абсолютное. Метафизическое изслѣдованіе этого понятія (бессознательнаго бытія или природы) учить, и мы это доказали, что природа, какъ бессознательно дѣйствующая мудрость, не можетъ существовать въ Богѣ. Если-бы даже предположеніе слѣподѣйствующей воли въ Богѣ способствовало изъяснить то, что начало творенія является несовершеннымъ, что все сотворенное выходитъ изъ состоянія тьмы и постепенно развивается: то, безъ сомнѣнія, и тогда было-бы основательнѣе признать, что это явленіе въ сотворенномъ мірѣ вообще пока остается непонятнымъ, потому что мысль о бессознательной волѣ въ Богѣ, хотя-бы и достигала своей цѣли, сама по себѣ ведетъ ко многимъ противорѣчіямъ. Но мы не можемъ не сознаться, что ничѣмъ нельзя оправдать указанное нами перенесеніе понятій, заимствованныхъ отъ сотворенно условнаго, на безусловное. Скорѣе слѣдуетъ допустить обратное заключеніе, что, поелику все условное, по причинѣ своей условности, необходимо подлежитъ процессу происхожденія и постепеннаго развитія, то характеръ безусловности заключаетъ въ себѣ абсолютную полноту и слѣдовательно безначальность.

Но не представляется-ли съ нашей точки зрѣнія Богъ сухимъ, безжизненнымъ (потому что съ понятіемъ жизни соединяется понятіе развитія) абстрактомъ, напоминающимъ старое понятіе догматической философіи о Богѣ, какъ реальнѣйшемъ существѣ, между тѣмъ какъ освобожденіе философіи отъ этого понятія Шеллингъ признаетъ своею заслугою? Сомнѣніе это на счетъ жизненности выраженнаго у Фихте понятія о Богѣ устраняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что, напротивъ, у него Богъ именно признается живымъ единствомъ реальнаго и идеальнаго бытія.

Такъ какъ Фихте младшій заключаетъ отъ универса, какъ реализированной системы разума, какъ бытія идеальнаго, имѣющаго однакожъ въ основаніи своемъ реальное, то отсюда, съ цѣлью изъяснить бытіе міра въ этомъ смыслѣ, выводится у него такое понятіе о Богѣ, по которому должно мыслить въ Богѣ двѣ стороны; именно: *реальную* безконечность его бытія и абсолютно *идеальное* (главнымъ образомъ состоящее въ самосознающемъ духѣ) единство: обѣ эти стороны соединены въ Богѣ и пребываютъ одна въ другой; обѣ раскрываются въ троичности діалектическихъ моментовъ слѣдующимъ образомъ:

Въ реально объективной сторонѣ существа Божественнаго должно различать: 1) еще не раскрывшееся, чуждое противоположностей первооснованіе въ Богѣ, на которомъ все держится; 2) божественный реальный универсъ, заключающій въ себѣ безконечную полную силу, потенцій, такъ какъ только Богъ, который содержитъ въ Себѣ совокупность различныхъ основныхъ силъ, можетъ быть творцемъ этого эмпирическаго временно-пространственнаго универса; 3) надъ разностями и потенціями означеннаго универса господствующее и свободно дѣйствующее посредствомъ потенцій конкретное единство. Въ идеально субъективной сторонѣ (безъ которой познанныя уже нами единство и троичность Бога не были бы проникнуты сознаниемъ) опять различаются соотвѣтствующіе указаннымъ слѣдующіе три момента: 1) вѣчно равное, еще непосредственное тождество *первосубъекта*, соотвѣтствующее указанному выше реальному первооснованію; 2) божественный идеальный универсъ, въ которомъ реальная безконечная полнота силъ въ Богѣ (природа) становится *объектомъ* божественнаго самосозерцанія; 3) наконецъ всеобъемлющее единство полнаго, совершеннаго (erfüllt) самосознанія. Указанныя двѣ стороны Божественнаго существа, проникая одна другую, соединяются въ области стоящей выше всего необходимаго (übernothwendigen), области, гдѣ господствуетъ воля или любовь божественная, при чемъ воля, какъ все объединяющее начало въ Богѣ, должна быть представляема не въ видѣ отдѣльныхъ актовъ, но какъ единое суб-

станціональное начало, которому свойственно самоопредѣленіе. Воля божественная всецѣло объемлетъ духъ человѣчскій и возбуждаетъ въ немъ любовь, которая въ насъ возможна только потому, что она существуетъ въ Богѣ какъ все проникающая сила, равно какъ и сознаниемъ человѣкъ обладаетъ лишь потому, что первѣе всего оно въ Богѣ существуетъ. Въ открытыхъ тайнахъ любви, въ томъ, что признается нами высочайшимъ, личнымъ, наиболѣе свободнымъ, необходимымъ, въ чемъ, слѣдовательно, натуральная и духовная, потенціи нашего существа внутреннѣйшимъ образомъ соединяются, проникая одна другую,—во всемъ этомъ открывается и всего болѣе дѣлается понятнымъ существо божественнаго, внутренняго тріединства, а также основа творенія міра и самооткровенія въ мірѣ Божества.

Такимъ образомъ Фихте младшій исключаетъ изъ понятія о Богѣ представленія бытія темнаго, безсознательнаго, а чрезъ то въ ученіи своемъ о Богѣ устраняетъ тѣ трудности и противорѣчія, которыя, какъ мы видѣли, для Шеллинга оказались неизбѣжными вслѣдствіе допущенія имъ такого бытія въ Богѣ. Въ Богѣ, такова мысль Фихте, реальное бытіе, или то, что называется природою въ Немъ, пребываетъ не внѣ идеальнаго, которое есть область самосознанія Божественнаго, но тѣснѣйшимъ образомъ соединено съ нимъ и проникнуто имъ, такъ что Богъ есть существо всецѣло самосознательное. А какъ скоро въ Богѣ ничего нѣтъ темнаго и безсознательнаго, то и твореніе міра могло совершиться только какъ сознательное дѣло Его свободной воли, или любви, причемъ и относительная самостоятельность существованія міра имѣетъ свое основаніе въ томъ, что онъ произошелъ по свободной волѣ Божіей. Итакъ, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ Богѣ бытіе безсознательное ради того, чтобы объяснить раздѣльность существованія міра и бытія Бога. Но здѣсь представляется вопросъ, имѣетъ-ли однако достаточное для себя основаніе ученіе Фихте о Богѣ? Безспорно, система цѣлей, осуществляющихся въ мірѣ, ведетъ къ заключенію о Богѣ, какъ о существѣ самосознательно сущемъ и дѣйствующемъ, но затѣмъ, что

такое Богъ въ существѣ Своемъ и какъ происходитъ изъ Него міръ,—разрѣшить эти вопросы едва-ли было-бы возможно, если-бы мы не имѣли данныхъ опытомъ понятій, разрѣшающихъ эти вопросы. Если опытъ слѣдуетъ признать исходнымъ пунктомъ и основаніемъ для философскаго ученія о Богѣ и объ отношеніи Его къ міру, (чего именно требуетъ Фихте), то не только опытъ универсальный, но главнымъ образомъ частный, личный опытъ, каковъ и есть на самомъ дѣлѣ опытъ религіозный. Здѣсь, въ этомъ опытѣ, именно въ условіяхъ его мы имѣемъ данныя для разъясненія понятій о Богѣ и мірѣ, такъ что, по руководству этого опыта, мы можемъ, съ одной стороны, достигнуть примиренія теизма съ пантеизмомъ, съ другой—изъяснить спекулятивный смыслъ христіанскихъ основныхъ понятій и такимъ образомъ согласить христіанство съ общими понятіями о религіи. Такова точка зрѣнія философіи религіи *Вейссе*.

И. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

Формальныя начала и субъективныя условія нравственности *).

I.

Обоснованіе формальной нравственности составляет самую серьезную часть кантовской философіи; но въ этой части надобно отличать начала чисто формальныя отъ извѣстнаго числа началъ другого рода, которыя Кантъ присоединилъ въ первымъ, пытаясь согласить свой практическій догматизмъ съ спекулятивнымъ скептицизмомъ. Фуйлье справедливо упрекаетъ его въ смѣшеніи разнородныхъ началъ, которое привело его къ двойной погрѣшности, къ нарушенію требованій логики и къ удаленію отъ предположенной цѣли; потому что это смѣшеніе рѣшительно не

*) Изъ „Revue Philosophique de la France et de l'Étranger“. Article: Les principes formels et les conditions subjectives de la moralité. Février, 1885 г.

Для большаго уясненія главнаго вопроса предлагаемой статьи, припомнимъ основныя положенія Кантовскаго ученія о нравственности. Извѣстно, что, по ученію Канта, всѣ наши познанія, въ историческомъ ходѣ своего развитія, начинаются, но не исчерпываются и не завершаются опытомъ; что независимо отъ опыта, въ нашемъ разумѣ существуютъ начала и законы, врожденные ему; и что всѣ познанія приобрѣтаются нами двойнымъ путемъ: изъ врожденныхъ началъ разума (аріогі) и изъ опыта (аростериогі). Существенное свойство первыхъ есть *всеобщность и необходимость*, а вторыхъ—*частность и случайность*. Это же основное положеніе своей философіи, Кантъ примѣняетъ и къ ученію о нравственности. Онъ доказываетъ, что нравственной природѣ человеческой *врождены* начала и законы нравственной дѣятельности. Совокуп-

устранило противорѣчія между двумя „критиками“ (т. е. „критикою чистаго разума“ и „критикою практическаго разума“). Формальная нравственность, какъ ее понимаетъ Кантъ, есть законъ общій для всѣхъ волей. Итакъ она независима отъ частныхъ условій, среди которыхъ всегда проявляется собственно воля человѣческая; ей нѣтъ дѣла, судя по ея сущности, до человѣческаго различія „феномена“ отъ „ноумена“, предположивши даже, что это различіе имѣетъ свое основаніе; она должна оказаться въ состояніи вывести себя всецѣло изъ самаго опредѣленія воли, на подобіе того какъ геомет-

ность этихъ началъ и законовъ Кантъ называетъ *практическимъ разумомъ*, какъ совокупность началъ и законовъ познавательныхъ силъ духа называетъ *теоретическимъ разумомъ*. По его ученію, практическій разумъ не есть какая-либо особенная сила нашего духа, но есть какъ-бы видъ одного общаго родоваго разума, сознающій непосредственно нравственный законъ и требующій безусловности, единства и всеобщности добродѣтели во всѣхъ частныхъ случаяхъ дѣятельности. Онъ непосредственно сознаетъ и изъ себя самого износить безусловныя, всеобщія и неизмѣнныя правила дѣятельности во внѣшній міръ. Изъ какого-же основнаго начала должны быть выводимы всѣ эти правила? Гдѣ скрывается ихъ первоначальный корень? Въ волѣ человѣческой. Она есть единственный источникъ всѣхъ нравственныхъ началъ. Но въ этой волѣ надобно различать двѣ стихіи—чистую свободу и эмпирическую, или чувственную волю. Кантъ излагаетъ сначала (въ *аналитикѣ* практическаго разума) ученіе о чистой свободѣ, потомъ характеризуетъ эмпирическую или чувственную волю, и наконецъ изъ взаимнаго отношенія между ними устанавливаетъ всеобщія начала нравственности. Основною стихіею нравственной дѣятельности, по его ученію, служить для насъ свобода нашей воли; но въ этой свободной волѣ намъ даруется только *форма* нашихъ дѣйствій, сущность которой состоитъ въ требованіи, чтобы во всѣхъ нашихъ поступкахъ воля опредѣляла себя къ дѣятельности независимо отъ всякаго внѣшняго, сторонняго побужденія или мотива, а единственно вслѣдствіе присущаго ей разума и свободы. Такая воля 1) *автономна* (самозаконна), потому что исключительно въ себѣ самой находитъ побужденіе къ такой или иной дѣятельности; 2) *категорически императивна* (непреложно повелительна), потому что обязываетъ насъ безусловнымъ требованіямъ, независимо отъ какихъ-либо случайныхъ, или стороннихъ побужденій и мотивовъ. Что-же касается *эмпирической воли*, которая доставляетъ намъ *матерію* для нашей дѣятельности, то она заключаетъ въ себѣ многоразличныя влеченія и требованія нашей природы, при существованіи которыхъ наша свобода должна проявлять себя такъ, или иначе, вслѣдствіе неразрывной связи чистой свободы съ нашею тѣлесною жизнію, и цѣлаго существа нашего съ внѣшнимъ міромъ. Эмпирическая воля не имѣетъ свободы, отличается частнымъ характеромъ, связана внѣшними побужденіями и владѣетъ только произвольностію выбора изъ многихъ побужденій

рическія теоремы выводятся изъ опредѣленія фигуръ, къ которымъ они относятся ¹⁾. Безъ сомнѣнія, можно спрашивать, при какихъ условіяхъ формальная нравственность можетъ стать нравственностію практическою для человѣка, можетъ стать закономъ жизни дѣйствительнымъ и конкретнымъ какъ для индивидуальныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ обществъ; но рассматриваемая въ себѣ самой, формальная нравственность рѣшительно не зависитъ отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса, подобно тому какъ чистая математика, рѣши-

наиболѣе пригоднаго. Такимъ образомъ, по ученію Канта, нравственныя начала слагаются изъ двухъ стихій: изъ *формы*, создаваемой свободой, и *матеріи*, доставляемой эмпирическою волею. Но чтобы нравственное начало было истиннымъ, или верховнымъ, для этого требуется не только то, чтобы чистая свобода, какъ форма, наполнена была матеріею, но еще и то, чтобы эмпирическая матерія не возмущала чистой формы, была свободна отъ какого-либо стѣсненія или ограниченія, и возвышалась на степень всеобщности и необходимости. Кантъ выразилъ это верховное начало нравственности въ слѣдующихъ словахъ: *поступай такъ, чтобы правило твоей воли могло быть всеобщимъ закономъ*. Читатель видитъ, что это верховное начало нравственности, не говоря о его догматичности, слишкомъ отвлеченно, отличается чисто формальнымъ характеромъ и можетъ подпадать разнообразнымъ субъективнымъ перетолкованіямъ; оно не указываетъ намъ правилъ, которыми надобно руководствоваться при наполненіи формы матеріею, свободы—эмпирическимъ содержаніемъ, чтобы предохранить наши поступки отъ ограниченности и возвысить ихъ на степень всеобщности. Правда Кантъ пытался указать эти правила въ законахъ природы. *Законъ природы*, по его ученію, есть средній, связующій свободу и эмпирическую волю терминъ. Если предпринимаемое нами дѣйствіе, мысленно представленное нами всеобщимъ началомъ дѣятельности, совершается какъ-бы по нѣкоторому физическому закону и ведетъ къ упроченію или осуществленію всеобщаго блага жизни; то ему надобно усвоить характеръ свободы, всеобщности и нравственности; напротивъ, если оно ведетъ къ разстройству жизни и сопровождается нарушеніемъ законовъ природы, то оно безнравственно. Но вопросъ собственно и состоитъ въ томъ, какими именно соображеніями надобно руководствоваться при опредѣленіи этого закона природы? Какія субъективныя условія должны быть приняты нами во вниманіе при осуществленіи формальныхъ началъ Кантовской нравственности въ практической жизни? Кантъ оставилъ безъ надлежащаго разсмотрѣнія эти вопросы, т. е. не подвергалъ обсужденію субъективныхъ условій при установленіи формальныхъ началъ нравственности. На эту-то сторону дѣла и обращаетъ свое вниманіе авторъ предлагаемой нами переводной статьи.—*Примѣчаніе переводчика.*

¹⁾ Исслѣдованіе о Кантовской нравственности занимаетъ самое большое мѣсто въ *Critique des systémes de morale contemporains*, Paris, Germer Bailliere, 1883.

тельно не зависитъ отъ такого или иного приложенія ея въ наукахъ-ли опытныхъ, или въ механическихъ искусствахъ. Кантъ въ своей „критикѣ практическаго разума“ не обратилъ вниманія на вопросъ о переходѣ отъ идеальнаго порядка къ порядку реальному, каковой вопросъ занимаетъ столь выдающееся мѣсто въ его „критикѣ чистаго разума“, или точнѣе онъ поспѣшилъ предположить, не указывая однако-же никакого основанія, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ, въ смыслѣ догматическомъ, собравши въ своемъ первомъ сочиненіи вѣскія доказательства для рѣшенія его въ смыслѣ скептическомъ. Противорѣчіе очевидное, и мы не хотимъ ни скрывать, ни ослаблять его; но повторяемъ, оно нисколько не уничтожаетъ значенія формальныхъ началъ Кантовской нравственности.

Фуйлье признаетъ, что ученіе о формальной нравственности „логично и даже есть сама чистая логика“; но онъ присовокупляетъ, что „тѣмъ не менѣе чистый формализмъ трудно допустить, когда не хотятъ повиноваться долгу ради одного повиновенія, и не хотятъ благоговѣть предъ закономъ ради одного благоговѣнія, не принимая во вниманіе происхожденія этого закона, его цѣли и внутренней силы“. Въ этихъ словахъ ясно сказывается смѣшеніе формальной нравственности и формализма. Формальная нравственность есть совокупность понятій, которыя, съ точки зрѣнія спекулятивной, въ себѣ самихъ почерпаютъ всю свою силу и которыя, съ точки зрѣнія практической, примѣняются къ жизни дѣйствительной въ той мѣрѣ, въ какой сама уже жизнь дѣйствительная является сообразною съ ними. Она представляетъ, въ этихъ двухъ отношеніяхъ, полную аналогію съ науками математическими. Формализмъ же есть только неумѣренное примѣненіе къ жизни нравственности формальной. Онъ выражается притязаніемъ свести къ отвлеченнымъ формуламъ факты жизни дѣйствительной, не принимая во вниманіе условій ихъ существованія и сложности ихъ элементовъ. Можно злоупотреблять формулами математическими, какъ и формулами нравственными; но злоупотребленіе въ обоихъ случаяхъ ничего не говоритъ какъ противъ теоретическаго значенія (силы), такъ и противъ практическаго значенія формальныхъ началъ.

Формальныя начала имѣютъ въ наукахъ математическихъ много преимуществъ, какихъ не находятъ въ нравственности. Математическія формулы связываются съ фигурами или знаками, которые легко закрѣпляютъ ихъ въ умѣ. Онѣ выражаются словесными опредѣленіями, недопускающими никакого двусмыслія. Онѣ подтверждаются постояннымъ опытомъ и возможность примѣненія ихъ къ фактамъ реального порядка не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Формальныя же понятія нравственности не имѣютъ спеціальныхъ знаковъ для своего обозначенія. Онѣ заимствуютъ изъ общеупотребительнаго языка слова мало опредѣленныя, которыя принимаютъ самое разнообразное значеніе и которыя всегда могутъ имѣть различный смыслъ. Наконецъ, онѣ не могутъ ссылаться въ подтвержденіе свое на опытъ, потому что онѣ оправдываются не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что должно быть. Онѣ могутъ только вопрошать опытъ объ условіяхъ, при которыхъ онѣ становятся допустимыми въ практическомъ примѣненіи и могутъ находить лишь непрямое подтвержденіе въ своемъ согласіи, если не съ поступками людей, то по крайней мѣрѣ, съ общепринятыми нравственными идеями.

Эти невыгодныя обстоятельства формальныхъ началъ въ нравственности не могутъ конечно служить причиною ихъ отверженія; но они дѣлаютъ необходимымъ болѣе ясное и точное опредѣленіе характеристическихъ особенностей, которыя, во всѣхъ родахъ познаній, свойственны тѣмъ или другимъ началамъ.

Формальныя начала суть отвлеченныя идеи; но они не обнимаютъ собою всѣхъ отвлеченныхъ идей; они содержатъ въ себѣ только тѣ идеи, которыя могутъ быть поняты независимо отъ всѣхъ условій существованія ихъ предметовъ. Свойства геометрическія и свойства физическія тѣлъ равно составляютъ предметъ отвлеченныхъ идей; но только первыя свойства составляютъ предметъ идей формальныхъ. Я составляю себѣ совершенно ясную идею о линіяхъ, о поверхностяхъ, о плотностяхъ, и я могу съ строгою послѣдовательностію вывести изъ ихъ опредѣленій всѣ свойства ихъ, не имѣя надобности принимать во вниманіе необходимыя условія для ихъ матеріальнаго реализированія. Напротивъ того, я не могу точно понять

тяжести, теплоты, цвѣта—иначе, какъ только въ тѣлахъ дѣйствительно существующихъ и при двойномъ условіи: существованія объективныхъ причинъ, необходимыхъ для ихъ произведенія, и субъективныхъ причинъ, необходимыхъ для ихъ пониманія.

Формальные начала суть идеальные понятія; но формальный идеаль не заключаетъ въ себѣ всего того, что выражаетъ слово идеаль. При опытахъ элементарной физики представляютъ типъ паровой машины самымъ простымъ способомъ, то есть представляютъ его подъ видомъ поршня, двигающагося въ цилиндрѣ, котораго двѣ поверхности попеременно подвергаются дѣйствию напора паровъ. Вотъ формальный идеаль, но онъ не есть полный идеаль паровой машины. Идеаль, въ своемъ высшемъ значеніи, есть высочайшая степень совершенства, какая только возможна для всякаго предмета. Онъ предполагаетъ глубокое обдумываніе всѣхъ средствъ для его осуществленія, всѣхъ условій его выполненія, и всѣхъ препятствій, которыя должны быть устранены при этомъ, онъ развивается съ прогрессомъ наукъ, промышленности и искусствъ, онъ служитъ для нихъ основаніемъ ихъ движенія.

Наконецъ формальные начала суть абсолютныя понятія; но названіе абсолютныхъ понятій должно быть усвояемо имъ въ значеніи самомъ простомъ и наименѣе спорномъ. Они рѣшительно не зависятъ отъ метафизическаго абсолютнаго; они выражаютъ только логическое абсолютное, т. е. суть такія понятія, которымъ противоположныя представляются намъ не только невозможными, но и невысказанными. Таковы понятія математическія; таковы должны быть и формальные начала нравственности.

II.

Сдѣлавши эти необходимыя разъясненія, теперь мы можемъ уже заимствовать изъ ученія Канта все то, что въ собственномъ и исключительномъ смыслѣ относится къ формальной нравственности. Формальная нравственность, какою ее старался обосновать Кантъ, говоря кратко, вся содержится въ идеѣ свободной воли.

Свободная воля въ одно и тоже время есть и ея законъ, и

самый объектъ ея закона, и законодатель устанавливающій этотъ законъ.

Законъ, заключающійся въ идеѣ свободной воли, есть законъ разума. Онъ не зависитъ ни отъ какихъ эмпирическихъ движеній, съ которыми воля можетъ соединяться и освободить отъ которыхъ есть совершенная и востоящая задача ея свободы. Онъ абсолютно понимается въ себѣ самомъ какъ законъ необходимый и всеобщій: необходимый, потому единственно, что не зависитъ ни отъ какого эмпирическаго опредѣленія; всеобщій, потому что идея свободной воли тождественна у всѣхъ существъ, одаренныхъ волею и разумомъ.

Свободная воля хочетъ только себя самое, и въ собственномъ и прямомъ смыслѣ можетъ хотѣть только себя самое. Она хочетъ другихъ предметовъ лишь настолько, насколько они согласны съ нею и помогаютъ ей реализовать себя. Она хочетъ себя въ индивидуумѣ, который осуществляетъ ее, и она хочетъ себя этимъ самымъ во всякомъ другомъ индивидуумѣ разумномъ и свободномъ, потому что она повсюду тождественна съ самой собою. Итакъ она необходимо и среди всѣхъ разумныхъ существъ служить своимъ собственнымъ объектомъ.

Свободная воля, желая себя самое, налагаетъ на себя самое свой собственный законъ съ силою обязательнаго приказанія. Она есть самый корень всякаго обязательства, непосредственное начало *категорическаго императива* или *дома*. Будучи законодательницею всѣхъ и каждаго въ частности, только она одна можетъ реализовать два условія соединенныя съ идеею обязательства, то есть необходимость и свободу; необходимость, заключающуюся въ самой идеѣ приказанія, налагаемаго на волю; свободу, заключающуюся въ принятіи и исполненіи этого приказанія.

Выраженная въ этихъ словахъ, указывающихъ на ея сущность, и освобожденная отъ всѣхъ частныхъ мыслей, предназначенныхъ для ея уясненія и очень часто лишь затемняющихъ ее, — формальная нравственность Канта можетъ показаться еще очень странною и далекою отъ общепринятыхъ идей о ней. Самыя сильныя возраженія не пощадили ее при самомъ первоначальномъ появленіи ея и возобновлены съ боль-

шою логическою силою Фуйлье. Эти возраженія большею частію проистекають почти изъ неизбѣжнаго смѣшенія понятій при разсужденіи о нравственныхъ предметахъ, отъ каковаго смѣшенія и самъ Кантъ не всегда умѣлъ предохранить себя при существованіи различныхъ значеній слова *свобода*. Чтобы хорошо понять эту теорію, надобно исключительно держаться одного значенія, именно того, которое самъ авторъ „Основаній метафизики нравовъ“ выразилъ въ слѣдующихъ краткихъ опредѣленіяхъ: „Свобода воли есть автономія, т. е. она обладаетъ такимъ свойствомъ, по которому является сама для себя закономъ“ ¹⁾. „Воля, у которой законодательною формою правилъ можетъ служить лишь законъ, есть свободная воля“ ²⁾.

Такова идея, составленная Кантомъ, о той свободной волѣ, въ которой онъ надѣялся найти самое основное начало обязанностей, которымъ воля подчиняется. Для избѣжанія всѣхъ недоразумѣній мы оставимъ слово *свобода* и сохранимъ только выраженіе *автономная воля*.

Очевидно, что идея автономной воли можетъ имѣть мѣсто въ теоріи совершенно формальной; потому что только въ формальной теоріи подобная воля не встрѣчаетъ никакого противорѣчія. Единственный вопросъ, который она можетъ возбуждать, состоитъ въ примѣненіи ея къ жизни дѣйствительной, въ практическомъ распоряженіи человѣческими поступками. Конечно, мы не обладаемъ, да Кантъ и не думалъ усвоить намъ совершенно автономную волю. Подобная воля не подвергалась-бы никакой борьбѣ, не побѣждала бы никакихъ препятствій, и слѣдовательно не принимала бы и не налагала бы на себя повелѣній и обязанностей. Автономія, о которой идетъ дѣло какъ въ формальной теоріи обязательности, такъ и въ практическомъ примѣненіи ея, есть автономія несовершенная и неравномѣрная. Она предполагаетъ постоянную раздвоенность воли, противоположеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ воли повелѣвающей, въ отношеніи къ воли то сопроти-

¹⁾ „Основанія метафизики нравовъ“, французскій пер. Вагні, pag 79.

²⁾ „Критика пракческаго разума“, тоже французскій переводъ Вагні, pag. 171.—Подъ законодательною формою правилъ Кантъ разумѣетъ ихъ всеобщность.

вляющейся, то повинующейся, да и самое повиновеніе второй никогда не совершается безъ попытокъ сопротивленія болѣе или менѣе постоянныхъ. Поэтому сознаніе обыкновеннаго человека, какъ и философа, безъ всякаго труда признаетъ въ себѣ слѣдующее раздвоеніе воли:

„О, Боже мой! Что за жестокая борьба такая!
 Мнѣ кажется, въ моей груди живутъ два человека:
 Одинъ велитъ, дабы любовь къ Тебѣ я сохраняя
 Имѣлъ-бы сердце вѣрное, покорное на вѣки;
 Другой противится Твоимъ божественнымъ велѣніямъ,
 И жаждетъ возмутить къ Тебѣ повиновенье“ ¹⁾.

При чтеніи этихъ стиховъ Расина, каждый скажетъ, вмѣстѣ съ Людовикомъ XIV: „Вотъ два человека, съ которыми я хорошо знакомъ!“ Мы чувствуемъ въ себѣ двоякую волю: но можемъ ли признать въ волѣ повелѣвающей, въ волѣ налагающей на насъ долгъ автономію Кантовской теоріи? Два человека Расина и святого Павла равно находятся предъ лицомъ воли внѣшней, воли божественной, которой одинъ человекъ хочетъ повиноваться и противъ которой другой возстаетъ; но первый столько-же какъ и второй заявляетъ притязаніе на автономію своей воли. Пусть человекъ не заявляетъ этого открыто, но онъ утверждаетъ это скрыто даже своимъ свободнымъ желаніемъ повиновенія Богу, составляющимъ въ сущности законъ его собственной воли, которому воля подчиняется. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ нашихъ нравственныхъ сужденіяхъ мы признаемъ себя господами самихъ себя настолько, насколько поступаемъ согласно съ долгомъ, и зависимыми настолько, насколько поступаемъ подъ вліяніемъ страсти. Самое обыкновенное наше извиненіе, когда „добрыя расположенія“ у насъ оказываются безсильными, состоитъ въ ссылкѣ на увлеченіе страстью и разнаго рода случайными искуше-

¹⁾ Mon Dieu, quelle guerre cruelle
 Je trouve deux hommes en moi:
 L'un veut que plein d'amour pour toi
 Mon coeur te soit toujours fidèle;
 L'autre, à tes volontés rebelle,
 Se révolte contre ta loi!

ніями, возстающими противъ долга. Мы хотимъ сами вѣрить и хотимъ увѣрить другихъ, что не въ нашей власти было поступить иначе. Такимъ образомъ, нравственный поступокъ, мы представляемъ себѣ, какъ доказательство нашей силы и нашей независимости, которыхъ у насъ въ данномъ случаѣ не было. Иногда даже мы совершенно перемѣняемъ точку зрѣнія, мы признаемъ ненужнымъ извиненіе, хотимъ оправдать себя, признаемъ наше поведеніе одобрительнымъ и употребляемъ всѣ усилія софистической морали, чтобы представить наше безнравственное дѣйствіе побѣдою, дѣяніемъ независимымъ. Такимъ образомъ, мы всегда полагаемъ подлинную сущность нравственной воли въ обладаніи самими собою, въ автономіи.

Мы признаемъ также нравственную волю въ той характеристической чертѣ, въ которой Кантъ полагаетъ ея первое нравственное правило: воля, повелѣвающая нами, налагающая на насъ долгъ, есть воля всеобщая. Она хочетъ одного и того-же долга въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ, и продолжаетъ хотѣть этого въ отношеніи къ другимъ, когда даже не имѣетъ сама по себѣ достаточно силы хотѣть рѣшительно и побѣдоносно. Итакъ единственно потому, что она есть воля всеобщая, эта воля поставляетъ себя превыше всѣхъ разнообразныхъ и частныхъ движеній, которыми люди могутъ увлекаться; она признаетъ своимъ закономъ только законъ общій для всѣхъ волей, т. е. законъ независимости и автономіи.

Наконецъ надобно замѣтить, что характеръ абсолютной независимости, усвояемый нами нравственному закону, существуетъ только въ законѣ формальномъ. А формальный законъ воли, необходимо исключаящій всякое внѣшнее вліяніе, можетъ реализироваться только при ея собственной автономіи. Итакъ въ борьбѣ противоположныхъ волей, обнимающей собою всю нашу нравственную жизнь, приказаніе принадлежитъ волѣ автономной, волѣ стремящейся быть госпожею себя самой, или, въ другихъ выраженіяхъ, желающей имѣть въ себѣ самой свой собственный законъ.

Таково оправданіе теоріи Канта съ точки зрѣнія практической, и съ точки зрѣнія спекулятивной. Нравственное обяза-

тельство существуетъ для воли лишь постольку, поскольку она сама себѣ приказываетъ сохранять законъ всеобщій, который состоитъ въ реализированіи идеала автономіи.

III.

Теорія, наиболѣе распространенная въ наши дни, признаетъ идею обязательства лишь наслѣдственнымъ впечатлѣніемъ, сохраняющимся въ насъ отъ прежнихъ приказаній, которыя власть домашняя и власти социальныя во всѣ времена соединяли съ извѣстными дѣйствіями, вынужденными отъ нашихъ предковъ. Теперь мы не можемъ уже представить себѣ этихъ дѣйствій, не признавая ихъ въ нѣкоторомъ родѣ заповѣданными намъ и не приписывая имъ обязательнаго характера. Итакъ начала нравственной обязательности надобно искать въ прошедшихъ временахъ человѣчества, въ традиціяхъ, которыя способствовали превращенію неопредѣленнаго ряда частныхъ дѣйствій, болѣе или менѣе произвольныхъ, въ обязательныя. Эта теорія очевидно старается доказать и оправдать всеобщую иллюзію; потому что соединенныя воли всѣхъ нашихъ предковъ имѣютъ не болѣе власти надъ нами, какъ и воли нашихъ современниковъ. Когда же разсвѣтается эта иллюзія, то вмѣстѣ съ этимъ уничтожится и самая теорія, которая на ней основана. „Эти наслѣдственныя идеи и эти созерцанія, не соответствующія ничему дѣйствительному, какъ очень хорошо говоритъ Гюйзо, не имѣютъ ничего, что отличало-бы ихъ отъ извѣстныхъ общенародныхъ галлюцинацій; они подчинены однимъ и тѣмъ-же законамъ; какъ для уничтоженія галлюцинацій, такъ и для разсвѣтленія этихъ созерцаній достаточно яснаго сознанія, что они суть простыя иллюзіи. А этого яснаго сознанія не приобрѣту-ли я въ тотъ моментъ, когда нѣкоторымъ образомъ буду вполне убѣжденъ въ истинности проповѣдуемой вами теоріи? Но освободусь-ли я тогда отъ всего того, что такъ похоже на внутреннюю боль, на внутреннее принужденіе, и внутреннее обязательство, въ какомъ-бы видѣ вы всего этого ни представляли?“ ¹⁾ Въ са-

¹⁾ См. его *La Morale anglaise contemporaine*, page 329. Недавно Гюйзо издалъ въ свѣтъ новое сочиненіе о нравственности, столько-же истори-

момъ дѣлѣ, нравственная обязательность исчезнетъ въ тотъ моментъ, когда ее признаютъ наслѣдственной иллюзіею, и теорія, которая старается объяснить ее подобнымъ образомъ, приводитъ къ совершенному уничтоженію ея. Власть преданій, безъ сомнѣнія, оказываетъ очень большое вліяніе на развитіе идей нравственныхъ; но это вліяніе, какъ-бы ни представляли его обширнымъ, всегда является второстепеннымъ въ отношеніи къ основѣ нравственности прирожденной и неизмѣнной, которую не можетъ устанавливать никакое преданіе.

Многіе ученые люди думаютъ находить основаніе нравственности въ связи способностей, составляющихъ собою нашу высшую природу, природу истинно гуманнаго человѣка. Этой доктрины держится въ наше время спиритуалистическая французская школа. Никакая другая доктрина не рѣшаетъ съ такою ясностію вопросовъ, относящихся къ предмету нравственности; но у насъ дѣло идетъ еще о первомъ принципѣ, изъ котораго вытекаетъ обязательность. Этотъ первый принципъ можетъ-ли всецѣло состояться изъ смѣшенія дѣятельности способностей различнаго рода? Допустить это положеніе, значитъ подчинить нравственность слишкомъ тонкой психологіи, которой теоріи

ческаго, какъ и догматическаго характера, въ которомъ, отказываясь отъ объясненія обязательности, онъ рѣшился уничтожить ее, стараясь подыскать для ней „эквивалентъ“. Его „Очеркъ нравственности безъ обязательности и санкціи“, какъ и все, что написано этимъ молодымъ философомъ, есть произведеніе остроумное и выдающееся, гдѣ взгляды глубокіе и оригинальные перемѣшаны съ очень неприятными парадоксами. Но чего особенно не достаетъ въ этомъ сочиненіи, такъ это самой нравственности. Самъ авторъ не обманывается въ этомъ отношеніи. Онъ признаетъ, что его „замѣна“ нравственности не можетъ быть названа нравственною. Онъ старается только построить себя, какъ выражается самъ, „маленькій домикъ у подножія Вавилонской башни“ и въ этомъ домикѣ желаетъ быть только „жителемъ“, собирателемъ положительныхъ фактовъ, предоставляя трудъ „сѣянія“ другимъ людямъ, которые, выходя „съ пустыми руками, съ глазами устремленными лишь на будущую жатву, бросаютъ на вѣтеръ настоящее, извѣстное, чтобы собрать въ будущемъ то, чего они не знаютъ и что хотятъ собрать“. Онъ-же ищетъ только реальнаго, къ которому всѣ стремятся, и отвращается отъ идеальнаго и желательнаго лишь въ будущемъ. Но нравственность всецѣло состоитъ въ томъ, что *желательнаго въ будущемъ, въ идеалѣ, т. е. въ томъ, что должно быть, а не въ томъ, что есть*; самая богатая жатва фактовъ, по весьма справедливому выраженію Фуйлье, дастъ только „физику нравовъ“.

всегда будутъ оспариваемы философами и во всякомъ случаѣ очень мало доступными для народа. Сверхъ того, о какихъ способностяхъ говорятъ въ данномъ случаѣ? Говорятъ-ли о способностяхъ дѣйствительно существующихъ, или о способностяхъ идеальныхъ? Способности дѣйствительно существующія, въ природѣ человѣческой высшей и низшей, равнообразятся сообразно съ индивидуальными особенностями каждаго. Законъ, выведенный на основаніи подобныхъ способностей, не могъ бы претендовать на всеобщность. Одни лишь способности идеальныя могутъ быть понимаемы подъ формою всеобщности; но какимъ образомъ повелѣніе, т. е. дѣйствіе внѣшнее, дѣйствіе категорическое могло бы стать идеальнымъ, т. е. стать принадлежностію разума, не обладая самостоятельнымъ существованіемъ внѣ духа, который его понимаетъ? Надобно было-бы, вмѣстѣ съ платониками, возвратиться къ высочайшему началу, въ которомъ пребываютъ и реализируются всѣ идеи; надобно было-бы возвратиться къ теоріи божественнаго повелѣнія. Божественное повелѣніе, во всей совокупности нравственнаго ученія, конечно должно занимать законное мѣсто; но не какъ научное начало отпращенія, а какъ увѣнчаніе этого ученія. Религіозная метафизика не можетъ служить основаніемъ нравственности, не уничтожая всей ея независимости; она можетъ доставить нравственности лишь новый и болѣе сильный авторитетъ, но подъ условіемъ, чтобы самъ этотъ авторитетъ былъ уясненъ и какъ-бы оживотворенъ ученіемъ о нравственности. Что-же касается идеала, разсматриваемаго въ себѣ самомъ, въ отвлеченіи, то хотя каждый признаетъ его всеобщимъ, но въ сущности каждый имѣетъ свой идеалъ сообразно съ степенью образованности и развитіемъ своего духа. Каждый народъ, каждая эпоха тоже имѣетъ свой идеалъ. Прогрессъ идеала есть достовѣрнѣйшій признакъ прогресса цивилизаціи. Нравственность имѣетъ дѣйствительно предметомъ этотъ прогрессъ и ему присущій идеалъ. Но не въ этомъ идеалѣ она можетъ находить свое первое начало (принципъ).

Первымъ началомъ (принципомъ) нравственности можетъ быть не идеалъ усовершенствѣнный, а идеалъ формальный, идеалъ, такъ сказать, голый, пониманіе и реализируваніе котораго было-бы

независимымъ отъ всѣхъ условій, столь сложныхъ и столь перемѣнчивыхъ, которымъ подчинена природа человѣческая во всей совокупности своихъ элементовъ и въ своемъ движеніи къ развитію, несмотря на различныя состоянія жизни индивидуальной и жизни родовой. Одна только автономная воля представляется съ подобнымъ характеромъ. Независимая, по самому опредѣленію своему, отъ всякихъ внѣшнихъ расчетовъ, она требуетъ для пониманія ея только отвлеченнаго усилія, и прежде даже чѣмъ мы составляемъ о ней идею ясную и раздѣльную, она реализуется въ болѣе или менѣе чистой формѣ во всякомъ актѣ добродѣтели. Никакое начало не можетъ быть выше ея, потому что она служитъ типомъ всѣхъ разумныхъ волей въ человѣчествѣ, и внѣ или превыше человѣчества. Повсюду, гдѣ она реализуется, она обнаруживается согласіемъ воли частной со всѣми другими волями, которыя можно признавать обладающими или стремящимися къ обладанію своею полною автономіею. Она тождественна съ самою идеальною волею, которая доступна пониманію только подъ самою высокою и самою совершенною формою независимости. Повелѣнія, которыя она даетъ себѣ самой, выражаютъ требованія законовъ всеобщихъ. Съ другой стороны, понужденіе, которое она употребляетъ въ отношеніи къ себѣ самой, не есть принужденіе ввѣшнее и тиранническое, потому что, когда она подчиняется закону общеобязательному для всѣхъ волей, то этимъ самымъ подчиняется закону признанному, принятому и желаемому ею самою. Въ автономной волѣ совершенно точно можно примѣнить тоже, что говоритъ Декартъ о „свободѣ добровольнаго избранія (franc arbitre), которую я, какъ выражался онъ, сознаю въ себѣ въ столь сильной степени, что не знаю никакой другой идеи столько-же обширной; такъ что только она преимущественно увѣряетъ меня въ томъ, что я ношу въ себѣ образъ и подобіе Божіе; ибо хотя она существуетъ въ Богѣ несравненно въ большей степени, чѣмъ во мнѣ, по причинѣ ли вѣдѣнія и могущества, соединенныхъ съ нею и дѣлающихъ ее болѣе крѣпкою и дѣйственною у Божества, чѣмъ во мнѣ, или по причинѣ предмета желанія, обнимающаго и простирающагося на безконечно

большое число вещей; тѣмъ не менѣе она не представляется мнѣ болѣе величественною, когда я рассматриваю ее формально и собственно въ ней самой¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло идетъ о волѣ рассматриваемой въ себѣ самой, въ своей собственной и формальной сущности. Надобно сдѣлать нѣкоторое усиленіе рефлексіи и анализа, чтобы удалить элементы всякаго рода, входящіе во всѣ ея дѣйствія, какъ составныя части; когда она открывается простому сознанію; и хотя трудно съ точностію опредѣлить, что собственно при этомъ принадлежитъ ей самой, но нѣтъ надобности быть глубокимъ и тонкимъ философомъ, чтобы признать ея существованіе и чтобы усвоить ей свою долю нравственной отвѣтственности. Отвѣтственность же, въ смыслѣ слова общепринятомъ, равно какъ и философскомъ, предполагаетъ повелѣніе, т. е. дѣятельность воли; эта отвѣтственность принимаетъ нравственный характеръ лишь тогда, когда повелѣніе, изъ котораго она проистекаетъ, одновременно усвоится разумомъ и волею отвѣтственнаго дѣятеля.

Въ самомъ дѣлѣ, не ради крайне утонченнаго различенія способностей души; мы допускаемъ участіе воли на ряду съ разумомъ въ дѣлѣ принятія нравственнаго повелѣнія. Психологическій опытъ уже давно доказалъ ложность Сократовской аксіомы, слишкомъ поспѣшно повторенной Декартомъ, что будто бы достаточно хорошо мыслить, чтобы хорошо поступать. Воля имѣетъ свои недостатки; она имѣетъ свои болѣзни, которыя недавно глубоко изслѣдованы Рибо. И если мы не можемъ согласиться со всеми выводами этого изслѣдованія, то мы признаемъ очевидность фактовъ, лежащихъ въ основаніи его выводовъ. А въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ, приводимыхъ этимъ выдающимся психологомъ, мы не можемъ не видѣть обнаруженія здравомыслія и ясности разума, соединенныхъ съ безсиліемъ воли: „Ваши совѣты превосходны, говоритъ на примѣръ у него одинъ выдающійся чиновникъ, и ведутъ къ предположенной цѣли; я хотѣлъ бы слѣдовать этимъ совѣтамъ, я ими убѣжденъ; но сдѣлайте такъ, чтобы я могъ хотѣть

¹⁾ Quatrième meditation.

этого тѣмъ желаніемъ, которое рѣшаетъ и приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе“ ¹⁾). Здѣсь нельзя не замѣтить различія столь ясно понятой болѣзни двухъ актовъ воли, рѣшенія и исполненія. Рѣшеніе, это повелѣніе, даваемое волею себѣ самой. Пока исполненіе еще не послѣдовало, два рѣшенія, два повелѣнія могутъ существовать одновременно и продолжать между собою болѣе или менѣе сильную борьбу. Я хочу и я не хочу. Я хочу предметовъ противоположныхъ и совершенно несогласныхъ между собою, какъ обыкновенно говорятъ. Я хочу вообще исполнять мой долгъ и сохранить свое благосостояніе, тѣмъ не менѣе различныя частныя желанія вторгаются въ мою душу, противорѣчатъ моему благосостоянію и моему долгу. Въ этой борьбѣ рѣшеній отвѣтственность можетъ проявляться въ нормальныхъ условіяхъ; но она не существуетъ уже, какъ-бы ни былъ разумъ здравомысленъ, когда воля больна, когда она не можетъ давать себѣ никакого повелѣнія, не можетъ предписывать никакого долга. Чиновникъ Эскироля и Рибо очевидно не подлежатъ отвѣтственности, не говоримъ за свои дѣйствія, но и за свою недѣятельность. Другія воли равнымъ образомъ больны, когда подчиняются непреодолимому вліянію, могутъ терять волевою автономію, хотя и не теряютъ совершенно всей воли. Они не являются инертными, какъ въ предшествовавшемъ случаѣ, но они тоже бываютъ неотвѣтственными. Наконецъ, не обнаруживаясь какимъ-либо глубокимъ извращеніемъ, воля у различныхъ индивидуумовъ имѣетъ различныя степени силы и твердости, не всегда соответствующія аналогическимъ степенямъ разума; тоже надобно сказать и о различныхъ степеняхъ отвѣтственности. Въ слабой волѣ обыкновенно хвалятъ и легкое волевое усиліе, которое надобно было-бы признавать недостаткомъ въ волѣ героической. Воля автономная, рассматриваемая въ своей чистой формѣ, всегда тождественна сама съ собою, но среди индивидуумовъ, у которыхъ она реализуется, она можетъ присутствовать или отсутствовать, и когда присутствуетъ, можетъ

¹⁾ См. его „Maladies de la volonté“, рад. 39. Этотъ случай приведенъ на основаніи сочиненій Эскироля.

проявляться съ большею или меньшею силою энергіи; при своемъ отсутствіи; она не даетъ мѣста никакой отвѣтственности; а при своемъ присутствіи, она порождаетъ отвѣтственность пропорціональную съ степенью энергіи.

Начало автономной воли оправдываетъ правило современныхъ просвѣщенныхъ людей обсуждать поступки по находимымъ въ нихъ слѣдамъ созвѣтельности и разумности, а не по сообразности съ всеобщими и единообразно принятыми правилами. Нравственному дѣйствию даетъ подлинное значеніе не сообразность его съ извѣстнымъ типомъ цивилизаціи, мудрости и справедливости, но добрая воля виновника поступка, соотвѣтственно съ степенью культуры интеллектуальной и нравственной, до которыхъ онъ въ состояніи былъ возвыситься. Универсальная форма добродѣтели, при своихъ разнообразныхъ и часто самыхъ противоположныхъ обнаруженіяхъ, состоитъ въ освобожденіи воли отъ всякаго внѣшняго и внутренняго закрѣпощенія и въ достиженіи господства надъ собою. Нравственное обязательство начинается тогда, когда приказываютъ себѣ извѣстныя дѣйствія не волею капризною, подчиненною такой или иной страсти, но волею разумною, стремящеюся управлять собою сообразно съ правилами всеобщими, съ которыми всякая разумная воля равнымъ образомъ должна сообразовать свое собственное управленіе. Наконецъ, нравственное обязательство въ собственномъ смыслѣ осуществлено въ каждомъ дѣйстви, которое стремится реализовать это свободное управленіе воли чрезъ нее самое, хотя-бы въ примѣненіи средствъ при реализированіи и могла быть допущена нѣкоторая ошибка.

IV.

Противники рациональной нравственности съ особеннымъ удовольствіемъ указываютъ на примѣры поступковъ безнравственныхъ и даже дѣяній позорныхъ, совершаемыхъ или случающихся въ средѣ людей необразованныхъ и дивихъ, и притомъ съ полною ясностію сознанія. Многія изъ этихъ дѣяній виновникамъ ихъ представляются подъ формою долга, а нѣкоторыя требуютъ даже своего рода героизма. Но всѣ подобныя примѣры, вмѣсто того, чтобы колебать теорію формаль-

наго долга, только оправдываютъ ее; потому что они показываютъ повсюду, даже у народовъ совершенно чуждыхъ всякой цивилизаціи и при самомъ чудовищномъ извращеніи нравственныхъ идей, обнаруженіе и признаніе за нравственнымъ дѣяніемъ побѣды сильной и господствующей въ себѣ воли надъ всѣми внутренними и внѣшними препятствіями, возстающими противъ того, что воля признаетъ своею строгою обязанностію. Одинъ туземецъ Австраліи, рассказываетъ Дарвинъ, признавалъ себя обязаннымъ, согласно съ традиціоннымъ закономъ своей расы, отмстить за смерть одного изъ своихъ соплеменниковъ убійствомъ члена другаго племени. Англійскій фермеръ, у котораго онъ былъ работникомъ, употреблялъ тщетныя усилія, удержать его отъ мщенія. Угрозы самыя страшныя, надзоръ самый бдительный остались безъ послѣдствій. Онъ ушелъ отъ хозяина, и возвратился только послѣ совершенія мщенія, чтобы отдать себя, этого дикаго Регула, наказанію, заслуженному имъ временнымъ бѣгствомъ.

Просвѣщенное сознаніе не можетъ не только безусловно осуждать его, но и не испытывать при этомъ вѣ котораго рода удивленія. Но подобныя примѣры ничего не говорятъ противъ несомнѣннаго значенія начала автономной воли; они доказываютъ только, что одна лишь чистая форма долга еще недостаточна для правильной оцѣнки подлиннаго предмета долга, среди стеченія всѣхъ обстоятельствъ и условій способствующихъ къ его опредѣленію, и недостаточна также для застрахованія развитія, теоретическаго и практическаго, нравственныхъ идей отъ всякаго рода вліяній, которыя стремятся спутать ихъ и затемнить.

Психологическій анализъ выдѣляетъ формальное начало изъ всякаго долга и изъ всякаго дѣйствія, совершеннаго по долгу; но выдѣленное такимъ образомъ начало изъ всѣхъ факторовъ, съ которыми оно соединено въ жизни дѣйствительной, является какъ-бы формальнымъ типомъ парозой машины, каковой типъ, по своей простотѣ, даетъ возможность ясно понять механизмъ, но недостаточенъ ни для устройства, ни для сообщенія движенія никакой паровой машинѣ. Формальная нравственность имѣетъ надобность быть восполняемою троя-

кимъ рядомъ соображеній. И прежде всего соображеніями субъективными. Надобно для нашего ли личнаго дѣйствія, или для сужденія о дѣйствиі другаго человѣка, изслѣдовать при какихъ условіяхъ реализуется автономная воля, какіе элементы человѣческой природы неизбежно помогаютъ ей, или обязываютъ ее вести борьбу съ ихъ вліяніемъ. Вся вообще психологія, въ смыслѣ самомъ обширномъ, какъ понимаетъ этотъ смыслъ современная философія, приходитъ здѣсь на помощь нравственности; но не эта отвлеченная психологія, сведенная къ самымъ общимъ наблюденіямъ надъ интеллектуальною жизнію человѣка въ средѣ людей цивилизованныхъ, а психологія конкретная и живая, которая не отдѣляетъ нравственнаго человѣка отъ человѣка физическаго и которая въ отношеніи къ нравственному человѣку умѣетъ различать возрасты, полы, соціальныя условія, степени цивилизаціи, однимъ словомъ, различныя состоянія, подтверждаемыя или прямыми наблюденіями, или наведеніями филологіи, этнографіи и исторіи въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, не должно ограничиваться психологіею исключительно опытною, или историческою. Въ психологіи существують вопросы метафизическіе, которыми нравственность можетъ пренебрегать не болѣе, какъ и прямыми вопросами о фактахъ, и которые не менѣе важны для разума, какъ и для практическаго долга. Необходимо наконецъ, для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ нравственности, психологія идеальная, пониманіе природы человѣческой во всемъ ея совершенствѣ, къ какому она только способна. Одно изученіе дѣйствительной природы человѣческой можетъ, безъ сомнѣнія, доставить элементы для этого пониманія; но оно завершается и прогрессивно развивается только возвышаясь надъ фактической дѣйствительностію и предаваясь возможному созерцанію, если не абсолютнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, того совершенства, которое станетъ дѣйствительнымъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Посредствомъ идеальной психологіи мы уже вступаемъ во второй рядъ соображеній, долженствующихъ восполнять собою формальную нравственность. Это соображенія объектив-

ныя. Автономная воля есть непосредственный предмет своего собственнаго дѣйствія; но подобно тому, какъ во время исполненія дѣйствія она не отдѣляется отъ другихъ элементовъ человѣческой природы, также точно она не бываетъ для себя самой нагимъ предметомъ дѣйствія; она подвергается нравственному опредѣленію во всѣхъ сплетеніяхъ жизни, для которой она служитъ однимъ изъ факторовъ. Итакъ, съ этой новой точки зрѣнія надобно возвратиться ко всей вообще психологіи; но преимущественно надобно обращаться къ этимъ идеальнымъ соображеніямъ, потому что предметомъ всякаго долга существенно служить идеаль; и то, что должно быть, всегда признается болѣе превосходнымъ, чѣмъ то, что есть. Автономная воля, рассматриваемая какъ формальное начало, есть уже идеаль, но идеаль отвлеченный и безъ жизни; надобно, для успѣшнаго реализированія ея, окружить ее идеально всѣми условіями, наиболѣе способными вознестъ ее на высочайшую степень энергіи, твердости и силы. Однимъ словомъ, надобно, пользуясь сравненіемъ, которымъ мы уже неоднократно пользовались, замѣнить формальный типъ паровой машины типомъ машины столько-же совершеннымъ по своимъ фактическимъ достоинствамъ, по продолжительности своего дѣйствованія и по безконечному разнообразію своихъ примѣненій.

Наконецъ, посредствомъ этого идеала человѣческой природы, которымъ одновременно заканчивается пониманіе субъективныхъ условій нравственности и ея предмета, мы уже касаемся послѣдняго ряда соображеній, имѣющихъ цѣлью сообщить нравственности ея метафизическое завершеніе. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно понять идеаль совершенства, не задаваясь слѣдующимъ вопросомъ: идеаль этотъ, къ которому мы должны стремиться непрестанно и который всегда болѣе и болѣе удаляется отъ насъ по мѣрѣ того, какъ намъ кажется, что мы своими усиліями приближаемся къ нему, не находятъ-ли своего осуществленія въ Существоѣ безусловно совершенномъ? Мы тѣмъ менѣе можемъ уклоняться отъ разсмотрѣнія этого вопроса, что онъ въ болѣе или менѣе чистой формѣ получилъ утвердительное рѣшеніе не только во всѣхъ религіяхъ, но и

въ большей части моральныхъ системъ, и принадлежитъ по тѣмъ ли вѣрованіямъ, которыя стараетсяъ подтвердить, или по тѣмъ возраженіямъ, которыя возбуждаетъ къ самымъ постояннымъ преданіямъ человѣчества. Итакъ, надобно къ изслѣдованію о человѣческихъ началахъ нравственности присоединить и изслѣдованія о началахъ ея божественныхъ.

Мы хотимъ рассмотретьъ здѣсь только первый изъ трехъ рядовъ соображеній, исчисленныхъ нами, именно мы хотимъ рассмотретьъ лишь субъективныя условія, которыя въ дѣйствительности наполняютъ чисто формальную идею автономной воли; и при рассмотрѣніи этихъ условій, мы устраняемъ метафизическія идеи о свободной волѣ и о субстанціальномъ единствѣ нашего „я“; мы будемъ держаться исключительно данныхъ опытной психологіи.

V.

Мы уже указали на фактъ общесуществующій, который служитъ связью между закономъ нравственнымъ, понимаемымъ въ своей чистой и отвлеченной формѣ, и человѣческою волею, открываемою сознаніемъ во всей совокупности ея элементовъ и условій ея существованія. Этотъ фактъ есть нравственная отвѣтственность. Мы имѣемъ сознаніе о нашей отвѣтственности въ отношеніи къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и по этому самому признаемъ себя обязанными исполнить ихъ. Мы чувствуемъ себя отвѣтственными предъ собою самими, и по этому самому признаемъ, что обязывающее насъ повелѣніе есть актъ нашей собственной воли. Такимъ-то образомъ отвѣтственность переноситъ автономію воли изъ формальнаго ряда въ рядъ дѣйствительный, изъ области чистыхъ идей въ область фактовъ сознанія.

Личность въ человѣкѣ служитъ всеобщимъ условіемъ отвѣтственности. Она существенно выражается двумя атрибутами—свободою и разумомъ, безъ которыхъ реализированіе автономной воли было-бы невозможно; но она заимствуетъ изъ состава природы человѣческой и другіе элементы, которые надобно различать, когда хотятъ дать отчетъ точный объ элементахъ собственно жизни нравственной.

Личность, какъ и отвѣтственность, проявляется въ жизни всѣхъ людей и каждаго, человѣка въ частности въ самыхъ различныхъ степеняхъ. Часто отказываются признать существованіе личности у такого человѣка, который стоитъ на высокихъ степеняхъ развитія. О нѣкоторыхъ же людяхъ говорятъ, что у нихъ недостаетъ личности. Напротивъ того, въ другихъ людяхъ удивляются личности сильной и выдающейся, достойной этого имени. Съ восторгомъ на примѣръ говорятъ: „Это замѣчательная личность!“ „Вы человѣкъ!“ сказалъ Наполеонъ Гете, когда въ Эрфуртѣ ему представили автора Вертера. Что обыкновенно разумѣютъ подъ выраженіями: *человѣкъ*, или *замѣчательная личность*, когда прославляютъ богато одаренную личность? Разумѣютъ не интеллектуальное превосходство, не гений, а прежде всего обладаніе самимъ собою. Формальный идеалъ нравственности всецѣло и проявляется въ наиболѣе высокой личности. Онъ проявляется въ условіяхъ, неувимыхъ для отвлеченнаго пониманія и открываемыхъ лишь психологическимъ наблюденіемъ.

Эти условія суть сила и твердость воли, ясность и точность ума, спокойствіе и чистота сердца.

Тотъ, кого Наполеонъ назвалъ „человѣкомъ“, говорилъ о себѣ самомъ: „Я сталъ человѣкомъ, а это значитъ я сталъ борцемъ.“

Ich bin ein Mann gewesen
Und das heisst ein Kämpfer seyn“.

Онъ говорилъ еще: „кто побѣдилъ самого себя, тотъ свободенъ отъ той внѣшней власти, которая связываетъ всѣхъ людей.“

Von jener Macht, die alle Wesen bindet,
Befreit der Mensch sich, der sich überwindet“.

Эта непрерывная борьба, этотъ рядъ побѣдъ надъ самимъ собою, которыя даютъ право на названіе „человѣка“ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, не должны быть представляемы въ формѣ борьбы жестокой, безиримѣрной, въ формѣ жизни, непрерывно возбужденной и напряженной. Надобно, чтобы при существованіи силы обнаруживалось спокойствіе,

сознаніе власти надъ самимъ собою, твердая рѣшимость, которая никогда не уничтожаетъ и не ослабляетъ эту силу, необходимо постоянно бодрое вниманіе не позволяющее увлекаться никакимъ вліяніемъ, которое внѣ или вѣнутри или вѣнасъ, непрерывно стремится насъ поработить. Въ этомъ состоитъ дѣло воли, и она выполнитъ его только тогда, когда въ одно и тоже время будетъ достаточно сильною для противопоставленія своего сопротивленія всякому возмущенію, достаточно крѣпкою для отраженія всякаго рода препятствій, и когда даже не будетъ имѣть надобности побѣждать ихъ, благовременно и постоянно заботясь объ ихъ удаленіи.

Но ни силы, ни крѣпости воли недостаточно, когда не умѣютъ опредѣлить своего врага. Надобно ясно и точно видѣть его для успѣшной борьбы съ нимъ. Разумъ управляетъ волею, но въ свою очередь имѣетъ надобность въ волѣ, чтобы всегда оставаться внимательнымъ, чтобы подвергать всестороннему разсмотрѣнію тотъ или другой вопросъ, чтобы устранять всѣ поводы къ ошибкѣ. Ясность и точность ума суть природныя дары, но они же составляютъ качества, которыя развиваются и совершенствуются посредствомъ упражненія, и легко исчезаютъ, когда люди не употребляютъ никакихъ усилій для предохраненія ихъ отъ всякаго рода искаженія и ослабленія.

Въ качествамъ ума присоединяются качества сердца для упроченія за волею ея власти надъ самой собою. Неумѣренный стоицизмъ находитъ автономію воли только въ побѣдѣ надъ страстями. Но думать такъ, значитъ исказить человѣка. Различныя наименованія способностей: воля, разумъ, чувство не выражаютъ какихъ-либо отдѣльныхъ и обособленныхъ существъ, на которыя классическая психологія, подобно тому какъ и новая психологія, разчленила душу человѣческую; они выражаютъ только различныя воззрѣнія, подъ которыми сознающее себя существо открывается самому себѣ. Боссюэтъ ничего не слышалъ о новой психологіи и однакоже сказалъ съ обычною своею точностію: „Всѣ эти способности въ сущности суть одна и таже душа, получающая различныя названія по причинѣ различныхъ дѣйствій“. Не только воля неотдѣлима отъ другихъ способностей; но слѣдую очень точному опредѣ-

лепію Рибо, „она есть реакція свойственная индивидууму, при вліянні всѣхъ въ совокупности состояній его сознанія“ ¹⁾ или какъ говоритъ еще авторъ „Болѣзней воли“, волевой актъ... предполагаетъ соучастіе въ немъ всей группы состояній сознанія и полусознанія, составляющихъ „я“ въ данный моментъ“ ²⁾. Между этими состояніями тѣ, которыя называются чувствованіями или страстями, могутъ быть или самыми дѣйствительными возбуждающими мотивами, или самымъ страшнымъ препятствіемъ къ совершенствованію волевого акта. Ихъ споспѣшествующее вліяніе окажется тѣмъ болѣе полезнымъ, чѣмъ болѣе будетъ сопровождаться полною гармоніею или между всѣми этими вліяніями въ частности, или вообще, между ими и другими состояніями сознанія. Эта гармонія выражается умѣренностію чувствъ, миромъ сердца, который въ то же время есть всецѣло міръ всей души. Онъ заканчивается іерархическимъ подчиненіемъ между собою чувствованій, сообразно съ степенью ихъ обширности и возвышенности. Часто замѣчали, что чувствительность образуетъ собою какъ-бы рядъ концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ самый узкій есть чистая любовь къ себѣ; но каждому изъ этихъ круговъ соотвѣтствуетъ другой, не только въ смыслѣ большей или меньшей обширности, но и въ смыслѣ степени достоинства и превосходства по своимъ совершенствамъ, въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же предметамъ. Можно любить то, что въ насъ есть наиболѣе грубаго и низкаго; можно также любить то, что составляетъ величіе и совершенство человѣческой природы. Равнымъ образомъ существуютъ степени низости и степени возвышенности въ привязанностяхъ къ другимъ людямъ, — въ любви въ собственномъ смыслѣ, въ дружбѣ, въ патріотизмѣ, въ эстетическихъ чувствованіяхъ и даже въ чувствованіяхъ религіозныхъ, въ самой любви къ Богу. Эти два рода круговъ сближаются въ своихъ крайнихъ степеняхъ. Чувственный мистицизмъ, который превращаетъ человѣка въ „животное“, желая сдѣлать его

¹⁾ Les Maladies de la volonté, pag. 23.

²⁾ Les Maladies de la volonté, pag. 32—33.

„ангеломъ“, отождествляется съ чувственнымъ эгоизмомъ; любовь къ себѣ, когда она одушевлена стремленіемъ къ высочайшему совершенству, какое только постижимо для человѣческаго существа, становится тождественною съ любовью къ Богу. Подчинять всегда чувствованія болѣе узкія болѣе всеобщимъ, болѣе низкія болѣе благороднымъ, значитъ обладать чистотою сердца, значитъ въ тоже время доставлять автономной волѣ наилучшую гарантію ея; потому что никогда человѣкъ не является наименѣе господиномъ самого себя, какъ когда онъ все относитъ лишь къ себѣ самому и къ тому, что есть въ немъ наименѣе высокаго.

Крѣпость и твердость воли, ясность и точность ума, миръ и чистота сердца составляютъ здоровье души. Къ этому, надобно присоединить еще здоровье тѣла. Справедливо удивляются слѣдующимъ словамъ Боскюэта: „Мужественная душа является госпожею тѣла, которое она одушевляетъ“. Не только во время битвъ и среди военныхъ людей можно указать прекрасные примѣры воли энергической и увѣренной въ себѣ, проявляющейся даже въ тѣлѣ разслабленномъ, обезсиленномъ лѣтами, болѣзнями, страшнымъ упадкомъ силъ; жизнь гражданская представляетъ во всѣ времена не менѣе удивительные примѣры. Этотъ родъ героизма оказывается столько свойственнымъ человѣку, что составляетъ собою предметъ нѣкотораго рода тщеславія даже средѣ дикихъ людей, а въ средѣ цивилизованной проявляется у тѣхъ людей, которые по развитію ума и нравственнымъ качествамъ ничѣмъ не возвышаются надъ дикарями. Этотъ героизмъ можетъ быть крайнимъ проявленіемъ высокой добродѣтели, но можетъ быть также игрою дѣтскою и достойною презрѣвія. Тѣмъ не менѣе въ томъ и другомъ случаѣ онъ является насиліемъ природы человѣческой, а подобное насиліе всегда признается дѣйствиємъ исключительнымъ, которое не только не можетъ стать правиломъ для всѣхъ людей, но не можетъ послѣдовательно и постоянно сохраняться въ теченіи всей жизни одного и того же человѣка, самаго храбраго и самаго стойческаго. Надобно прославлять героизмъ полезный; но надобно презирать героизмъ суетный и шарлатанскій и признавать необходимымъ для нрав-

ственной жизни, согласно съ античнымъ правиломъ, связь здоровой души съ здоровымъ тѣломъ.

VI.

Мы получаемъ наше тѣло и самую душу отъ нашихъ родителей и отъ цѣлаго ряда нашихъ предковъ. Мы являемся въ міръ съ извѣстнымъ расположеніемъ физическимъ и нравственнымъ, которое позже можемъ измѣнить въ хорошую или дурную сторону собственною дѣятельностію нашей воли; но въ тотъ моментъ, когда мы сознательно и рѣшительно хотимъ стать господами нашего природнаго расположенія, оно уже не бываетъ такимъ, какимъ мы получили его отъ рожденія. Тысячи вліяній разнаго рода, вліяній климата, жилища, питанія, домашняго воспитанія, разговоровъ и примѣровъ дома и внѣ дома, нравовъ и предрасудковъ, господствующихъ вокругъ насъ, соціальнаго состоянія страны, гдѣ мы живемъ,—частныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекаютъ наши первые годы, навыковъ, усвоенныхъ нами себѣ нашими личными дѣйствіями, когда наша сознательная воля оказывается еще очень слабою,—все это видоизмѣняетъ, на все теченіе жизни, нашу физическую и нашу нравственную природу, и мы можемъ бороться только въ слабой степени противъ принятаго ею направленія, равно какъ и противъ наследственнаго расположенія. Въ тѣ времена, когда мы можемъ уже располагать своею дѣятельностію лучше, всѣ эти вліянія дѣйствуютъ въ насъ, и нѣтъ никакого возраста, никакого состоянія жизни, у людей самыхъ сильныхъ и самыхъ лучшихъ, у которыхъ личное или автономное дѣйствованіе было-бы самымъ значительнымъ.

Итакъ, абсолютная автономія воли, возможная при полномъ здоровьѣ души и тѣла, есть идеаль, къ которому личность и отвѣтственность, существующая въ дѣйствительности, всегда приближаются только въ далекой степени. Законы религіозные и законы гражданскіе развиваютъ ихъ въ насъ, въ общемъ смыслѣ, когда мы достигаемъ возраста, признаваемаго созрѣвшимъ для нравственной отвѣтственности и для пользованія правами гражданскими и политическими. Но эти законы по не-

обходимости суть лишь допускаемыя по усмотрѣнію ограниченія, которыя власти обязаны усовершенствовать въ частныхъ случаяхъ, не заявляя притязанія на то, чтобы эти исправленія могли когда либо достигнуть совершенной точности. Послѣдовательное выясненіе нравственнаго идеала, какъ-бы ни было велико разстояніе между имъ и дѣйствительностію, тѣмъ не менѣе необходимо для сообщенія нравственнымъ правиламъ и нравственнымъ сужденіямъ ихъ единственно законнаго основанія. Въ практикѣ, какъ и въ теоріи, всѣ вопросы о нравственной отвѣтственности сводятся къ слѣдующимъ двумъ главнымъ:

До какой степени, такое или иное дѣйствіе, совершенное нами сознательно и добровольно, сообразно съ закономъ, или вопрекъ ему, можетъ стать общеобязательнымъ для всѣхъ волей при существованіи однихъ и тѣхъ-же обстоятельствъ и равенствѣ всѣхъ другихъ условій?

До какой степени виновникъ дѣйствія желалъ, чтобы воля всякаго человѣка сообразовалась съ этимъ закономъ, даже когда онъ въ своемъ собственномъ поведеніи позволилъ себѣ увлечься волею противоположною?

Эти вопросы предлагаются въ отношеніи къ самымъ маленькимъ дѣтямъ, какъ и въ отношеніи къ людямъ, достигшимъ совершеннаго возраста. Съ тѣхъ поръ какъ дитя начинаетъ проявлять свою волю, оно стремится только къ удовлетворенію своихъ настоятельныхъ потребностей и къ повторенію испытанныхъ уже имъ удовольствій. Но извѣстно также, что дитя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, проявляетъ и нѣкоторое чувство справедливости. Оно возстаетъ, по свидѣтельству Руссо, противъ несправедливаго наказанія съ силою страданія, которое не можетъ быть объяснено однимъ лишь ощущеніемъ физической боли ¹⁾. Оно не имѣетъ еще никакой идеи

¹⁾ Я никогда не забуду одного маленькаго крикуна, котораго я видѣлъ и котораго за этотъ крикъ ударила кормилица. Малютка тотчасъ замолчалъ; я подумалъ, что онъ испугался. И я сказалъ себѣ: вотъ будетъ рабская душа, которую ригоризмомъ могутъ принудить ко всему. Но я обманулся; несчастный напрягалъ усилія подавить въ себѣ гнѣвъ; онъ задыхался; онъ сталъ весь синимъ. Минуту спустя послѣ этого раздался самый пронзительный крикъ; всѣ признаки негодованія, ярости, отчаянія, свойственные этому возрасту, смѣша-

долга въ отношеніи къ самому себѣ; но оно уже чувствуетъ, что имѣетъ обязанности въ отношеніи къ другимъ, и съ тѣхъ поръ какъ начинаетъ говорить, когда съ нимъ можно уже разсуждать, его безъ особеннаго труда можно убѣдить, что обязанности, исполненіе которыхъ оно требуетъ въ отношеніи къ себѣ отъ другихъ, въ свою очередь могутъ быть требуемы отъ него самого другими. Два основныя правила: „Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы другіе дѣлали тебѣ самому“ и „Дѣлай другимъ то, что желательно тебѣ получить отъ другихъ“ въ сущности выражаютъ только примѣненіе къ себѣ самому нравственной воли, которую уже, болѣе или менѣе сознательно, признаютъ общеобязательною для всѣхъ людей.

Легко возбудить въ самыхъ юныхъ душахъ всеобщую идею долга и всеобщее желаніе долга. Эта идея и это желаніе естественны у человѣка, хотя-бы не хотѣли признать ихъ абсолютную врожденность, и хотя-бы утверждали, что они возникаютъ изъ наслѣдственнаго предрасположенія, котораго происхожденіе предшествуетъ всѣмъ историческимъ преданіямъ. Мы отвергаемъ теорію, по которой нравственное сознание сводится къ этому предрасположенію, т. е. къ наслѣдственной привычкѣ повиноваться извѣстнымъ требованіямъ, бывшимъ первоначально положительными приказаніями отцевъ семействъ, начальниковъ племенъ и жрецовъ, и закрѣпленнымъ въ мозгу чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, какъ идеальныя правила. Какъ мы уже показали, это объясненіе происхожденія долга ведетъ къ тому, что отнимаетъ у него всякій авторитетъ; потому что во всѣ времена, и въ наше время столько-же какъ и всегда, люди не могутъ смѣшивать чью-бы то ни было сторовнюю власть, даже власть облеченную божественнымъ совершенствомъ, съ идеею, которую ихъ сознаніе имѣетъ о своемъ дол-

лись въ этомъ крикѣ. Я боялся, чтобы онъ не испустилъ духъ при этомъ возбужденіи. Если-бы я сомнѣвался во врожденности въ сердцахъ человѣческомъ чувства правды и живаго сознанія неправды, то одинъ этотъ фактъ могъ убѣдить меня въ этомъ. Я былъ увѣренъ, что если-бы случайно горячій уголь упалъ на руку этого дитяти, то онъ причинилъ-бы ему меньшую боль, чѣмъ этотъ ударъ, довольно легкій, но нанесенный съ очевиднымъ намѣреніемъ оскорбить его (Emile, livre 1-er).

гѣ. Долгъ, будучи далеко нетождественнымъ съ подчиненіемъ внѣшней силѣ, пробуждаетъ въ душѣ каждаго человѣка чувство независимости и свободы. Даже надобно признать, что внѣшнія приказанія лишь въ долгѣ получаютъ свое начало, хотя и оказываютъ во всѣ времена, посредствомъ соединяемыхъ съ ними чувствованій уваженія и страха, значительное вліяніе на образованіе нравственныхъ идей. Въ нравственномъ дѣйствіи наслѣдственность не составляетъ всего, но быть можетъ всецѣло отъ наслѣдственности зависитъ всеобщая предрасположенность разума въ дѣлѣ пониманія нравственнаго дѣйствія и склонность воли при осуществленіи его. Идея нравственнаго закона и всѣхъ понятій относящихся къ ней: долга, права, справедливости, отвѣтственности, заслуги и преступленія, быть можетъ, никогда не приобрѣли-бы въ умахъ ясной формы, если-бы не находили въ некоторыхъ образомъ положительнаго выраженія въ законахъ, провозглашаемыхъ и издаваемыхъ человѣческими властями во имя-ли собственное, или во имя боговъ. И если невозможно оспаривать этого наслѣдственнаго вліянія положительныхъ законовъ на самую форму нравственнаго закона, то тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться въ огромномъ вліяніи на содержаніе его всѣхъ тѣхъ постановленій, которымъ люди привыкли повиноваться, разумѣя въ тсѣмъ числѣ преданія, привычки, нравы, равно какъ законы гражданскіе и законы религіозные. Это содержаніе нравственнаго закона разнообразится смотря по степени культуры всѣхъ сознаний; потому что та культура, которую каждое частное сознание можетъ само себѣ создать даже въ натурахъ наиболѣе одаренныхъ, имѣетъ безконечно малое значеніе сравнительно съ всеобщою культурою среды, въ которой люди поставлены своимъ рожденіемъ, и сравнительно со всѣми причинами, которыя со времени первоначальнаго появленія человѣчества имѣли вліяніе на образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго состоянія этой среды.

Итакъ нравственная воля, желаніе долга, въ самой большей степени своей, вытекаетъ изъ неопредѣленнаго ряда силъ, которыхъ корни теряются въ самомъ отдаленномъ прошедшемъ и которыхъ дѣйствіе простирается равнымъ образомъ на не-

ограниченное протяженіе. Воля безнравственная, воля противоположная долгу, не менѣе участвуетъ въ соединеніи всѣхъ силъ, которыя, прямо или непрямо, въ жизни настоящей или во всѣхъ жизняхъ предшествующихъ, въ отношеніи къ которымъ настоящая жизнь служитъ только наслѣдственнымъ обнаруженіемъ, вліяютъ на идеи, на чувствованія, на стремленія каждаго индивидуума. Итакъ надобно различать двѣ стороны въ отвѣтственности всякаго дѣйствія, какъ добраго, такъ и злаго: первая сторона, самая значительная, принадлежитъ нашему роду вообще и всѣмъ подраздѣленіямъ, болѣе или менѣе распространеннымъ у этого рода, расамъ, національностямъ, семействамъ, частнымъ обществамъ всякаго вида; вторая сторона, болѣе ограниченная въ своихъ разнообразныхъ степеняхъ, очень важная въ извѣстныхъ случаяхъ и почти ничтожная въ другихъ, есть проявленіе дѣятельности индивидуальной и личной. Сознаніе, сохраняемое нами при нормальномъ состояніи нашей отвѣтственности, протестуетъ противъ абсолютнаго детерминизма, который не признаетъ существованія даже отвѣтственности коллективной; такъ какъ коллективность состоитъ изъ индивидуумовъ, изъ коихъ каждый ни однимъ своимъ дѣйствіемъ не выступаетъ за границы детерминизма. Мы имѣемъ право усвоить себѣ личную отвѣтственность, какъ имѣемъ долгъ подпадать всѣмъ ея послѣдствіямъ; но мы имѣемъ также право и долгъ признавать ея границы. Всякое сознаніе имѣетъ болѣе или менѣе ясное чувствованіе этихъ границъ даже когда преувеличиваетъ ихъ для своего оправданія, или уменьшаетъ для сообщенія себѣ большей заслуги. Они составляютъ собою одинъ изъ предметовъ, къ которымъ еъ самымъ большимъ тщаніемъ обязано относиться вниманіе психолога, моралиста, криминалиста и историка.

VII.

Эта коллективная отвѣтственность, существованіе которой мы признаемъ рядомъ съ отвѣтственностію индивидуальной, условливается ли въ свою очередь существованіемъ коллективной личности? Законы положительные признаютъ подобнаго

рода личность. Они усвояютъ права и обязанности союзамъ и эти союзы признаютъ нравственными личностями, или личностями гражданскими. Сами націи, въ отношеніи къ правамъ частныхъ людей, имѣютъ характеръ нравственныхъ личностей. По примѣру немногихъ постановленій права положительнаго, народнаго или международнаго, мы сами охотно олицетворяемъ коллективные союзы, всякаго рода. Мы усвояемъ имъ всѣ условія жизни физической, или жизни интеллектуальной и нравственной. Мы признаемъ, что они рождаются, развиваются и умираютъ, какъ и индивидуумы. Они имѣютъ свои различные возрасты, какъ и каждый индивидуумъ; переживаютъ дѣтство, юность, зрѣлость, старость и дряхлость. Они также имѣютъ свой характеръ, свои идеи, свои страсти, свою волю попеременно то крѣпкую, то колеблющуюся. Не ради одной лишь чистой метафоры мы приписываемъ имъ въ одно и то же время и тѣло съ головою и членами, и душу со всѣми способностями души индивидуальной,—и то, что это тѣло и эта душа кажутся намъ съ такими же немощами и съ такимъ же состояніемъ здоровья, какія мы со скорбію находимъ или съ радостію признаемъ въ каждомъ изъ насъ.

Существуютъ нѣкоторые коллективные союзы, хотя съ трудомъ поддающіе опредѣленію, но тоже понимаемые нами подъ формою нравственной личности, со всѣми признаками индивидуальной личности. Мы умѣемъ различать народности въ государствахъ, которыя олицетворяютъ ихъ или стремятся олицетворить посредствомъ положительнаго права. Но что такое народность? спрашивалъ себя Ренанъ въ одной недавней и блестящей конференціи? Гдѣ надобно находить ея начало и какимъ образомъ можно объяснить ея непрерывное единство, несмотря на всѣ неблагоприятныя вліянія, которыя стремятся и часто даже успѣваютъ исказить ее, если не признать въ ней образованія и бытія жизни личной души?

Мы усвояемъ наконецъ личность коллективному союзу, случайному и кратковременному, напримѣръ, народной толпѣ, которая, будучи собрана на публичной площади или въ театрѣ, по большей части ради одного лишь любопытства, обнаруживаетъ до такой степени одинаковыя страсти и однообразную

волю, что кажется трудно признать все это простымъ выраженіемъ страстей и волей однихъ лишь индивидуальныхъ людей. Какой драматическій критикъ не подтверждалъ единодушія добродѣтельныхъ желаній въ театральной публикѣ, гдѣ встрѣчаются, какъ и повсюду въ человѣчествѣ, при небольшомъ числѣ благородныхъ душъ, всѣ степени нравственнаго индифферентизма и порока? Какой политическій историкъ равнымъ образомъ не подтверждалъ легкости, съ которою, во время возмущеній, люди проникнутые простымъ любопытствомъ и среди нихъ люди наиболѣе миролюбивые, увлекаются страстями инсургентовъ?

Естественныя науки стремятся теперь признать всѣ живыя тѣла союзомъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою собственную организацію и свою индивидуальную жизнь. Видимое единство жизни, въ каждомъ бытіи, называемомъ нами растеніемъ или животнымъ, по мнѣнію естественныхъ наукъ, является лишь единствомъ коллективнымъ, какъ идеальная личность человѣческихъ обществъ. И такъ полное уподобленіе обществъ индивидууму признаютъ теперь въ смыслѣ совершенно буквальномъ, потому что сами индивидуумы суть не иное что, какъ союзы.

Подобное уподобленіе представляется совершенно законнымъ, по гипотезѣ матеріалистовъ. Если единство живаго индивидуума есть только единство сложенія, если оно не обладаетъ никакою особенною дѣятельностію, то нѣтъ никакого существеннаго различія между человѣческимъ обществомъ и агрегатомъ клѣточекъ. Равнымъ образомъ нѣтъ также никакого различія между этими двумя родами соединенія, по ультра-спиритуалистической теоріи Алексиса Бернарда. Если всякая клѣточка обладаетъ сознательною дѣятельностію, то каждое живое тѣло на самомъ дѣлѣ есть лишь союзъ, въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ слова. И если выразителемъ единства, между всѣми этими маленькими сознаніями клѣточекъ, признать сознаніе центральное, недѣлимую душу, облеченною властію соединять ихъ, то ничто не мѣшаетъ равнымъ образомъ допустить въ обществахъ человѣческихъ, кромѣ индивидуальныхъ душъ, изъ которыхъ общества слагаются, душу

высшую, въ которой сосредоточивается общая жизнь и которая оправдываетъ единство ихъ коллективной личности.

Но чтобы подобная теорія, допускающая существованіе коллективной личности, могла оказаться состоятельною при всѣхъ случаяхъ, то ее надобно было бы развить до крайнихъ и невѣроятныхъ предѣловъ. Недостаточно было бы предположить общую душу, обладающую болѣе или менѣе продолжительною жизнію, для каждой націи, для каждаго религіознаго союза, для каждаго продолжающагося общества; надобно было-бы, чтобы случайныя скопленія людей, обнаруживающія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ такую удивительную общность чувствъ, мыслей, желаній, были тоже одушевлены одною душою, внезапно создаваемою въ моментъ, когда собираются разнородныя элементы этихъ скопленій, и способною тотчасъ же уничтожиться, когда эти элементы разсѣиваются. Но нѣтъ надобности въ подобныхъ гипотезахъ для объясненія общности нравственной жизни въ ассоціаціяхъ постоянныхъ или случайныхъ. При всѣхъ союзахъ индивидуумовъ, коллективныя дѣйствія всегда являются лишь суммою индивидуальныхъ дѣйствій, и слѣдовательно, выражаютъ опредѣленные состоянія въ организмѣ и сознаніи каждаго индивидуума. Правда, что многіе сознанія при этомъ представляются сливающимися въ одно сознаніе; но это есть только эффектъ нравственнаго дѣйствія, естественно производимаго каждымъ индивидуумомъ на тѣхъ, которые окружаютъ его. Это дѣйствіе простирается въ извѣстныхъ случаяхъ до лишенія индивидуума его собственной воли и до подчиненія его властному вліянію чужой воли. Души, будемъ ли понимать подъ этимъ названіемъ бытія метафизическія, или совокупность состояній сознанія, не пребываютъ непроницаемыми однѣ въ отношеніи къ другимъ, какъ тѣла. Факты сообщенія между воображеніями, между чувствованіями, между волями, во всѣ времена были наблюдаемы психологами всѣхъ школъ, хотя школы эти не доходили до новѣйшихъ теорій ¹⁾ магнетизма и гипнотизма. И если сооб-

¹⁾ См. въ частности любопытныя главы въ *Recherche de la vérité* о заразителномъ сообщеніи сильныхъ воображеній.

щеніе въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ можетъ простираться до подавленія личности, то можно ли удивляться, что между индивидуумами, вступившими въ единеніе, даже случайное, устанавливается замѣчательное сообщеніе мыслей и чувствъ? Въ особенности, можно-ли удивляться, что члены учреждаемыхъ обществъ, подчиненные однимъ и тѣмъ же законамъ, однимъ и тѣмъ же правамъ, однимъ и тѣмъ же вѣрова-ніямъ, однимъ и тѣмъ же наслѣдственнымъ вліяніямъ, проявляютъ это сообщеніе въ такой степени, что представляются одушевленными одною и тою-же душою въ большей части своихъ дѣйствій, несмотря на всѣ различія существующія въ ихъ индивидуальной личности.

Нѣтъ ничего въ коллективной личности обществъ, или человѣческихъ группъ, что представлялось бы чѣмъ-либо инымъ, а не простымъ лишь результатомъ всѣхъ индивидуальных дѣйствій; но тоже ли самое происходитъ съ дѣйствительною личностію каждаго индивидуума въ частности? Въ индивидуальной личности мы тоже признали состоявія совѣсти въ большинствѣ случаевъ сложными результатами. Автономія никогда не проявляется въ ней съ абсолютною силою; отвѣтственность никогда не бываетъ всецѣлою. Но дѣйствительно ли въ индивидуальной личности нѣтъ ни малѣйшей автономіи, никакой личной отвѣтственности? Совѣсть протестуетъ противъ подобнаго предположенія, которое противорѣчитъ наблюденіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда исчезаетъ всякая отвѣтственность и всякое самообладаніе. Если есть случаи, когда индивидуумъ является неотвѣтственнымъ за свои дѣйствія, то это значитъ, что существуютъ другіе случаи, когда отвѣтственность проявляется въ большей или меньшей степени, и эта степень обуславливается вліяніемъ собственной личности, принадлежащей индивидууму, или представляющейся ему принадлежащею при его дѣйствіяхъ. Можно обманываться въ оцѣнкѣ отвѣтственности, въ отношеніи къ себѣ самому, равно какъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ; но нельзя обманываться въ отношеніи къ принципу отвѣтственности. Совѣсть каждаго человѣка умѣетъ отличать, въ общемъ смыслѣ, дѣйствія сознательныя отъ безсознательныхъ, добровольныя отъ невольныхъ,

отвѣтственные отъ неотвѣтственныхъ. Всѣ нравственныя идеи соединены съ этимъ различіемъ; они были-бы совершенно извращены, если-бы каждое наше дѣйствіе было лишь выраженіемъ или даже внѣшнихъ силъ, вліянію которыхъ подчиняется дѣятель, или внутреннихъ силъ, при которыхъ его индивидуальность выражалась бы только въ ихъ связи и соспѣшествованіи въ дѣлѣ совершенія того или другаго поступка.

Отвѣтственность коллективной личности въ дѣйствительности обуславливается ея членами. Они индивидуально сами лично, или имущественно отвѣтственны за ошибки общины, или тѣхъ людей, которые представляютъ собою эту общину.

Quidquid delirant reges, plectuntur Aechivi ¹⁾.

Общественная отвѣтственность, безъ сомнѣнія, въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть усвояема исключительно общественному правительству; но само это правительство представляетъ собою лишь сумму индивидуальныхъ интересовъ, и причиняемый имъ ущербъ можетъ быть вознагражденъ, прямо или непрямо, лишь индивидуальными жертвами. Полное уподобленіе индивидуума обществу требовало бы, чтобы и отвѣтственность этого индивидуума равнымъ образомъ распредѣлялась между тѣми маленькими вѣточными индивидуальностями, которыхъ онъ служитъ агрегатомъ или результатомъ. Но какое наблюденіе — психологическое или фізіологическое, никакое сознаніе, сохраняемое нами о своей отвѣтственности, никакой опытъ санкцій нашихъ поступковъ разнаго рода, естественный или общественный, не оправдываетъ подобной гипотезы и не сообщаетъ ей ни малѣйшей вѣроятности. Мы возлагаемъ, съ бѣльшимъ или меньшимъ правомъ, весьма значительную часть нашей отвѣтственности на причины внѣшнія или внутреннія, которыя соспѣшествовали намъ при совершеніи нашихъ дѣйствій; и если мы не можемъ перенести отвѣтственности всецѣло на другихъ, то охотно усвояемъ ее такой или иной стороной нашего собственнаго бытія, напр., нашему непониманію, нашему сердцу слѣшкомъ доброму, или слиш-

¹⁾ „Ошибками царей наказываются Ахейцы (греки)“.

комъ пылкому, недостатку нашей памяти; но даже если-бы мы были болѣе просвѣщенными и могли точно опредѣлить въ этомъ участіе каждой изъ нашихъ клѣточекъ, то слѣдствія, выводимыя изъ этого участія, не были-бы ощутительными для цѣльнаго нашего бытія по причинѣ единства и нераздѣльности получаемаго нами отъ клѣточекъ впечатлѣнія. Пусть наши клѣточки будутъ организмами чисто физическими, или одаренными сознаниемъ, тѣмъ не менѣе индивидуальная личность находится въ необходимой связи съ своимъ центральнымъ сознаниемъ, съ принципомъ независимой дѣятельности и отвѣтственности, существованіе которыхъ ничто не подтверждаетъ въ коллективной личности.

VIII.

Наша индивидуальная отвѣтственность является у насъ очень незначительною, при дѣйствіи всѣхъ естественныхъ силъ и всѣхъ человѣческихъ вліяній, которыя разнообразно ограничиваютъ ее и часто сводятъ къ ничтожеству. Она исчезаетъ при душевныхъ болѣзняхъ; она ежедневно подвергается перерыву во время сна; она никогда не бываетъ полною и въ бодрственномъ состояніи. Впрочемъ ее надобно признать увеличивающеюся съ особенною силою, если мы обратимъ вниманіе на то, что индивидуумъ, среди непрерывной смѣны дѣйствія и противодѣйствія, проявляетъ во внѣ столько, сколько воспринимаетъ внутрь себя, и будущему времени отдаетъ то, что заимствовалъ отъ прошедшаго времени. Никто не знаетъ до какихъ границъ во времени и въ пространствѣ простирается та ея часть, которую другіе люди, своими ли индивидуальными дѣйствіями, или своимъ общественнымъ вліяніемъ, должны усвоить себѣ въ каждомъ изъ нашихъ дѣйствій; но никто также не знаетъ и той части, которую наши собственные разговоры и наши примѣры могутъ имѣть на дѣйствія другихъ людей. Наслѣдіе, собранное безконечнымъ числомъ поколѣній, дѣлаетъ насъ такими, какими мы теперь являемся, но столь же безконечное число поколѣній получить и отъ насъ наслѣдственный залогъ, видоизмѣненный, преобразованный по тому личному образцу, по которому мы жили. Мы преобразовыва-

емся; во все теченіе нашей жизни, непреодолимымъ дѣйстви-
емъ окружающей насъ среды, нашимъ семействомъ, общест-
вомъ, котораго мы составляемъ часть, людьми, съ которыми
случай или нашъ выборъ поставили насъ въ соотношеніе, и
подпадая этому вліянію, мы подпадаемъ отраженному дѣйствию
цѣлаго ряда причинъ, которыя помогаютъ намъ совершить
нашъ поступокъ; мы сами составляемъ элементы этого ряда
причинъ и посредствомъ подобнаго же отраженія наше вліяніе
будетъ далеко простираться за предѣлы маленькаго круга, вну-
три котораго течетъ наша индивидуальная жизнь. Итакъ мы
несемъ часть отвѣтственности въ жизни другихъ людей, подоб-
но тому какъ другіе несутъ часть отвѣтственности въ нашей
жизни. При нашемъ рожденіи о каждомъ изъ насъ можно ска-
зать, не обращая вниманія на смыслъ болѣе таинственный,
тоже, что сказалъ Массильонъ, на основаніи словъ святаго еван-
гелиста Луки, о царственномъ дитяти: „Это дитя рождено для
погибели и для благосостоянія многихъ“

Наша отвѣтственность распространяется вокругъ насъ въ
безконечность; она распространяется также и въ насъ самихъ
до дѣйствій, въ которыхъ, повидимому, совершенно исчезаетъ.
Безумецъ неотвѣтственъ за дѣйствія, совершенныя имъ въ при-
падѣ безумія; но онъ можетъ быть въ своей прошлой жизни
отвѣтственнымъ за поступки, которые привели его къ безумію.
Пьянство, гнѣвъ, и вообще всѣ сильныя страсти снимаютъ съ
насъ прямую отвѣтственность за дѣйствія, совершенныя нами
въ томъ состояніи, когда мы не владѣемъ собою; но само это
состояніе, по причинѣ предшествовавшихъ ему дѣйствій и слу-
жащихъ его слѣдствіемъ, могло условливать въ высокой сте-
пени отвѣтственность того, кто расположилъ себя поддаться
прискорбнымъ увлеченіямъ. Буилье, въ той превосходной кни-
гѣ, которую онъ скромно назвалъ: „Семейные очерки психо-
логии и нравственности“ ¹⁾ спрашиваетъ, существуетъ ли от-
вѣтственность въ нашихъ сновидѣніяхъ. „Нѣтъ“, говоритъ онъ,
если разумѣютъ при этомъ прямую отвѣтственность; „да“ въ
большинствѣ случаевъ, если обратить вниманіе на личныя при-

¹⁾ „Etudes familiares de psychologie et de morale“.

чины сновидѣній, дѣйствующія въ насъ во время бодрственнаго состоянія, на мысли, съ которыми сновидѣнія переплетаются, на чувствованія и образы воображенія, подѣ влияніемъ которыхъ они создаются и которыхъ мы не старались побороть въ себѣ, наконецъ на дѣйствія, которыя мы совершали, или старались совершить.

Буиле справедливо совѣтуетъ простирать испытаніе совѣсти и на наши сновидѣнія: „Для врачеванія души, равно какъ и для медицины тѣла, сновидѣніе содержитъ много указаній, которыми не долженъ пренебрегать каждый, кто хочетъ хорошо узнать и хорошо изучить самого себя“. Эта медицина, или лучше—эта гигиена души и тѣла въ сущности и есть то, что порождаетъ наиболѣе прямую и наиболѣе постоянную нашу нравственную отвѣтственность. Нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить въ каждомъ дѣйствиі отвѣтственность нашу личную и отвѣтственность другихъ людей; но мы знаемъ, что здоровая душа и здоровое тѣло служатъ необходимыми условіями нравственнаго совершенствованія, и отъ насъ зависитъ, если не сообщить себѣ всецѣло эти блага, то по крайней мѣрѣ обратить свое вниманіе и свои усилія на ихъ сохраненіе и развитіе. Итакъ въ этомъ состоитъ главная отвѣтственность, и тому, кто понялъ это и составилъ изъ этого пониманія правило для своей жизни, „остальное дастся вслѣдствіе естественнаго приращенія“.

Ж. Устолинъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

37. КРАТИСЪ ΘИВСКІЙ.

Однимъ изъ блестящихъ представителей той-же цинической школы былъ Кратисъ, сынъ Асконда, изъ Θивъ. Онъ былъ ученикомъ Діогена Синопскаго и вѣрнымъ послѣдователемъ его ученія и образа жизни. За то, что онъ едва не въ каждый домъ входилъ съ своими требованіями и увѣщаніями, его прозвали отпирателемъ дверей (*θυροπαρανοήτης*). Имъ увлечена была дочь ученика его Митрокла, Гиппархія, которая и раздѣляла съ нимъ всѣ радости и невзгоды его жизни.

Изъ сочиненій, которыя приписываются Кратису, быть можетъ только незначительная часть принадлежитъ ему подлинно. Стилъ рѣчи въ этихъ сочиненіяхъ близокъ къ Платоновскому. Но болѣе извѣстенъ Кратисъ, подобно Діогену, своими изреченіями. Вотъ ходячія изъ этихъ изреченій:

Отъ философіи я имѣю, говорилъ онъ, такую прибыль: хиникъ ¹⁾ волчьихъ бобовъ и то, что ни о чемъ не забочусь.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 16.

¹⁾ Объясненіе значенія этой мѣры см. въ прежнихъ примѣчаніяхъ.

Онъ-же говорилъ, что голодъ подавляетъ чувственную любовь, если-же не голодъ, то время подавляетъ ее; а если ни то ни другое не въ силахъ подавить ее, то подавляетъ петля.

Одному мѣняль Кратисъ предложилъ деньги; съ тѣмъ условіемъ, чтобы, если дѣти его будутъ простыми людьми, то отдать имъ; а если они будутъ философами, то раздѣлить народу; ибо, если они будутъ философами, то ни въ чемъ не будутъ нуждаться.

Прося о чемъ-то начальника гимназіи, Кратисъ ухватился за бедра его. Когда-же тотъ сталъ негодовать на это, Кратисъ сказалъ: что ты? развѣ и бедра эти твои, также какъ и колѣни?

Онъ говаривалъ, что невозможно найти человѣка, который-бы не налъ, но подобно тому какъ въ гранатовомъ яблокѣ, на ряду съ здоровыми зернышками, попадаетъ какое либо и гнилое, такъ и въ человѣкѣ.

Разсердившись за что-то на Никодрома, пѣвца подъ цитру, Кратисъ потерпѣлъ отъ него побои въ лице. Тогда онъ наклеилъ у себя на плечу листикъ, съ надписью: это одѣлалъ Никодромъ.

Димитрія Фалерейскаго ¹⁾, приславшаго Кратису хлѣбы и вино, онъ упрекнулъ, сказавъ: о если-бы источники производили и хлѣбы! (Извѣстно, что онъ пилъ воду).

Когда аѣинскіе астиномы ²⁾ порицали Кратиса за то, что онъ одѣвался въ тонкую бумажную матерію, Кратисъ сказалъ: я покажу вамъ, что и Теофрастъ одѣтъ въ такую-же матерію; когда-же они не вѣрили, онъ привелъ ихъ въ цирюльню и показалъ Теофраста ³⁾ въ то время, когда онъ стригся.

Когда однажды въ Оивахъ начальникъ гимназіи сталъ бичевать Кратиса, для чего послѣдняго тащили за ноги, то философъ, нисколько о томъ не заботясь, приговаривалъ, произнося съ нѣкоторымъ измѣненіемъ стихъ изъ Гомера:

¹⁾ Димитрій Фалерейскій, ораторъ и ученый мужъ, былъ поставленъ отъ Кассандра правителемъ аѣинскаго государства въ 4—3 вв. до Р. Хр.

²⁾ Астиномы—въ родѣ полицейскихъ чиновниковъ,—смотрѣли за внутреннимъ порядкомъ въ городѣ.

³⁾ Теофрастъ—философъ перипатетикъ.

„Влеки, за ногу схвативъ, чрезъ небесный порогъ“¹⁾.

Кратись имѣлъ обыкновеніе говорить, поднимая руки: смѣлѣй, Кратись; не бойся за свои глаза и другія части тѣла! Насмѣхающихся надъ тобою ты вскорѣ увидишь пораженными болѣзнію и считающими тебя счастливымъ, а самихъ — порицаемыми за недѣятельность.

Онъ-же говорилъ, что должно до тѣхъ поръ философствовать, пока полководцы не станутъ казаться погонщиками ословъ.

Окруженные льстецами, говорилъ Кратись, также одиноки, какъ и телята среди волковъ; ибо ни съ тѣми нельзя сближаться, ни съ этими — жить вмѣстѣ, но какъ съ тѣми, такъ и съ другими приходится быть, какъ съ навѣтниками, ожидающими своей жертвы.

Когда Александръ Македонскій спросилъ Кратиса, не желаетъ-ли онъ, чтобы отечество его было восстановлено, философъ отвѣчалъ: для чего это нужно? для того-ли, чтобы какойнибудь другой Александръ снова разрушилъ его? Я имѣю отечествомъ безславіе и бѣдность, которыхъ не возьметъ въ плѣнь судьба, я — гражданинъ Діогена, недоступнаго никакой зависти.

Неразумныхъ людей Кратись уподоблялъ буравамъ, потому что безъ принужденія и необходимости они ничего не хотятъ дѣлать.

Пришедши однажды на площадь и видя однихъ продающими, другихъ-же покупающими, Кратись сказалъ: эти люди себя считаютъ счастливыми, совершая дѣла, противоположныя другъ другу; а я считаю счастливымъ себя, избавленный отъ того и другаго, — отъ необходимости продавать и покупать.

Льстецовъ онъ называлъ людьми, которые за столомъ со всѣми и во всемъ соглашаются.

Одному богатому юношѣ, котораго окружали льстецы, Кратись сказалъ: юноша, я сожалею о твоёмъ одиночествѣ.

Увидѣвъ золотое изображеніе Афродиты, гетерою Фриною поставленное въ Дельфахъ, онъ воскликнулъ: вотъ стоитъ трофеей невоздержанія Еллиновъ!

¹⁾ Срав. Илиады I, 591.

Кратись деньги богачей и расточителей уподоблялъ смоковницамъ, растущимъ на скалахъ. Съ нихъ люди ничего не могутъ взять, а берутъ только вѣроны и сѣрые коршуны. Подобно этому деньгами расточителей пользуются и гетеры, а также льстецы.

Украшеніе, говорилъ Кратись, есть то, что украшаетъ. Украшаетъ-же то, что дѣлаетъ женщину болѣе скромною и честною. А дѣлаетъ ее таковою не золото, не смарагдъ и не красивое вещество; но то, что представляетъ образецъ честности, благочинія и стыдливости.

Когда кто-то спросилъ у Кратиса: что мнѣ будетъ пользы отъ философіи? То Кратись отвѣтилъ: ты легко можешь тогда открыть свой кошелекъ и взявъ оттуда деньги щедрою рукою раздавать и притомъ не такъ какъ теперь, оборачиваясь назадъ, медля и дрожа, подобно людямъ, у которыхъ параличъ поразилъ руки. Притомъ, если и полонъ будетъ твой кошелекъ, ты также на него будешь смотрѣть спокойно; и если увидишь его пустымъ, тоже не будешь скорбѣть. Если ты рѣшилъ пользоваться деньгами, то можешь дѣлать это легко; и если не будешь имѣть денегъ, не станешь желать ихъ имѣть; но будешь жить, довольствуясь тѣмъ, что есть, не желая непременно того, чего нѣтъ, и не оставаясь не доволенъ тѣмъ, что случилось уже.

Не богатствомъ, говорилъ Кратись, я стяжалъ себѣ великую славу, но бѣдностію ¹⁾.

38. МЕНЕДЕМЪ ЕРЕТРИЙСКІЙ.

Менедемъ, сынъ Клисеена, родился въ городѣ Еретри на островѣ Евбеѣ. Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ началъ онъ заниматься философіей и прибывъ въ Аѣны, слушалъ тамъ Платона, а особенно Сильпона. Потомъ самъ открылъ философскую школу въ Еретри, занимая въ то же время и значительныя государственныя должности. Заподозрѣнный въ намѣреніи пре-

¹⁾ Diog. L. VI, 5. Stobei, Florilogium, pagg. 55, 66, 149, 81, 152, 442, 523. 521.

дать свое отечество Антигону Гонату, онъ долженъ былъ уже въ старости покинуть родной городъ и бѣжалъ къ Антигону. Умеръ онъ 74 лѣтъ отъ роду. Сочиненій отъ Менедема не осталось. Образъ жизни его былъ простой. Онъ обладалъ характеромъ твердымъ, но былъ добръ, откровененъ и вѣренъ друзьямъ своимъ. Отъ него осталось до насъ нѣсколько изреченій, характеризующихъ его возрѣнія, образъ жизни и отношенія къ разнымъ лицамъ.

Когда одинъ мальчикъ дерзко отнесся къ Менедему, послѣдній ничего не сказалъ ему, но взявъ прутикъ, нарисовалъ имъ на земли образъ женщины. Вниманіе всѣхъ было обращено на это, и тогда мальчикъ, понявъ въ чемъ дѣло, пересталъ быть дерзкимъ.

Когда Пироклъ, начальникъ Пирея ¹⁾, бывъ вмѣстѣ съ Менедемомъ въ храмѣ Амфіарая ²⁾, много говорилъ о взятіи Еретріи, Менедемъ ничего не говорилъ съ своей стороны, а только спросилъ, за что превозноситъ его Антигонъ.

Когда одинъ прелюбодѣй дерзко отнесся къ Менедему, послѣдній сказалъ ему: неужели ты не знаешь, что не только капуста имѣетъ пріятный совѣ, но и рѣдька?

Одному юношѣ, громко кричавшему, Менедемъ замѣтилъ: смотри, какъ бы тебѣ не имѣть позади себя то, о чемъ ты и не знаешь.

Когда Антигонъ ³⁾ спрашивалъ у Менедема совѣта, идти ли ему на одну пирушку, Менедемъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ, а только велѣлъ сказать ему, что онъ—сынъ царя.

И. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Пирей—главная гавань близъ Аѳинъ, защищавшая послѣднія съ моря.

²⁾ Амфіарай—миѳическій царь Аргоса и предсказатель.

³⁾ Антигонъ Гонатъ, сынъ Димитрія Поліоркета, одинъ изъ многихъ преемниковъ Александра Великаго.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1887 года.

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1887 году.—Епархіальныя извѣщенія.—Некрологъ.—Рѣчь при погребеніи Протоіерея о. Андрея Капустина.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 24 февраля—14 марта 1887 г., за № 329, о мѣрахъ къ усиленію наблюденія за цѣлостію библиотекъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 февраля сего года, за № 189, о мѣрахъ къ усиленію наблюденія за цѣлостію библиотекъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Справка: Относительно семинарскихъ библиотекъ и чтенія учениками книгъ Святѣйшимъ Синодомъ установлены слѣдующія правила: 1) при выборѣ въ составъ семинарской библиотeki свѣтскихъ періодическихъ изданій обращается особое вниманіе на ихъ направленіе (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 24 марта 1870 г.); 2) приобретаемая въ семинарскую библиотeku книги должны быть сдаваемы въ правленія библиотекарю по реестрамъ или счетамъ книгопродавцевъ безъ записи ихъ въ какой-либо особый каталогъ при правленіи; инвентарь и періодическія изданія слѣдуетъ держать въ самой библиотекѣ, а не въ учительской комнатѣ; выдача-же и обратный приѣмъ всѣхъ вообще книгъ должны происходить безпрепятственно въ опредѣленные часы и ежедневно (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 20 апрѣля—15 мая 1873 г.); 3) книги изъ фундаментальной библиотeki должны быть выдаваемы ученикамъ по

возможности въ каждый день, въ опредѣленные часы. О книгахъ, потерянныхъ учениками, библіотекаръ обязанъ немедленно, по полученіи о томъ свѣдѣнія, доносить правленію для зависящихъ распоряженій о взысканіи. Цѣлость книгъ, взятыхъ изъ семинарской библіотеки наставниками и находящихся въ ихъ пользованіи, должна быть повѣряема при установленныхъ освидѣтельствованияхъ личности библіотеки (циркулярный указъ Святѣйшаго Синода 12 апрѣля 1874 г., № 19); 4) требуемая воспитанниками книги изъ фундаментальной семинарской библіотеки должны быть выдаваемы не иначе, какъ съ вѣдома и одобренія наставниковъ, къ предметамъ которыхъ книги сіи относятся (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 31 іюля—21 августа 1868 г.); 5) означенное одобрение со стороны наставниковъ должно быть письменно сообщаемо ими библіотекарю семинаріи (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 24 марта 1870 г.); 6) книги выписываются вновь для ученическихъ библіотекъ семинаріи не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи оныхъ и по утвержденной начальствомъ и педагогическимъ собраніемъ рекомендаціи со стороны наставниковъ, каждаго по своему предмету и вообще въ ученическія библіотеки не поступаютъ книги, содержаніе которыхъ неизвѣстно начальствующимъ лицамъ и наставникамъ (циркулярный указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 сентября 1868 г., № 57); 7) въ составъ ученической библіотеки не допускаются журналы и газеты, чтеніе которыхъ учениками можетъ быть съ большею пользою замѣнено чтеніемъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ учебному курсу (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 20 марта 1870 г.); 8) составленіе правилъ для ученической библіотеки не возлагается на выборныхъ изъ учениковъ, но относится къ обязанностямъ инспектора и его помощника, причемъ, подъ ихъ руководствомъ, обыденное наблюденіе за порядкомъ въ ней можетъ быть поручаемо и ученикамъ (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 22 января—11 февраля 1871 г.). Изложенныя правила подтверждены циркулярнымъ указомъ отъ 18 апрѣля 1884 г., № 2. Приказали: Въ недавнее время въ одной изъ духовныхъ семинарій обнаружено расхищеніе книгъ, изъятыхъ изъ ученической библіотеки и переданныхъ на храненіе въ фундаментальную. Относя причину сего прискорбнаго явленія къ недостаточной бдительности семинарскаго начальства по завѣдыванію семинарскою библіотекою и къ неисполненію существующихъ на этотъ предметъ правилъ, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію, опредѣляетъ: 1) подтвердить правленіямъ духовныхъ семинарій о неуклонномъ соблюденіи дан-

ныхъ имъ въ руководство правилъ по завѣдыванію семинарскими библіотеками, предписавъ имъ; а) чтобы семинарскія библіотеки находились подъ самымъ бдительнымъ наблюденіемъ и охраненіемъ подлежащихъ лицъ, согласно требованіямъ §§ 43 и 69 семинарскаго устава; б) чтобы въ эти библіотеки не были произвольно допускаемы къ выдачѣ или приведенію въ порядокъ книгъ лица постороннія, ни преподаватели, ни тѣмъ болѣе воспитанники; в) чтобы книги изъ фундаментальныхъ библіотекъ не были выдаваемы воспитанникамъ безъ особыхъ письменныхъ разрѣшеній преподавателей; г) чтобы самыя разрѣшенія преподавателей были контролируются ректоромъ семинаріи; д) чтобы педагогическія собранія семинарскихъ правленій, по пункту 16 § 103 устава духовныхъ семинарій, озабочивались составленіемъ правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотекъ и начальства семинарскія имѣли наблюденіе за исполненіемъ сихъ правилъ, и е) чтобы распорядительныя собранія семинарскихъ правленій, на основаніи п. 13 § 104 уст. дух. сем., назначали не менѣе двухъ разъ въ годъ комиссіи для обревизованія библіотекъ и о результатахъ сихъ ревизій своевременно и обстоятельно доносили епархіальному преосвященному для зависящихъ съ его стороны распоряженій; 2) отвѣтственность за утрату книгъ въ фундаментальной семинарской библіотекѣ возложить на завѣдующаго библіотекою и членовъ семинарскаго правленія; о чемъ, къ неуклонному исполненію, объявить семинарскимъ правленіямъ, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

СПИСОКЪ

лицъ духовнаго званія Харьковской Епархіи, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1887 году.

а) *Палицею*—Харьковскаго кафедральнаго Успенскаго собора, протоіереи: Сумеонъ *Иларіоновъ* и Тимошей *Павловъ*; б) *самомъ протоіерея*—Старобѣльскаго у., церкви слободы Елифановки, священникъ Василій *Капустянскій*; Старобѣльскаго у., церкви слободы Черниговки, священникъ Николай *Матвѣевъ*; Зміевскаго у., церкви села Береки, священникъ Василій *Тарановскій*; Ахтырскаго у., церкви села Чернетчины, священникъ Іосифъ *Трояновъ*, и Сумскаго у., церкви села Павловокъ, священникъ Захарія *Добрецкій*; в) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонахъ *Иннокентій*; Купянскаго у., церкви слободы Волосской Балаклейки, протоіерей Северіанъ *Сулима*; Харьковскаго у., церкви села Борщоваго, священникъ Іоаннъ *Ковалевъ*;

Хорошевскаго Вознесенскаго двѣвчьяго монастыря, игуменья *Ев-
праксія*; Зміевскаго у., церкви слободы Малиновой, священникъ
Василій *Толмачевъ*; Старобѣльскаго у., церкви слободы Шаровой,
священникъ Дмитрій *Ветуховъ*; Балковскаго у., церкви слободы
Новой Водолаги, священникъ Николай *Федоровскій*; Ахтырскаго у.,
церкви слободы Хухры, священникъ Василій *Рудинскій*; Изюмскаго
у., церкви слободы Савинецъ, священникъ Владиміръ *Ковалевскій*,
и Старобѣльскаго у., церкви слободы Денежниковой, священникъ
Аполлонъ *Станковъ*; г) *камилавкою*—Зміевскаго у., церкви слободы
Вербовки, священникъ Тимоѳей *Федоровъ*; Лебединскаго у., церкви
села Бѣжевки, священникъ Алексій *Лихницкій*; Старобѣльскаго у.,
церкви слободы Спѣваковки, священникъ Василій *Алексѣевскій*;
Сумскаго у., церкви села Бобрика, священникъ Павелъ *Раевскій*;
Балковскаго у., церкви слободы Новой Водолаги, священникъ Петръ
Леонтовичъ; Зміевскаго у., церкви села Отрады, священникъ Ва-
силій *Мураховскій*; Харьковскаго у., церкви села Непокрытаго, свя-
щенникъ Дмитрій *Соколовскій*, и Зміевскаго у., церкви села Мосъ-
панова, священникъ Василій *Васильковскій*; д) *скуфьею*—Старо-
бѣльскаго у., церкви слободы Присяной, священникъ Іоаннъ *Пав-
лавъ*; Старобѣльскаго у., церкви слободы Донцовки, священникъ Ва-
силій *Макаровскій*; Изюмскаго у., церкви села Ивановскаго, свя-
щенникъ Сергій *Толмачевъ*; Изюмскаго у., церкви села Надеждовки,
священникъ Дмитрій *Ковалевскій*; Харьковскаго у., церкви слобо-
ды Синолицевки, священникъ Іоаннъ *Губскій*; Волчанскаго у.,
церкви села Рублената, священникъ Африканъ *Пономаревъ*; Бого-
духовскаго у., церкви слободы Каплуновки, священникъ Василій
Якубовичъ; Волчанскаго у., церкви слободы Котовой, священникъ
Александръ *Рубинскій*; Старобѣльскаго у., церкви слободы Кара-
ячной, священникъ Василій *Жуковскій*; Лебединскаго у., церкви
села Боровеньки, священникъ Андрей *Малыревскій*; Изюмскаго у.,
церкви слободы Ямполя, священникъ Евгений *Титовъ*; Харьковскаго
у., церкви слободы Русской Лозовой, священникъ Арсеній *Будян-
скій*; Ахтырскаго у., церкви слободы Котельвы, священникъ Нико-
лай *Артемьевъ*; Ахтырскаго у., церкви села Турьи, священникъ
Михаиль *Понировскій*; Зміевскаго у., церкви села Ново-Ивановки,
священникъ Матѳей *Васильковскій*; Изюмскаго у., церкви села Не-
кременкаго, священникъ Николай *Скубачевскій*, и Зміевскаго⁰ у.,
церкви слободы Ново Серпухова, священникъ Николай *Ильинскій*,
и г) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода, съ выдачею установлен-
ной грамоты*—заштатный священникъ Василій *Михайловскій*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Предтечевской церкви села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда,
Димитрій Твердохльбовъ, утверждень законоучителемъ Черкасскаго на-
роднаго училища, того-же уѣзда.

— При Рождествѣ-Богородичной церкви слоб. Ново-Вѣлинькой, Старобѣльск. уѣзда, Епархіальнымъ Начальствомъ открыта вакансія второго священника и псаломщика; священникомъ на это мѣсто опредѣленъ состоящій при сей-же церкви псаломщикомъ окончившій курсъ семинаріи *Павлинъ Ставровъ*.

— Псаломщикъ Анно-Зачатьевской церкви села Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, *Митрофанъ Краснокутскій* волею Божіею умре.

— На праздное псаломщическое мѣсто при Анно-Зачатьевской церкви села Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ заштатный псаломщикъ *Максимъ Бутскій*.

— Псаломщикъ слоб. Вѣлинькой, Старобѣльскаго уѣзда, *Михаилъ Квитковскій*, перемѣщенъ въ слоб. Маньковку, Купянскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: села Березнекъ, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Филитъ Ивановъ Чичина*; Богодуховскаго уѣзда — Николаевской слободы Колонтаева крестьянинъ *Иванъ Власенко* на второе трехлѣтіе и Покровской села Любовки крестьянинъ *Іоакимъ Каплаухъ* на пятое трехлѣтіе.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

13 марта сего 1887 года въ шесть часовъ вечера послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ страданій скончался заштатный протоіерей, бывшій настоятель Волчанской Соборно-Троицкой церкви, отецъ Андрей Ивановичъ Капустинъ въ 76 году отъ рожденія.

Покойный сынъ діакона, родился въ поселеніи Закотномъ, Старобѣльскаго уѣзда, учился первоначально въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ и окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ съ аттестатомъ перваго разряда со степенью студента и съ серебряною медалью. 2 декабря 1833 года рукоположенъ во священника къ Рождество-Богородичной церкви слободы Боровой Купянскаго уѣзда; 27 апрѣля 1837 года перемѣщенъ къ Вознесенской церкви слободы Олыпаной Купянскаго же уѣзда и утвержденъ Благочиннымъ. Въ должности благочиннаго состоялъ 23 года по сентябрь мѣсяць 1860 г; съ 1850 по 1860 годъ состоялъ цензоромъ проповѣдей. Съ 1840 по 1860 годъ — наставникомъ сельскаго народнаго училища. Съ 28 сентября 1860 года по 23 февраля 1883 года состоялъ настоятелемъ Волчанскаго Собора. Въ 1862 году избранъ дѣйствительнымъ членомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1866 году — членомъ Волчанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Въ 1867 году назначенъ экзаменаторомъ причетниковъ по церковному придворному пѣнію. По приговору духовенства состоялъ два трехлѣтія уполномоченнымъ на Епархіальные и Училищные съѣзды. Въ 1872 году избранъ духовникомъ и назначенъ блю-

стителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Съ 1874 года сотрудиномъ епархіальнаго попечительства.

Что начальство цѣнило службу покойнаго объ этомъ свидѣлствуютъ полученныя имъ награды. Такъ 1841 году онъ былъ награжденъ набедренникомъ, въ 1844 году—возведенъ въ санъ протоіерея, въ 1848 году—награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею, 1852 года—камилавкой, 1858 г.—наперснымъ крестомъ, 1861 г.—орденомъ Св. Анны 3 степ., 1866 г.—палицею; 1872 г.—орденомъ Св. Анны 2 степ.; 1876 года—орденомъ Св. Владиміра 4 степ. съ правомъ потомственнаго Россійскаго дворянства.

Уволенъ за штатъ по слабости здоровья 23 февраля 1883 года. Всей службы было сорокъ девять лѣтъ, два мѣсяца и двадцать два дня. Стало быть до пятидесятилѣтняго юбилея покойный не дослужилъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Двумя годами раньше умерла жена покойнаго. Въ семействѣ усопшаго остались сыновья Симеонъ священникомъ въ Купянскомъ уѣздѣ, Василій и Дмитрій въ гражданскомъ вѣдомствѣ и дочери—Анастасія дѣвица и Іульянія въ замужествѣ за свѣтскимъ въ г. Волчанскѣ. Изъ имущества остался домъ съ флигелемъ и 200 руб., согласно завѣщанію, на погребеніе.

Отецъ Андрей отъ юныхъ лѣтъ былъ знакомъ съ нуждою и горемъ. Дѣтство свое онъ провелъ среди самой грубой и тяжелой обстановки. Незавидная доля его, какъ сироты и бѣдняка, была въ тогдашнемъ разсадникѣ просвѣщенія. Надѣленный сильнымъ и крѣпкимъ здоровьемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ и прекрасными душевными силами. Данныхъ ему отъ Господа талантовъ онъ не закопалъ въ землю, а воздѣлывалъ и премножалъ ихъ для славы Божіей и для пользы Церкви. Изъ пастырской дѣятельности покойнаго замѣчательна была его любовь къ проповѣдыванію Слова Божія; ни въ одно Богослуженіе онъ не оставлялъ безъ назиданія свою паству. Въ свободное время онъ постоянно занимался чтеніемъ духовной литературы, свѣтской—вообще онъ не долюбивалъ. Благодаря любознательности покойнаго, при Волчанскомъ Соборѣ одна изъ лучшихъ церковныхъ библіотекъ въ епархіи.

Покойный въ жизни своей отличался простотою, откровенностію и незлобіемъ. Но главною отличительною чертою его характера было прямодушіе. Онъ всегда говорилъ то, что чувствовалъ, что у него было на умѣ, то непременно выражалось и на языкѣ. По своей прямой натурѣ онъ какъ-то не умѣлъ скрывать даже самыхъ затаенныхъ помысловъ своей души. Житейское правило мудрости, во время помолчать, для его не существовало. Поступать по своему глубокому убѣжденію и какъ указываетъ долгъ и справедливость, вотъ чему онъ повиновался и съ чѣмъ старался

сообразовать свою жизнь. Господь благословилъ своего вѣрнаго раба христіанскою непоетыдною кончиною. Два раза усопшій сподобился таинства Елеосвященія, незадолго до смерти онъ нѣсколько разъ былъ напутствованъ святыми таинствами Покаянія и Причащенія. Почившій уже давно приготовилъ и гробъ и мѣсто для своего покоя, гдѣ покоится прахъ его подруги жизни. Тяжкія и продолжительныя тѣлесныя страданія, которыми онъ искупилъ свои согрѣшенія, разумѣется не безъ цѣли были допущены Промысломъ Божиимъ уже нѣсколько лѣтъ сряду. Удивительно при этомъ то, что у покойнаго до самой смерти сохранились слухъ, зрѣніе и почти всѣ пять чувствъ. Долго въ этой сильной и крѣпкой натурѣ боролась жизнь со смертію; наконецъ, 13 марта въ седьмомъ часу вечера благовѣсть въ большой колоколъ возвѣстилъ жителей города Волчанска о кончинѣ отца Андрея Капустина. Съ этихъ поръ домъ началъ наполняться прихожанами, которые сѣшили отдать послѣдній долгъ усопшему. 16 марта, послѣ Вожегственной литургіи, десятью священнослужителями, при огромномъ стеченіи народа, было совершено по чиноположенію священническое погребеніе. Во время погребенія настоятелемъ Собора было произнесено весьма навидательное слово, а мѣстнымъ благочиннымъ произнесена рѣчь о личныхъ качествахъ усопшаго. Гробъ руками священнослужителей былъ вынесенъ изъ Соборной церкви и наконецъ, при помощи добрыхъ прихожанъ, поставленъ въ усыпальницѣ (покойникой же устроенной въ оградѣ Соборной церкви) рядомъ съ женою, упредившею его двумя годами. Миръ праху твоему, вѣрный служитель Господень. Спи и почивай усердный труженникъ на нивѣ Христовой, до всеобщаго воскресенія!

Благочинный Священникъ *Алексій Евимовъ.*

Р Ѣ Ч Ъ

при погребеніи Протоіерея о. Андрея Капустина.

16-го Марта 1887 года.

Итакъ, возл. бр., бывшій предстоятель нашъ въ Господѣ, досточтимый духовникъ, о. Андрей Ивановичъ Капустинъ, котораго всѣ мы такъ сердечно уважали за дѣло его служенія Церкви, совершаемое имъ съ рѣдкимъ усердіемъ и достоинствомъ, за слово истины евангельской, возвѣщаемой имъ съ такимъ постоянствомъ и силою убѣжденія, послѣ долгой разлуки съ духовными чадами своими, по случаю тяжелой болѣзни, томившей его въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, наконецъ, опять посреди насъ, въ святомъ храмѣ, въ благолѣпномъ одѣяннн священства. Какое же теперь

имѣть онъ совершить для насъ священнодѣйствіе? Какое возвѣститъ намъ слово наставленія и утѣшенія? Увы! лице его закрыто, какъ тайна вѣчности; уста безмолвствуютъ, скованныя холодою смерти; мы видимъ его неподвижно лежащимъ во гробѣ: такъ мучительная болѣзнь сломила, наконецъ, нѣкогда крѣпкое и могучее тѣлосложеніе покойника. Теперь, принесенный во храмъ, одного онъ ожидаетъ отъ нашей любви, чтобы всѣ мы, прихожане и почитатели, совершивши надгробное пѣніе ко Господу, съ чувствами глубокой признательности отдали ему послѣднее наше цѣлованіе. Впрочемъ, хотя безмолвныя уста нашего добраго пастыря не могутъ уже преподать намъ слова назиданія и утѣшенія, какъ бывало въ прежнія времена; но вся жизнь его, протекшая во славу Божию, все его полувѣковое служеніе Церкви, преисполненное труда и нужды, христіанскаго терпѣнія и самоотверженія ради Господа, краснорѣчиво научаетъ насъ, какъ жить по-христіански, напоминая намъ богомудрыя слова ап. Павла: никто изъ васъ (пусть) не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, для Господа живемъ, умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ всегда Господни (Рим. 14, 7, 8).

Служебное поприще приходскаго священника, заброшеннаго въ безызвѣстную деревню, гдѣ онъ оставляется дѣйствовать одиноко, безъ дружескаго участія, безъ добраго совѣта и руководства, гдѣ онъ часто не находитъ случая освѣжить свою душу разумною бесѣдою съ просвѣщеннымъ человѣкомъ, при тѣхъ многообразныхъ неудобствахъ и противодѣйствіяхъ, какія постоянно встрѣчаются ему на его жизненномъ пути, — дѣло не особенно легкое и привлекательное: нѣтъ въ немъ ничего отраднаго для нашего самолюбія, чтобы обѣщало ему или наслажденіе, или мірскія выгоды и преимущества. Для того, чтобы поступить на скромное поприще сельскаго священника, требуется своего рода подвигъ. Служеніе это требуетъ отъ насъ самоотверженной готовности взять на себя и терпѣливо понести благое иго Христово, одушевляясь одною вѣрою и одною любовію ко Господу. Оттого-то въ послѣднее время, молодые люди духовнаго званія, къ сожалѣнію, нерѣдко лучшіе и способнѣйшіе, съ такою неудержимостію устремляются въ раскрытыя врата многосторонней дѣятельности по гражданскому вѣдомству, гдѣ молодое ихъ воображеніе рисуетъ для себя больше славы и почестей, больше преимуществъ, богатства и развлеченій свѣтской жизни. Покойникъ о. Андрей не убоялся посвятить себя на непривлекательное служеніе сельскаго священника, въ то время, когда, окончивши свое духовное воспитаніе въ Харьковскомъ Коллегіумѣ въ числѣ первыхъ студентовъ, и обладая отъ природы богатыми умственными способностями, живою впечатлительностію сердца и силою воли, онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, неоспоримое право и возможность поступить, для даль-

нѣйшаго богословскаго образованія, въ духовную академію, что, конечно, могло-бы обѣщать ему болѣе широкое и видное поприще общественной дѣятельности. Сверхъ того, онъ поступаетъ священникомъ на самое бѣдное мѣсто, сначала въ какую-то глухую весъ „Боровую“, потомъ Ольшаную, а потомъ уже и въ нашъ Богоспасаемый градъ Волчанскъ, который малымъ чѣмъ въ то время отличался отъ хорошей деревни. Въ виду всего этого, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что поступленіе его на скромное дѣланіе приходскаго священника произошло не по нуждѣ какой, не по требованію безвыходной крайности, но по доброму изволенію, потому, что онъ глубоко почиталъ высокій санъ священника, искренно убѣжденъ былъ въ важности и святости пастырскаго служенія, потому, наконецъ, что смиренно покорился Божественному Промысленію и предалъ себя его благостному руководству, вѣруя, что оно путемъ рожденія и воспитанія предъизбрало его, для добраго дѣланія въ вертоградѣ Господнемъ, въ санѣ священника.

Правда, священническое служеніе на селѣ обѣщаетъ своего рода скромныя выгоды и тихія радости: пріятно, вдали отъ шумныхъ тревоженій свѣта, зажить мирно на лонѣ дѣвственной природы, невозмутимо вкушать радости простой семейной жизни, благодушно заниматься здоровымъ и пріятнымъ дѣломъ сельскаго хозяйства, — земледѣліемъ и пчеловодствомъ, дышать, такъ сказать, самымъ свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, наполняющимъ мирную деревню, зеленѣющіе поля и лѣса. Но сколько намъ извѣстно, покойный о. Андрей, при поступленіи на сельскій приходъ, не оказалъ особенной склонности къ деревенской позіи, къ мирной дѣятельности поселанина, занимаясь сельско-хозяйственными дѣлами безъ увлеченія, мимоходомъ. Напротивъ, все вниманіе своего ума, всю молодую горячность сердца онъ отдалъ Церкви и своему приходу, стараясь по возможности просвѣщать простой людъ познаніемъ православной вѣры и начальныхъ правилъ доброй христіанской жизни. Весьма рано онъ началъ отличать себя усерднымъ проповѣданіемъ слова Божія, рано сдѣлался онъ извѣстнымъ, какъ дѣятельный труженникъ по народному образованію, — такъ что, несмотря на отдаленность молчаливой деревни, добрыя свѣдѣнія о дѣятельности молодаго пастыря доходили до слуха Преосвященныхъ Архипастырей и Епархіальнаго Начальства, которое скоро и отличило его между другими священниками назначеніемъ къ исполненію должности благочиннаго, какъ болѣе способнаго и дѣятельнаго. Само собою, исполненіе хлопотливой должности благочиннаго совершенно отвлекло вниманіе о. Андрея отъ удовольствій и заботъ сельско-хозяйственной дѣятельности. Виѣстъ съ тѣмъ, болѣе познакомившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ, нуждами и потребностями простаго народа, онъ пришелъ къ тому печальному убѣжденію,

что того научнаго образованія, какое онъ получилъ въ Коллегіумѣ, гдѣ во времена оны широко царила одна мертвая латынь, далеко недостаточно для успѣшной и благотворной дѣятельности на сельскомъ приходѣ. Въ виду этого, желая хотя нѣсколько восполнить пробѣлы своего знанія, о. Андрей Капустинъ, все досужее время, всѣ долгія зимнія ночи посвящалъ на чтеніе полезныхъ книгъ, на сочиненіе пастырскихъ поученій чтобы, напитавшись словами вѣры и добрымъ ученіемъ (Тим. 4, 6), быть совершеннымъ человекомъ Божиимъ, приготовленнымъ для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности (2 Тим. 3, 16, 17). Насколько онъ любилъ это плодотворное занятіе можетъ свидѣтельствовать обширная бібліотека нашего соборнаго храма, которая именно за его время, благодаря его разумной любознательности, обогатилась такими прекрасными и дорогими книгами и журналами. Обогащенный неувядаемымъ сокровищемъ богословскаго званія, пріобрѣтеннаго имъ путемъ настойчиваго самообразованія, о. Андрей щедро дѣлился такимъ духовнымъ богатствомъ съ духовными чадами, что дѣлало продолжительное его служеніе Церкви особенно благотворнымъ, достойнымъ доброй памяти и похвалы: писанныя его поученія, были постоянно богаты содержаніемъ, поучительны, проникнуты живымъ чувствомъ и силою убѣжденія; но чаще еще онъ говорилъ изустно, безъ приготовленія на бумагѣ, особенно воскресныя свои послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами, которыя произносилъ съ особенною увлекательностію, разнообразя свою бесѣду живыми разказами изъ простаго быта, что такъ наглядно выясняло предметъ поученія, что и самыя простыя слушатели могли уразумѣвать истину. Вообще, въ церкви ли, въ домахъ прихожанъ, въ погостѣ или въ полѣ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ по требованію пастырскаго долга, живая и умная бесѣда о. Андрея непремѣнно привлекала къ нему общее вниманіе слушателей.

Жизнь и служеніе приходскаго священника особенно неприглядны и трудны потому, что они не обезпечены сколько нибудь постояннымъ и достаточнымъ содержаніемъ: содержаніе священника, нерѣдко обремененнаго большою семьею, зависитъ единственно отъ добраго вниманія и усердія прихожанъ. Никто въ полнѣй мѣрѣ не вѣдаетъ, сколько иногда приходскому священнику приходится терпѣть нужды, непріятностей, обиды, униженія, поношеній отъ грубаго произвола, отъ тупаго невѣжества и неразумія, отъ холоднаго невниманія къ его трудамъ и служенію. Многіе, въ послѣднее время, не знаемъ, впрочемъ, искренно или притворно, соболѣзнуя о такомъ неблагопріятномъ положеніи приходскихъ священниковъ, по которому они будто бы не могутъ въ надлежащей степени благотворно вліять на своихъ прихожанъ, написали множество проектовъ къ улучшенію этого положенія, рекомендуя устроить нашу жизнь по образцу католическаго или лютеран-

скаго духовенства. Внѣшнее положеніе католическихъ отцовъ и нѣмецкихъ пасторовъ дѣйствительно очень завидно: они пользуются и нѣкоторою долею свѣтской власти и вліянія въ приходахъ и обезпечены весьма достаточнымъ содержаніемъ: они живутъ роскошно, какъ помѣщики. Но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что и внѣшнее положеніе православнаго священника ближе подходитъ къ тому образцу жизни духовнаго пастыря, раба Христова, какой показалъ въ Своей земной жизни Самъ Христосъ, Который, какъ вѣдомо, большею частію прожилъ въ неизвѣстности, въ постоянной бѣдности и униженіи, не имѣя пріюта, гдѣ бы голову приклонить, питаясь подаяніемъ отъ добродѣтельнаго усердія своихъ почитателей. Отказываясь Самъ отъ всякаго вида мірской власти, силы и богатства, Господь и апостоламъ Своимъ заповѣдалъ, когда посылалъ ихъ ва проповѣдь евангелія, не отягощать себя такими излишествами: не берите съ собою, говорилъ Онъ, ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои.... ибо трудящійся достоинъ пропитанія (Мат. 10, 9. 10). Это значить, что всякимъ мірскимъ добромъ и довольствомъ проповѣдники евангелія могутъ пользоваться, по мѣрѣ своего труда и усердія къ дѣлу, отъ добродѣтельнаго усердія народа. По всему этому, нужно думать, не безъ воли Господа, нашего вѣчнаго Архіерея, внѣшнее положеніе православнаго священника находится въ такомъ трудномъ и неприглядномъ видѣ; видно, милосердіе Его желаетъ провести насъ путемъ добровольной нищеты на высоту того духовнаго смиренномудрія, которое не страшится никакой мірской силы и преобладанія и которому принадлежитъ, по слову Господа, царство небесное: блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное" (Матѣ. 5, 3). Покойный о. Андрей, смиренно предавшій себя въ волю Божию, никогда особенно не ропталъ и не скорбѣлъ на свое бѣдное и зависимое положеніе на приходѣ; онъ всегда мужественно и бодро шелъ своею дорогою; не боязненно возвѣщалъ святую правду, не взирая на лица. И теперь народъ съ глубокимъ уваженіемъ припоминаетъ особенно эту благородную черту его характера. „Правдивый былъ человекъ“, говорятъ единогласно всѣ прихожане. Бѣдное и зависимое положеніе нисколько, поэтому, не препятствовало ему благотворно вліять на своихъ добрыхъ прихожанъ: его уважали и любили, какъ достойнаго пастыря. Чтобы понять въ полной мѣрѣ, въ какомъ духѣ и съ какою силою о. Андрей совершалъ свое пастырское служеніе, для этого нѣтъ надобности справляться съ его послужнымъ спискомъ, въ которомъ каждая строка говоритъ или о его отличномъ усердіи къ пастырскому дѣлу, или о высокомъ вниманіи и похвалѣ высшей власти и начальства. Нѣтъ, нужно видѣть его служеніе и оцѣнить на самомъ мѣстѣ, въ томъ храмѣ, гдѣ онъ священнодѣйствовалъ и возвѣщалъ слово истины евангельской, въ тѣхъ христіанскихъ

домахъ; куда онъ являлся; какъ добрый пастырь, чтобы наставить и просвѣтить, въ тѣхъ убогихъ хижинахъ нищеты, куда онъ приходилъ, какъ Ангелъ Божій, чтобы утѣшить и поскорѣть. И это мы говоримъ, не сочиняя идеальныя черты добраго пастыря, а самую настоящую дѣйствительность. Пройдите по всему приходу, и нигдѣ, ни въ одномъ домѣ не услышите вы ничего болѣе, кромѣ признательности и глубокаго уваженія. Одна благочестивая старица рассказывала, что о. Андрей однажды увѣщевалъ ее съ такимъ чувствомъ, что: „и я плачу, говорила она, и онъ плачетъ“. Между тѣмъ, отдавая себя съ такою ревностію и самоотверженіемъ во имя Господне на служеніе приходу, для себя ничего особеннаго онъ не пріобрѣлъ за всю свою многотрудную пятидесятилѣтнюю службу. Дока служилъ приходу, до тѣхъ поръ былъ сытъ и доволенъ; но когда, по случаю тяжкой болѣзни, онъ поступилъ заштатъ, то дошелъ до крайней бѣдности, не имѣя ничего, кромѣ скуднаго пенсіона. И что-же? и на одрѣ немощи, въ самомъ жалкомъ и безпомощномъ состояніи, когда, казалось, всѣ его забыли и оставили, онъ благословлялъ благодать Божию, богато проявляющуюся въ его жизни. Онъ жилъ для Господа, и умеръ для Господа, помышляя не столько о пріобрѣтеніи тлѣннаго богатства и мірскихъ преимуществъ для себя; сколько о томъ, чтобы обогатить васъ, своихъ духовныхъ чадъ, доброю вѣрою и богатствомъ благодати Божіей, чтобы привлечь сердца ваши ко Господу Богу, отвлекая отъ суетной и грѣховной жизни.

Итакъ, возбратъ; никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, для Господа живемъ, умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни. Въ этомъ высокомъ правилѣ глубокой смыслъ всей жизни почившаго пастыря нашего и виждѣте его посмертное наставленіе и отеческое завѣщаніе для нашей любви. За все то доброе, что покойный о. Андрей сдѣлалъ для прихода, или въ отдѣльности для каждаго изъ насъ, за всѣ труды и скорби, болѣзни и лишенія, какія онъ претерпѣлъ, совершая посреди насъ свое пастырское служевіе, будемъ усердно молиться Богу о упокоеніи души его въ обителяхъ небесныхъ со всѣми святыми. „Братіе мои возлюбленные, взываетъ онъ къ намъ словами церковной пѣсни, не забывайте мя, егда поете Господа, но поминайте и братство, и молитесь Богу, да упокоитъ мя съ праведными Господь (Тропарь гл. 6 при погр.).

Протоіерей А. Павловъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Кончина курскаго епископа Михайла.—Свѣдѣнія о предстоящихъ перемѣщеніяхъ епископовъ.—Подарокъ Кіевскому церковно-археологическому музею.

20 сего марта скончался на 58 году жизни преосвященный Михаилъ, епископъ курскій. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, какъ ученый богословъ, талантливый, краснорѣчивый профессоръ и воспитатель цѣлыхъ поколѣній ученыхъ пастырей и дѣятелей духовнаго просвѣщенія и богословской науки, и, наконецъ, какъ достойный архипастырь. Уроженецъ Нижегородской губерніи, Макарьевского уѣзда, села Шавы,—сынъ причетника, въ мѣрѣ онъ носилъ имя Матвѣя Лузина. Воспитаніе получилъ въ нижегородской семинаріи и затѣмъ въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ въ курсъ въ числѣ первыхъ магистровъ 1854 года. Предъ окончаніемъ курса, онъ былъ постриженъ въ монахи. Еще будучи студентомъ, онъ выдавался особенными познаніями въ экзегетикѣ, и, по окончаніи академическаго курса, какъ даровитый и лучшій магистръ, былъ оставленъ въ своей alma mater и допущенъ къ чтенію лекцій по своему любимому предмету—св. писанію новаго завѣта. Изъ учено-литературныхъ трудовъ покойнаго особенно замѣчательны: 1) „Введеніе въ экзегетику св. писанія“ и 2) „Толковое евангеліе“ въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ, за которое духовно-учебный комитетъ Св. Синода присудилъ ему въ 1872 году рѣдкую въ нашемъ учено-богословскомъ мѣрѣ высшую степень доктора богословія. Труды покойнаго отличались богатой эрудиціей и основательностью. Будучи въ 1854—1876 г. профессоромъ по кафедрѣ св. писанія въ московской духовной академіи, о. Михаилъ поставилъ эту науку на практическую почву; благодаря его вновь составленнымъ по этому предмету запискамъ, отодвинуты были въ сторону старыя сухія и схоластическія руководства. Въ 1860 году возведенъ въ санъ архимандрита. Въ продолженіи 9 лѣтъ покойный проходилъ должность инспектора московской академіи (съ 1861—1870 годъ) и оставилъ по себѣ въ бывшихъ студентахъ академіи самую свѣтлую память. Въ 1876 году, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ сотрудниковъ и преемниковъ знаменитаго ректора московской академіи, протоіерея А. В. Горскаго, покойный былъ назначенъ ректоромъ московской академіи, а въ 1878 году былъ переведенъ ректоромъ кіевской академіи, на мѣсто преосвященнаго Филарета, съ возведеніемъ въ санъ еписко-

па уманскаго. Въ 1883 году покойный былъ назначенъ епископомъ курскимъ. Епископъ Михаилъ состоялъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, а также членомъ с.-петербургскаго комитета по преобразованію духовныхъ учебныхъ заведеній (въ 1866—1869 годовъ).

— „Новости“ сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о предстоящихъ перемѣщеніяхъ епископовъ: 1) На вакантную послѣ смерти епископа Михаила, курскую кафедру назначается преосвященный Іустинъ, епископъ подольскій и брацлавскій. 2) На мѣсто преосвященнаго Іустина предназначается епископъ рижскій и митавскій Донатъ. 3) На мѣсто преосвященнаго Доната переводится первый викарій петербургской епархіи и ректоръ здѣшней духовной академіи, Арсеній, епископъ ладожскій. 4) На мѣсто преосвященнаго Арсенія, по слухамъ, назначается инспекторъ здѣшней же духовной академіи, архимандритъ Автоній (Вадковскій), съ возведеніемъ его въ санъ епископа выборгскаго, второго викарія мѣстнаго митрополита, а мѣсто перваго викарія будетъ поручено теперешнему второму викарію Сергію, епископу выборгскому.

— Въ Кіевской церковно-археологической музей на дняхъ поступилъ оригинальный епископскій жезлъ, даръ бывшаго православнаго миссіонера въ средѣ язычниковъ, обитателей русскаго Алтая, нынѣ епископа ставропольскаго, Владиміра, питомца кіевской духовной академіи. Жезлъ этотъ, служа символомъ чувства благодарности и преданности архипастыря воспитавшей его „almae matris“, интересенъ въ томъ отношеніи, что составленъ онъ изъ небольшихъ колонокъ различныхъ породъ мрамора, залегающихъ въ горахъ русскаго Алтая; всѣ остальные матеріалы, изъ которыхъ сдѣланъ стержень, наконечникъ и рога жезла,—желѣзо, мѣдь и золото, также добыты въ нѣдрахъ алтайскихъ горъ руками мѣстныхъ рабочихъ. Рисунокъ, гранильные, литейныя и позолотныя работы исполнены на Алтаѣ-же мѣстными художниками и мастерами колыванскихъ гранильныхъ фабрикъ. „Утѣшенъ буду, пишетъ архипастырь, если жезлъ сей хоть когда-нибудь будетъ употребляемъ при богослуженіи начальниками академіи; но въ особенности желалъ-бы этого въ день послѣдній всякаго года, когда молитвенно воспоминаются всѣ усопшіе благодѣтели, начальники, наставники и воспитанники академіи“. Желаніе почтеннаго жертвователя будетъ исполнено.